

Рихард Вагнер
Моя жизнь. Том II
Серия «Мемуары ACADEMIA»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14653856
Р. Вагнер. Моя жизнь. Том 2: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2014
ISBN 978-5-4444-2046-1, 978-5-4444-8195-0

Аннотация

«Моя жизнь» Рихарда Вагнера является и ценным документом эпохи, и свидетельством очевидца. Внимание к мелким деталям, описание бытовых подробностей, характеристики многочисленных современников, от соседа-кузнеца или пекаря с параллельной улицы до королевских особ и величайших деятелей искусств своего времени, – это дает возможность увидеть жизнь Европы XIX века во всем ее многообразии. Но, конечно же, на передний план выступает сама фигура гениального композитора, творчество которого поистине расколело мир надвое: на безоговорочных сторонников Вагнера и столь же безоговорочных его противников. Личность подобного гигантского масштаба неизбежно должна вызывать и у современников, и у потомков самый жгучий интерес.

Новое издание мемуаров Вагнера – настоящее событие в культурной жизни России. Перевод 1911–1912 годов подвергнут новой редакции и сверен с немецким оригиналом с максимальным исправлением всех недочетов и ошибок, а также снабжен подробным справочным аппаратом. Все это делает настоящий двухтомник интересным не только для любителей музыки, но даже для историков.

Содержание

Часть вторая (продолжение). 1847–1850	5
Часть третья. 1850–1861	92
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Рихард Вагнер
Моя жизнь
Том 2

Richard Wagner
Mein Leben

© Залеская М. К., предисловие, послесловие, комментарии, 2014
© ООО «Издательство «Вече», 2014

* * *

Часть вторая (продолжение). 1847–1850

200

С началом нового (1847) года я занялся самой постановкой «Ифигении», причем мне пришлось взять на себя и режиссерские функции. Даже декоратору и машинисту я принужден был давать указания. Приходилось изобретать способы органически связать между собой отдельные разрозненные сцены и сообщить всему ходу драматического действия некоторую жизненность. Во времена Глюка в Париже царило условное отношение к требованиям такого рода. Из всех исполнителей действительно порадовал меня лишь Миттерверцер в роли Агамемнона. Он вполне понял и усвоил мои указания и пояснения и умел выполнить свою задачу во всех отношениях прекрасно и увлекательно. Успех оперы превзошел все ожидания. Сама дирекция была так этим поражена, что по собственному почину на афише второго представления было напечатано: «в обработке» такого-то. Это обратило на меня внимание всей критики, и она воздала мне должное. Лишь обработка увертюры, единственной части Бетховен оперы, знакомой этим господам по прежним тривиальным исполнениям, вызвала их энергичные нападки. Я в свое время подробно ответил на эту критику в особой статье «Увертюра Глюка к “Ифигении в Авлиде”»¹ и здесь замечу только, что музыкант, высказавший при этом случае чрезвычайно странные взгляды, был не кто иной, как Фердинанд Хиллер.

В ту зиму продолжались периодические собрания различных представителей искусства в Дрездене, теперь принявшие характер салонных вечеров в доме Хиллера. Все это он делал, по-видимому, с определенной целью: обеспечить себе славу выдающейся в искусстве величины. Из людей богатых, любящих музыку, во главе с банкиром Каскелем², он основал общество по организации абонементных концертов. Так как рассчитывать на услуги Королевской капеллы ему нельзя было, то из городских и военных музыкантов он организовал оркестр, с помощью которого при большом труде достигал очень солидных результатов. Исполнением музыкальных творений из области новой музыки, до сих пор в Дрездене незнакомых, он даже меня заставил посещать его концерты.

Но большую публику он старался привлечь, приглашая к участию известных певиц (к сожалению, Женни Линд³ ему отказала) и виртуозов (между ними я слышал еще очень тогда

¹ См.: *Wagner R. Gluck's Ouverture zu Iphigenie in Aulis. (Mit einer Notenbeilage) // Neue Zeitschrift für Musik. 1854. Bd. 41. S. 1–6.*

² Каскель Михаэль Эрнст Карл (Kaskel; 1797–1874); барон фон Каскель (с 1869 г.); псевдоним Карл Лассек (Lassekk), немецкий банкир еврейского происхождения, владелец банкирского дома Каскель (Bankhaus Kaskel) и один из соучредителей Дрезденского банка (Dresdner Bank). В 1844 г. перешел в протестантизм, а затем – в католицизм. С 1866 г. – тайный камеральный советник. 28 октября 1867 г. возведен в дворянское достоинство. В мае 1869 г. награжден орденом Железной короны 2-го класса и 4 июня того же года получил титул барона. В 1872 г. банкирский дом Каскель был преобразован в Дрезденский банк – один из ведущих финансовых институтов Германской империи и за ее пределами вплоть до начала XXI в. Помимо финансовых интересов, Каскель был с детства музыкально одаренным человеком; свои сочинения публиковал под псевдонимом Карл Лассек. Был близким другом Дж. Мейербера; переписывался с Р. Шуманом.

³ Линд Йоханна Мария (Lind; более известна как Женни [Дженни; Йенни] Линд; 1820–1887), шведская оперная певица (сопрано); имела прозвище Шведский соловей. Начала заниматься пением в возрасте 10 лет. Дебютировала в 1838 г. в постановке «Фрейшютца» К. М. фон Вебера на сцене Королевской шведской оперы. В 1840 г. стала членом Королевской Шведской академии музыки. В 1841–1843 гг., будучи в Париже, брала уроки вокала у Мануэля Патрисио Родригеса Гарсиа, более известного как Мануэль Гарсиа-младший (García; 1805–1906), брата певицы Полины Виардо. В 1843 г. Линд гастролировала в Дании, где встречалась с Гансом Христианом Андерсеном. Среди поклонников таланта Линд были Р. Шуман, Г. Берлиоз, Ф. Мендельсон и Дж. Мейербер. В декабре 1845 г. Линд впервые выступала на сцене лейпцигского Гевандхауза в благотворительном концерте; певица в течение всей жизни жертвовала значительные суммы из своих гонораров на бла-

молодого Иоахима⁴). Чего он стоил сам как музыкант, об этом свидетельствовало его толкование некоторых мне хорошо знакомых произведений. *Triple-Konzert*⁵ Себастьяна Баха был им проведен, к моему величайшему изумлению, плоско и равнодушно. С *Tempo di Minuetto*⁶ Восьмой симфонии Бетховена случилось нечто еще более удивительное, чем прежде с Райсигером и Мендельсоном. Я обещал ему прийти на концерт, где он должен был дирижировать симфонией, если в свою очередь он обещает не уродовать третьей части нелепым темпом. Он самым положительным образом уверил меня, что вполне со мной согласен. Каков же был мой испуг, когда при исполнении этой части он опять взял тот же знакомый темп вальса! Когда я стал его упрекать, он с улыбкой извинился и сослался на то, что как раз к началу третьей части что-то отвлекло его внимание и он забыл о своем обещании. В благодарность за организацию этих концертов (они, кстати, в следующем году не повторились) Хиллера чествовали обедом, в котором с удовольствием принял участие и я.

В этих кругах удивлялись, что я часто и очень охотно разговаривал не о музыке, а о греческой литературе и истории. Дело в том, что в то время я все больше и больше уединялся и углублялся в свои занятия историей и литературой. Я стремился заполнить пробел, образовавшийся в этой важнейшей области гуманитарного развития со времени моих ранних юношеских лет. Мои скитания и вся моя жизнь отвлекли меня от систематических занятий, столь отвечающим моим духовным потребностям, и удалили меня от этого несравненного источника образования. Чтобы подготовиться серьезно к занятиям древней и средневековой историей Германии, я начал снова с изучения Древней Греции. Занятия так увлекли меня, что я оживлялся в беседе лишь тогда, когда разговор задевал эту тему. Изредка попадался собеседник, охотно меня слушавший.

Но в общем чаще всего со мной беседовали о театре, так как после постановки глюковской «Ифигении» обо мне сложилось мнение как о настоящем специалисте по этой части. Особенно высоко ценил меня человек, в котором и я, со своей стороны, имел все основания предполагать знания столь же серьезные, как и мои собственные. То был Эдуард Девриент, бывший главный режиссер драматического театра, лишь недавно принужденный отказать от своего места из-за интриг собственного брата Эмиля. Нас сблизили как одинаковые взгляды на жалкое и совершенно безнадежное положение театрального дела, гибнущего под управлением невежественных придворных интендантов, так и его полное согласие со мной в толковании «Ифигении», которое он имел случай сопоставить с совершенно нелепым берлинским исполнением. Долгое время он был единственным человеком, с кем я мог серьезно и подробно обсуждать действительные нужды театра и средства к предотвращению его окончательного упадка.

Благодаря своему более продолжительному и специальному опыту он многое мне осветил и многому меня научил. Так, он помог мне избавиться от предрассудка, будто от привлечения к участию в театре чисто литературных сил можно ждать какой-нибудь пользы,

готворительность. В 1847 г. гастролировала в Лондоне; в 1849 г. оставила оперную сцену и стала выступать исключительно в концертах. В 1950 г. Линд уехала в Америку и вернулась в Европу в 1852 г. С 1855 г. жила в Англии; с 1882 г. являлась профессором Королевского музыкального колледжа (Royal College of Music) в Лондоне.

⁴ Иоахим Йозеф (Joachim; 1831–1907), австро-венгерский композитор, скрипач, дирижер и педагог. С 1838 г. выступал с концертами как скрипач-виртуоз. В 1843–1849 гг. посещал занятия в Лейпцигской консерватории. С 1848 г. был членом оркестра Гевандхауза. В 1849–1853 гг. являлся концертмейстером в Веймаре; в 1852–1866 гг. – в Ганновере. С 1868 г. жил в Берлине. В 1869 г. Вильгельм I назначил Иоахима ректором основанной им Королевской Высшей школы исполнительского искусства (Königlich Akademischen Hochschule für ausübende Tonkunst); позже Берлинская Высшая музыкальная школа (Musikhochschule). Основатель и руководитель струнного квартета с 1879 г., названного его именем (Joachim-Quartett). С 1872 г. неоднократно гастролировал в России. Был дружен с Р. Шуманом и И. Брамсом, творчество которых оказало на Иоахима сильнейшее влияние. Композиторское наследие его включает три концерта для скрипки с оркестром, сочинения для скрипки и фортепьяно, ряд песен и др.

⁵ Концерт для флейты, скрипки и клавира a-moll («Тройной концерт»).

⁶ Часть III Восьмой симфонии.

и укрепил меня, напротив, в убеждении, что лишь собственными усилиями самих драматических артистов может быть найден путь к его возрождению. Эдуард Девриент, человек сухой и как артист очень мало даровитый, ранее почти вовсе не интересовал меня. Но теперь, вплоть до того момента как я покинул Дрезден, между нами установились прочные дружеские отношения. Очень ценный труд его «История немецкого театрального искусства»⁷, над которым он тогда работал и который выпускал по частям, заключал в себе много новых и поучительных указаний на вещи, которые живо меня интересовали и которые стали понятными только благодаря ему.

201

Наконец мне удалось снова приняться за прерванную работу по композиции третьего действия «Лоэнгрина», и к концу зимы я ее закончил. В Вербное воскресенье я опять дирижировал, по общему желанию и к моему большому внутреннему удовлетворению, Девятой симфонией. Летнего отпуска я на этот раз не брал, а чтобы создать условия, благоприятные для дальнейшей работы над «Лоэнгрином», я переменил квартиру.

Бывший дворец Марколини⁸ с очень большим садом, разбитым в старофранцузском стиле, дворец, расположенный в одном из отдаленных, малонаселенных углов Дрездена, был куплен городским управлением и частью сдавался внаем. Скульптор Хэнель, которого я знал давно (он подарил мне, между прочим, в знак уважения и сочувствия полный гипсовый слепок с барельефа к памятнику Бетховена, изображающий Симфонию⁹ и служивший украшением моей квартиры), снял помещение в нижнем этаже бокового флигеля дворца под квартиру для себя и мастерскую. За очень недорогую цену снял и я на Пасхе обширное помещение над ним с правом пользоваться большим садом со множеством роскошных деревьев. Таким образом я не только обеспечил себе спокойствие и тишину, столь необходимые для моей духовной и телесной «диеты», но еще значительно сократил расходы – обстоятельство, далеко не лишнее при моих нынешних делах. Скоро благодаря Минне, сумевшей дешево и рационально обставить квартиру, мы устроились очень уютно. Лишь одно неудобство давало себя знать: удаленность от театра. После напряженных занятий на репетициях и утомительных спектаклей это было чувствительно, в особенности когда не хватало денег на фиакр. Но необыкновенно удачное лето и связанное с ним прекрасное настроение помогли мне мириться с этим неудобством.

В это время я решительно отказался от всякого прямого участия в делах дирекции театра, и серьезных оснований у меня для этого было достаточно. Каждая попытка с моей стороны упорядочить царивший хаотический произвол и рационально направить художественно-артистические силы терпела крушение именно потому, что я подходил к этим вопросам и стремился их обосновать с принципиальной стороны. В течение истекшей зимы

⁷ Geschichte der deutschen Schauspielkunst. Пяти томный труд, написанный Э. Девриентом в 1848–1874 гг.

⁸ Дворец Марколини (Palais Brühl-Marcolini), барочный ансамбль, расположенный на Фридрихштрассе (Friedrichstraße) во Фридрихштадте. В 1736 г. его приобрел и перестроил первый министр Августа III (1738–1763) граф Генрих фон Брюль (von Brühl; 1700–1763). После смерти фон Брюля дворец и парк находились в запустении, пока в 1778 г. их не купил директор Мейсенской фарфоровой мануфактуры граф Камилло Марколини (Marcolini, 1739–1814). Вскоре дворец стал центром общественной жизни Дрездена и назван именем владельца. В 1849 г. дворец был передан госпиталю (Krankenhaus Dresden-Friedrichstadt). Непосредственно напротив дворца Марколини находится Старое Католическое кладбище (Alter Katholischer Friedhof), где похоронен К. М. фон Вебер. Ныне на флигеле дворца Марколини по адресу Фридрихштрассе, 39 висит мемориальная доска, сообщающая, что Вагнер жил здесь с 1847 по 1849 г. и здесь же закончил «Лоэнгрина».

⁹ Имеется в виду памятник Бетховену работы Э. Ю. Хэнеля, открытый в 1845 г. в Бонне на Münsterplatz в честь 75-летия со дня рождения композитора. Средства на создание памятника были собраны в основном стараниями Ф. Листа. Постамент памятника украшают рельефы-аллегории, символизирующие Фантазию, Драмму, Симфонию и Духовную музыку. Существует предание, что в фундаменте памятника замурованы партитуры Девятой симфонии и Торжественной мессы.

я, не жалея труда, занялся составлением плана реорганизации музыкальной Капеллы и доказал, что целесообразным распределением средств, отпускаемых на ее содержание, можно достичь не только большей справедливости в вознаграждении ее членов, но и поднять продуктивность составляющих Капеллу художественных сил. Этот рост продуктивности должен был отразиться в одинаковой мере и на подъеме артистического духа, и на общей экономике. Для этого я предлагал преобразовать Капеллу в свободное концертное общество. Целью такого общества должно быть ознакомление дрезденской публики с рядом музыкальных произведений, мало ей известных, в образцовом исполнении.

При этом я указал на необходимость и возможность при наличии благоприятных внешних условий озаботиться постройкой в Дрездене специального концертного здания, какого в нем до сих пор еще не было. Затем я начал подробнейшим образом обсуждать этот вопрос с архитекторами и строителям и подрядчиками. Был разработан план воздвигнуть прекрасное здание на месте той части знаменитого Цвингера, которая расположена vis-à-vis с Остра-Аллее и представляет собой сарай для театральных декораций и придворной прачечной. Кроме намеченного большого концертного зала, оно должно было заключать в себе и другие помещения, сдаваемые под разные общественные учреждения. С практической стороны такое предприятие было тем более исполнимо, что старшины Фонда вдов членов Капеллы охотно соглашались верно и выгодно поместить находящиеся в их распоряжении капиталы.

Однако после продолжительного обсуждения вопроса предложения мои потерпели у главной дирекции полное фиаско. Меня благодарили за труд и сказали коротко, что дирекция считает более удобным оставить все по-старому. Такая же судьба неизбежно постигала всякую мою попытку разобраться в царившей здесь утомительной и вредной для дела бесптолковщине. Так как, кроме того, я знаю по опыту, что всякое постановление, принятое и обсужденное на утомительнейших заседаниях дирекции, например относительно репертуара, может быть отменено с вредом для дела по капризу любого певца или по соображениям какого-нибудь эконома, то я и отказался после бесконечных споров и объяснений по этому поводу от бесплодной возни и решительно уклонился от дальнейшего участия в каких бы то ни было разработках администрации. Оставил я за собой лишь занятия на репетициях и руководство постановками предоставленных мне опер. На этой почве между мной и фон Люттихау создались напряженные отношения, но он принужден был мириться с моим решением, так как, ввиду постоянного успеха «Тангейзера» и «Риенци», дававших, особенно во время летнего наплыва публики в Дрезден, неизменно полные сборы, со мной приходилось считаться.

202

При этих условиях, наслаждаясь почти полным одиночеством в новой уютной квартире, я провел все лето в атмосфере, необыкновенно благоприятствовавшей работе по окончанию «Лоэнгрина». Я чувствовал себя веселым и бодрым, как никогда, и этому способствовали, кроме творческой работы над новым произведением, усиленные занятия, о которых я говорил выше. Впервые со зрелыми чувствами и зрелым умом я занялся Эсхилом. Благодаря «Дидаскалиям»¹⁰ Дройзена¹¹ предо мной с необыкновенной отчетливостью встало все

¹⁰ «Дидаскалии» (Didaskalien), руководство античных авторов к постановке своих драматических произведений.

¹¹ Дройзен Иоганн Густав Бернхард (Droysen; 1808–1884), немецкий историк. Изучал философию и филологию в Берлинском университете. В 1827–1829 гг. был домашним учителем Ф. Мендельсона-Бартольди, который впоследствии положил на музыку некоторые стихи Дройзена. Дройзен перевел трагедии Эсхила (1831) и комедии Аристофана (1836–1838), написал «Историю Александра Великого» (Geschichte Alexanders des Großen; а также Alexander der Große. Die Biographie; обе 1833), а также «Историю эллинизма» (Geschichte des Hellenismus; 1836–1843). С 1833 г. являлся приват-доцентом, а с 1835 г. – профессором Берлинского университета; с 1840 г. – профессором Университета в Киле; с 1851 г. – в Йене; с 1859 г. –

опьяняющее величие афинских трагических спектаклей. Я представлял себе, какое потрясающее впечатление произвела бы на меня «Орестея», облеченная в форму такого сценического представления. «Агамемнон» потряс меня благородством своей концепции. До конца «Эвменид» я чувствовал себя унесенным в иной мир, и с тех пор я не мог примириться с современной литературой. Все мои мысли о значении драмы, о значении театра решительным образом сложились под влиянием именно этих впечатлений. От трагиков я перешел к Аристофану.

Проведя дообеденное время за работой над «Лоэнгрином», я забирался потом, в разгар жаркого летнего дня, в густую тень кустов и там предавался бурному, неопишному восторгу при чтении Аристофана. «Птицы» дали мне возможность понять распушенную натуру этого «любимца харит», как он сам смело и уверенно называл себя, во всей ее глубине и полноте. Одновременно я вникал в чудесные диалоги Платона, и знакомство с «Пиром» открыло мне глаза на неизреченную прелесть эллинской жизни. Я чувствовал себя в Афинах более ориентированным, чем среди житейских условий современного мира.

Идя сознательно к поставленной цели, я не придерживался обычных путей при изучении истории литературы. От сочинений Дройзена (история Александра и эллинизма), затем Нибура¹² и Гиббона¹³, я перешел к немецким древностям, при изучении которых руководился трудами все более и более мне близкого Якоба Гримма. Я стремился проникнуть в мир немецкого героического эпоса глубже, чем это возможно, при помощи одного чтения «Нибелунгов» и «Книги героев»¹⁴. Особенно увлекали меня необыкновенно богатые «Исследования»¹⁵ Моне¹⁶, хотя строгие специалисты с некоторой подозрительностью относятся к

снова в Берлине. С 1840-х гг. Дройзен обратился к политической истории Германии. Он последовательно отстаивал идеи национальной независимости и объединения страны (выступал сторонником т. н. прусского варианта, т. е. объединения во главе с Пруссией). В 1848–1849 гг. состоял членом Франкфуртского парламента. Главным трудом Дройзена является 14-томная «История прусской политики» (*Geschichte der preußischen Politik*; 1855–1886; последние тома опубликованы уже после смерти автора).

¹² Нибур Бартольд Георг (Niebuhr; 1776–1831), немецкий историк. Родился в Копенгагене; получил образование в Германии, в Университете Килия. Вернувшись в Данию, поступил на государственную службу (с 1800 г.). В 1806 г. переехал в Берлин, где до 1810 г. читал лекции в Берлинском университете. В 1816–1823 гг. был прусским посланником в Ватикане; с 1825 г. – профессором в Боннском университете. Являлся одним из основателей научного журнала *Rheinisches Museum*, издававшегося с 1827 г. С 1828 г. Нибур принимал участие в издании полного собрания византийских историков *Corpus scriptorum historiae Byzantinae* (после смерти Нибура это издание было продолжено Берлинской академией). Основным сочинением Нибура является трехтомная «Римская история» (*Römische Geschichte*; 1811–1832). Кроме того, следует отметить труд *Griechische Heroengeschichten, seinem Sohn erzählt* (1842; в переводе на русский язык издана под названием «История греческих героев, рассказанная Нибуром своему сыну» в 1876 г.).

¹³ Гиббон Эдвард (Gibbon; 1737–1794), английский историк. В 1752 г. поступил в Магдален-колледж (Magdalen College) Оксфордского университета, где изучал историю и богословие. В 1753 г. перешел из англиканства в католицизм, за что был исключен из университета и переехал в Лозанну. Здесь в 1754 г. перешел в протестантизм. В 1758 г. начал военную службу в английских войсках. В 1761 г. был опубликован первый труд Гиббона: «Этюд об изучении литературы» (*Essai sur l'Étude de la Littérature*). В 1763 г., после окончания Семилетней войны, Гиббон совершил путешествие в Париж, затем в Лозанну, после чего отправился в Италию, где начал работать над монументальным трудом по истории Рима. В 1765 г. вернулся в Англию. В 1770 г. анонимно опубликовал «Критические замечания к шестой книге “Энеид”» (*Critical Observations on the Sixth Book of the Aeneid*). 17 февраля 1776 г. вышел в свет первый том главного труда Гиббона «История упадка и разрушения Римской империи» (*History of the decline and fall of the Roman Empire*); второй и третий тома опубликованы в марте 1781 г. В 1774–1784 гг. Гиббон был членом парламента. В 1779–1782 гг. являлся главой Совета по торговле. В 1783 г. Гиббон вновь переехал в Лозанну, где жил до 1793 г. с небольшим перерывом в 1787–1788 гг. (был занят работой над выходом последних трех томов «Истории упадка и разрушения Римской империи»). Окончательно вернулся на родину в 1793 г.

¹⁴ «Книга героев» (*Heldenbuch*), цикл германских героических сказаний XIII в., главным персонажем которого является Дитрих Бернский. Был напечатан в XV–XVI вв.

¹⁵ Имеется в виду труд Ф. Й. Моне «Исследования по истории немецкой героической саги» (*Untersuchungen zur Geschichte der deutschen Heldensage* (1836).

¹⁶ Моне Франц Йозеф (1796–1871), немецкий историк и археолог. Получил образование в Гейдельбергском университете, изучая историю и филологию. В 1817 г. был назначен приват-доцентом кафедры истории. В 1819 г. стал экстраординарным профессором, в 1822 г. ординарным профессором, а в 1825 г. главой университетской библиотеки. С 1827 по 1831 г. являлся профессором статистики и политики в Университете Лёвена (*Reichsuniversität in Löwen*). Вернувшись

смелым выводам их автора. Здесь я встретил указание на северные источники и, насколько мог, не зная достаточно хорошо языка северян, старался познакомиться с «Эддой» и крупными отрывками северного героического эпоса, изложенными в прозаической форме. У меня стало складываться определенное отношение к этому материалу, причем большую роль тут играло, кроме «Исследований» Моне, чтение *Wälsungasaga*¹⁷. Уже и ранее возникавшее во мне убеждение относительно идеальной, глубинной связи всех народных сказаний постепенно росло и достигло выразительности пластического образа, управлявшего всеми моими дальнейшими работами.

Все это теснилось и зрело во мне, пока весь исполненный чистой радости я заканчивал оба первые – теперь последние – акта «Лоэнгрина». Этим трудом я как бы расставался со своим прошлым и намечал новый мир в будущем, мир, рисовавшийся мне все более и более в виде убежища от пошлости современного театра и оперы. Здоровье мое крепло в этой атмосфере, настроение создалось ровное и веселое, и я надолго забыл об угнетавших меня заботах и тревогах. Ежедневно совершал я уединенные прогулки, чаще всего в сопровождении одного лишь Пепса. Шел я обыкновенно к ближайшим возвышенностям, от берегов Эльбы к *Plauenschergrund*¹⁸ и на этих прогулках сосредоточенно и продуктивно думал и творил. Иногда мне случалось весело, как никогда прежде, проводить время с друзьями и знакомыми, охотно посещавшими сад Марколини и делившими со мной скромный ужин. Часто заставляли они меня на вершине какого-нибудь высокого дерева или на спине всегда сухого Нептуна¹⁹, центральной фигуре колоссальной скульптурной группы из времен угасшего величия этих мест, расположенной в самой середине бассейна. И мы с удовольствием бродили взад и вперед по широкому тротуару, проложенному для Наполеона в роковой 1813 год, когда он здесь устроил свою главную квартиру²⁰.

В последний летний месяц, в августе, я совершенно закончил «Лоэнгрин». Случилось это как раз вовремя. Я чувствовал, что мои житейские обстоятельства властно требуют от меня серьезных шагов. Пришлось вплотную заняться вопросом о распространении моих опер в Германии.

203

Неизменный и все усиливавшийся успех «Тангейзера» в Дрездене не отразился ничем в других городах, не привел в движение ничего. Единственное место, откуда, может быть,

в Германию, был редактором *Karlsruher Zeitung* («Газеты Карлсруэ»). В 1835 г. стал архивистом и директором Генерального Национального архива в Карлсруэ; вышел в отставку в 1868 г. Среди исторических трудов Моне следует отметить *Geschichte des Heidentums im nördlichen Europa* (1822–1823); *Urgeschichte des badischen Landes* (1845); *Untersuchungen über die gallisch Sprache* (1851); *Celtische Forschungen* (1857). Не менее важными являются его работы по истории литературы и филологии *Einleitung in das Nibelungenlied* (1818); *Quellen und Forschungen zur Geschichte der deutschen Literatur und Sprache* (1830); *Untersuchungen zur Geschichte der deutschen Heldensage* (1836); *Uebersicht der niederländischen Volksliteratur älterer Zeit* (1838).

¹⁷ «Сага о Вёльсунгах» (*Völsunga saga*), исландская сага XIII в. Рассказывает историю представителей рода Вёльсунгов Сигмунда и Сигурда, а также Брюнхильд. Часть сюжета «Саги о Вёльсунгах» входит в «Песнь о Нибелунгах», написанную на средневерхненемецком языке. Имена героев в ней соответственно несколько изменены: Сигмунд – Зигмунд; Сигурд – Зигфрид. Значительное влияние «Саги о Вёльсунгах» видно в тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга». Сюжет древней саги оказал существенное влияние на сюжет тетралогии.

¹⁸ *Plauensche Grund* (Плауэнская долина), живописная романтическая долина реки Вайсериц (*Weißeritz*), левого притока Эльбы, вблизи города Плауэн (*Plauen*), недалеко от Дрездена. Особый интерес представляет 70-метровый горный отрог на юго-западе долины, известный под названием Хайденшанце (*Heidenschanze*).

¹⁹ Имеется в виду фонтан Нептуна (*Neptunbrunnen*) шириной 40 м в саду дворца Марколини, самый грандиозный барочный фонтан Дрездена. Его создал в 1741–1744 гг. итальянский скульптор Лоренцо Маттиелли (*Mattielli*; 1678 или 1688–1748). Представляет собой скульптурную группу: Нептун в окружении морских божеств.

²⁰ Наполеон жил во дворце Марколини с 10 июня по 25 июля и с 4 по 15 августа 1813 г.

удалось бы повлиять на немецкие театры, был Берлин, и на него обратил я теперь все свое внимание.

То, что я слышал о вкусах прусского короля, Фридриха Вильгельма IV, внушало надежду на его поддержку, если б удалось заинтересовать его своими новыми трудами и тенденциями, выставив их в настоящем свете. Я решил посвятить ему «Тангейзера». Чтобы получить его согласие на такое посвящение, я обратился к королевскому придворному музыкальному интенданту, графу Редерну. От него пришло извещение, что король принимает посвящение только тех произведений, с которыми познакомился лично в постановке их на сцене, а так как берлинский театр отклонил «Тангейзера», найдя его «чересчур эпическим», то, по его мнению, если я продолжаю настаивать на своем намерении, мне остается лишь один обходной путь: аранжировать оперу для военного оркестра, чтобы король на каком-нибудь параде мог услышать ее. Этого было достаточно, чтобы заставить меня принять другой план атаки на Берлин.

Следовало начать в Берлине с той самой оперы, которая обеспечила мне сразу успех в Дрездене. С этой целью я выхлопотал аудиенцию у саксонской королевы, сестры прусской королевы²¹, чтобы через ее посредство добиться приказа прусского короля о постановке «Риенци», пользующегося сочувствием саксонского двора. Это удалось. Скоро я получил от старого друга Кюстнера извещение, что «Риенци» назначен к немедленной постановке на сцене Берлинского придворного театра, вместе с приглашением прибыть лично для дирижирования оперой. Так как Кюстнер в угоду старому другу Лахнеру и его опере «Катарина Корнаро» сильно поднял тантьему, то в случае успеха «Риенци» я мог рассчитывать значительно поправить свои дела.

Однако прежде всего я искал возможности лично представиться королю и прочесть ему стихи «Лоэнгрина». По многим признакам я мог льстить себя надеждой вызвать сочувствие к направлению моего творчества, и если бы это оправдалось, я намеревался просить его отдать распоряжение поставить «Лоэнгрин» на придворной сцене. Весь мой опыт с прежними операми, успех которых в Дрездене оставался тайной для всей остальной Германии, указывал на необходимость во что бы то ни стало сделать центром моих будущих композиторских выступлений Берлин, единственный город, до некоторой степени влиявший на все другие города. Успех рекомендации саксонской королевы подавал надежду на то, что я добьюсь столь важной для меня аудиенции у прусского короля, и, идя навстречу счастливому повороту в моей судьбе, я бодро отправился в Берлин в сентябре месяце для руководства репетициями «Риенци», который сам по себе, в сущности, мало интересовал меня теперь.

Берлин сначала произвел на меня такое же впечатление, как в тот раз, когда после долгого отсутствия я вновь приехал туда по пути из Парижа. Профессор Вердер, мой друг со времени постановки «Летучего Голландца», нанял для меня квартиру на знаменитом Жандарменмаркте²², и с трудом я мог себе представить, что нахожусь в центре Германии. Скоро я погрузился в заботы, связанные с моими новыми планами. Официальных отношений, необходимых для достижения моей цели, я завязал достаточно. Обнаружилось, однако, что на «Риенци» смотрят как на рядовую капельмейстерскую оперу, т. е. что артисты, предоставленные в мое распоряжение, работают лишь по обязанности, что ни на что сверх этого рассчитывать не приходится. Все распоряжения, касающиеся репетиций, были отменены, как только Женни Линд согласилась приехать на гастроли и надолго завладела королевской оперой.

²¹ Имеется в виду Мария Анна, принцесса Баварская (Maria Anna Leopoldine Elisabeth Wilhelmine Prinzessin von Bayern; 1805–1877), супруга (с 24 апреля 1833 г.) саксонского короля Фридриха Августа II (1797–1854) и сестра прусской королевы Елизаветы Людовики (1801–1873).

²² Жандарменмаркт (Gendarmenmarkt; букв. Жандармский рынок), площадь в центре Берлина, считающаяся одной из самых красивых площадей Германии.

Во время наступившего, таким образом, промедления я направил всю энергию на достижение главной цели: добиться личного свидания с королем. Для этого я решил использовать старые отношения с королевским музыкальным интендантом, графом Редерном. Граф принял меня чрезвычайно милостиво, пригласил к обеду и просил заехать вечером. Самым сердечным образом обсуждали мы с ним необходимые шаги, причем он обещал деятельную поддержку. Кроме того, я несколько раз ездил в Сан-Суси представиться королеве и выразить ей свою благодарность. Однако дальше разговоров с ее приближенными дамами дело не шло. Мне посоветовали обратиться к тайному кабинет-советнику прусского короля, господину Иллуару²³. Этот господин отнесся, по-видимому, очень серьезно к моей просьбе и обещал сделать все от него зависящее, чтобы добиться для меня аудиенции у короля. Он спросил, в чем, собственно, заключается моя цель. Я объяснил, что хочу получить разрешение прочесть королю «Лоэнгрин». В одно из моих многочисленных посещений он выразил мысль, что было бы полезно заручиться одобрением Тика. Я имел возможность ответить Иллуару, что уже дружески беседовал по этому поводу со старым поэтом, жившим в качестве королевского пенсионера недалеко от Потсдама.

Дело в том, что, как я вспомнил, госпожа фон Люттихау несколько лет тому назад, когда мы обсуждали спорный момент в «Лоэнгрине», послала своему знаменитому другу эти стихи и стихи «Тангейзера». Когда я теперь заехал к Тику, он встретил меня как старого доброго знакомого. Продолжительная беседа с ним имела для меня большое значение. Тик, правда, несколько скомпрометировал себя той легкостью, с какой раздавал направо и налево свои рекомендации, но лично меня искренне обрадовал пыл, с каким он ратовал против нашей новейшей драматической литературы, построенной целиком на подражании современным французам. Его жалобы по поводу гибели истинно поэтических мотивов звучали необыкновенно элегично. Стихи мои к «Лоэнгрину» он одобрил вполне, со всех точек зрения. Не понимал он при этом только одного: как все это связать с музыкой, если не изменить в корне всей основы современной оперы. Особенно сомнительными казались ему такие моменты, как сцена между Ортрудой и Фридрихом в начале второго действия. Мне представлялось, что я действительно увлек его и заинтересовал, когда стал объяснять, как разрешить эти кажущиеся трудности, и излагать свои мысли относительно идеальной музыкальной драмы вообще. Однако чем дальше я шел вперед, тем грустнее он становился, особенно когда я высказал надежду на то, что мне удастся вызвать сочувствие к этим идеям и планам у короля. Он не сомневался, что король выслушает меня со вниманием и тепло отнесется к моим идеям, но предупредил, что, если я не хочу печальнейших разочарований, не следует рассчитывать ни малейшим образом на практический результат. «Чего вы можете ждать от человека, который сегодня увлекается глюковской “Ифигенией в Тавриде”, а завтра “Лукрецией Борджиа” Доницетти?»

Сначала разговор с Тиком представлял для меня интерес отвлеченной беседы, и лишь потом я постиг весь грустный смысл его слов. Он охотно, с радостью обещал дать о моих стихах самый лестный отзыв и отпустил очень ласково, с искренними, но неуверенными пожеланиями успеха.

204

Сколько я ни хлопотал, приглашения к королю получить не удавалось. А так как после гастролей Женни Линд репетиции «Риенци» пошли своим чередом, я решил прекратить хлопоты до постановки оперы, так как рассчитывал, что король непременно будет присутство-

²³ Иллуар Эрнст Эмиль (Haage; 1797–1866), прусский тайный кабинет-советник; член Государственного совета. С 1859 г. действительный тайный советник. В 1852–1866 гг. являлся главой Гражданского кабинета короля Пруссии.

вать на премьерe по его повелению поставленного произведения, и что таким образом я все же сделаю шаг вперед к достижению главной цели. Однако чем больше мы приближались к этому представлению, тем меньше я надеялся на успех. Для роли Риенци в мое распоряжение был предоставлен тенор ниже всякой посредственности, певец, совершенно лишенный всякого таланта. Это был очень порядочный, благожелательный человек, которого с самой лучшей стороны рекомендовал мне хозяин ресторана, где я обедал, небезызвестный Майнхард [Meinhard]. Долго и много я с ним возился и в результате, как это часто бывало со мной, создал себе некоторую иллюзию на его счет. Но когда дело дошло до генеральной репетиции, я убедился, что жестоко ошибся. Обнаружилось, что инсценировка, хор, балет и второстепенные партии – все было обставлено прекрасно, но что главная фигура, вокруг которой группируется все, стушевывается, сходит на нет. Когда в конце октября опера была поставлена, публика вынесла точно такое же впечатление. Ввиду недурно выполненных нескольких блестящих ансамблей, в особенности благодаря роли Адриано в превосходной игре г-жи Кёстер²⁴, успех с внешней стороны можно было считать недурным.

Но сам я лучше других чувствовал, что, по существу, дело проиграно, что публика услышала в моей опере лишь несущественное, не увидела внутренней ее сути. Берлинские рецензенты немедленно начали поход против моего произведения, всеми знакомыми мне средствами добиваясь полного его провала, и после второй постановки, которой я руководил лично, мне оставалось лишь спросить себя, к чему же, собственно, привели мои отчаянные усилия.

205

С этим вопросом я обратился к немногим близким друзьям и почерпнул здесь кое-что поучительное. К великому утешению, среди них оказался Герман Франк, недавно поселившийся в Берлине. Редкие часы провел я в течение двух печальных месяцев в его обществе. Обыкновенно мы беседовали о предметах, никакого отношения к театру не имеющих, и мне почти стыдно было надоедать ему своими жалобами, тем более что речь шла о хлопотах по поводу произведения, с которым я связывал один лишь практический театральный интерес. Он же со своей стороны винил меня за то, что я выбрал «Риенци», с которым обращался к заурядной театральной публике, а не «Тангейзера», чтобы создать в Берлине круг людей, сочувствующих моим высшим целям. Он утверждал, что характером своих новых работ я мог бы оживить интерес к театру среди таких слоев публики, которые совсем отвернулись от него и потеряли веру в его благородные стремления.

Речи Вердера звучали безнадежно, когда он говорил о положении искусства в Берлине. Относительно публики он предупреждал, что в театре, на постановке новой, незнакомой вещи, во всех рядах, от первого до последнего, сидят люди с одним определенным настроением: найти только скверное, только то, к чему можно придраться. Не уговаривая меня отказаться от моих планов, он тем не менее считал своим долгом предупредить меня, что ждать чего-нибудь от высших сфер в Берлине легкомысленно. Когда, зная его особое отношение к королю, я спросил, как, по его мнению, он посмотрит на мои стремления облагородить оперу, Вердер, выслушав мою длинную речь, ответил: «Король скажет: поговорите со Ста-

²⁴ Кёстер Луиза (Köster; урожденная Шлегель [Schlegel]; 1823–1905), немецкая оперная певица (сопрано). Ее талант к пению проявился очень рано; начала брать уроки вокала в родном Любеке. В 1837 г. переехала в Лейпциг, где продолжила обучение. В 1840 г. состоялся ее дебют на сцене Лейпцигского Городского театра (Stadttheater) в партии Памины в опере В. А. Моцарта «Волшебная флейта». В 1841–1844 гг. пела на сцене оперного театра в Шверине; в 1844–1845 гг. – в оперном театре в Бреслау. В 1847 г. поступила на сцену Берлинского Придворного театра, где оставалась до 1867 г. Особенно прославилась исполнением партий Агаты во «Фрейшютце» и Эврианты в «Эврианте» К. М. фон Вебера; Юлии – в «Весталке» Г. Спонтини; Донны Анны – в «Дон Жуане» В. А. Моцарта. В 1867 г. оставила сцену.

винским²⁵!» Это был не кто иной, как оперный режиссер, толстый, ленивый, погрязший в самой пошлой рутине.

И все, что я узнавал, носило такой же обескураживающий характер. Я посетил Бернхарда Маркса²⁶, который живо интересовался мной с тех пор, как познакомился с «Летучим Голландцем». Принял он меня с чрезвычайной предупредительностью. Этот человек, который, по его прежним творениям и музыкальной критике, рисовался мне энергичным, пламенным борцом, теперь опустился, что особенно бросалось в глаза рядом с его молодой женой, сиявшей лучезарной красотой. Из разговора с ним я узнал, что и он окончательно отказался от всяких попыток добиться чего бы то ни было у здешних могущественных сфер в интересовавшей нас обеих области. По личному многолетнему опыту он убедился в невероятной пустоте признанных там авторитетов.

Он рассказал мне действительно странную историю: однажды он обратился к королю с просьбой оказать поддержку в основании музыкальной школы. Король на особой аудиенции выслушал его с величайшим интересом и вошел даже во все малейшие подробности проекта, так что Маркс был вполне уверен в успехе своего ходатайства. С этого момента его стали, однако, отсылать от одного человека к другому, и все его усилия остались бесплодными, пока, наконец, он не попал на аудиенцию к одному генералу. Этот генерал так же, как тогда король, с необычайной теплотой вошел в обсуждение всех деталей проекта. «И вот, – закончил свой поучительный рассказ Маркс, – на этом все и кончилось, больше никаких известий о деле я не получал».

Однажды я узнал, что графиня Росси, знаменитая Генриетта Зонтаг, находится в Берлине, что она помнит меня еще с дрезденских времен и ждет моего визита. Запутанные обстоятельства вернули ее к артистической деятельности, и она живет довольно уединенно. У этой женщины нашлось на что пожаловаться. Она сетовала на полную невозможность добиться чего-нибудь в здешних властных сферах, если речь идет об искусстве. По ее мнению, король находит особенное удовольствие в том, чтобы театр управлялся дурно. Никогда он не оспаривает никаких делаемых в этом смысле указаний, но никогда не утверждает предложений, направленных на улучшение театрального дела. Ей хотелось познакомиться с чем-нибудь из моих новых работ. Я передал ей стихи «Лоэнгрин» для прочтения. В следующий утренний визит она сообщила мне, что намерена пригласить меня на музыкальный вечер, устраиваемый для великого герцога Мекленбург-Стрелицкого²⁷. Затем она

²⁵ Ставинский Карл (Stawinsky; 1794–1866), немецкий режиссер и актер. Дебютировал в 1810 г. в Нойштрелице (Neustrelitz). В 1816 г. переехал в Берлин, но в 1826 г. из-за неблагоприятных условий уехал в Брауншвейг. Здесь получил признание и через два года вернулся в Берлин. Служил на сцене Берлинского королевского театра с 1828 по 1856 г. Талант режиссера был у Ставинского сильнее актерского; как актер он выступал исключительно в характерных ролях. В последнее десятилетие своей деятельности пробовал себя в постановках опер. Закончил свои дни в полном забвении и нищете.

²⁶ Маркс Фридрих Генрих Адольф Бернхард (Marx; до крещения в 1819 г. – Самуэль Мозес Маркс; 1795–1866), немецкий композитор, музыкальный теоретик и педагог. Происходил из еврейской семьи. Изучал право в Галле и в Наумбурге; одновременно брал частные уроки композиции. В 1821 г. переехал в Берлин. В 1824–1830 гг. занимал должность главного редактора «Берлинской всеобщей музыкальной газеты» (Berliner allgemeine musikalische Zeitung). В 1828 г. получил степень доктора философии; с 1830 г. читал лекции в Берлинском университете, где уже стал профессором музыки. В Берлине сблизился с Ф. Мендельсоном-Бартольди. В 1841 г. было опубликовано главное музыкальное сочинение Маркса – оратория «Моисей» (Moses) на текст Мендельсона. Однако отказ Мендельсона исполнить произведение послужил причиной окончательного разрыва между бывшими друзьями (оратория была исполнена в 1853 г. под управлением Ф. Листа). В 1837–1847 гг. был опубликован четырехтомный труд Маркса – «Учебник музыкальной композиции» (Die Lehre von der musikalischen Komposition). В 1839 г. Маркс написал книгу Allgemeine Musiklehre, переведенную на русский язык в 1872 г. («Всеобщий учебник музыки»). Главная заслуга Маркса как теоретика в том, что он впервые разработал классическое учение о музыкальной форме. В 1850 г. Маркс стал одним из основателей «Консерватории Штерна» (Sternsche oder Städtische Konservatorium), названной по имени скрипача, дирижера и музыкального педагога Юлиуса Штерна (Stern; 1820–1883), принимавшего участие в предприятии. В «Консерватории Штерна» преподавал до 1856 г. Кроме многочисленных музыкально-теоретических сочинений, Маркс является автором написанной в 1859 г. монографии о Бетховене (Ludwig van Beethoven: Leben und Schaffen; 1859).

²⁷ Имеется в виду Георг Мекленбургский (1779–1860), Великий герцог Мекленбург-Стрелицкий (Großherzog von

вернула мне рукопись, заявив, что стихи ей очень понравились, что при чтении ей казалось, будто перед ней наяву танцуют маленькие эльфы и феи. Все поведение этой милой воспитанной женщины, ее теплый, дружеский тон внушили мне искреннее сердечное к ней отношение. Но тут она внезапно окатила меня холодной водой. Я сейчас же удалился и больше с графиней Росси не встречался. О приглашении на вечер никаких напоминаний от нее я не получил.

Пожелал со мной познакомиться и господин Коссак²⁸. В сколько-нибудь тесное общение с ним я не вступал, но в общем он произвел на меня настолько приятное впечатление, что я и ему дал прочесть стихи «Лознгринга». Однажды я застал его в комнате, только что вымытой горячей водой, полной тяжелых испарений, от которых у него заболела голова, да и мне было нелегко. Он измерил меня странным, томным взглядом, когда возвращал рукопись, и искренним тоном заявил, что нашел стихи «очень милыми».

Несколько интереснее оказались мои беседы с И. Труном²⁹. За хорошим стаканом вина, которым я угостил его у «Люттера и Вегнера»³⁰, куда я иногда заходил ради воспоминаний о Гофмане, он слушал со все возрастающим интересом мои речи о возможном возрождении и развитии оперного жанра. Он поделился со мной многими остроумными и тонкими наблюдениями. В особенности его живой, подвижный характер производил на меня приятное впечатление. Как рецензент, он примкнул после постановки «Риенци» к тем, кто меня высмеивал и унижал. Лишь один старый бедный друг мой Гайяр ратовал за меня, честно, но бессильно. Его маленькая музыкальная торговля шла плохо, газета прекратила существование: быть мне полезным он мог только в мелочах. К сожалению, я узнал, что он является автором многих чрезвычайно подозрительных драматических сочинений, одобрения кото-

Mecklenburg-Strelitz) с 1816 г. Отличался любовью к наукам и искусствам; состоял в переписке со многими знаменитыми литераторами (в частности, с И. В. Гёте), художниками, музыкантами и архитекторами. За свою благотворительную деятельность пользовался неизменной любовью у населения герцогства Мекленбург-Стрелиц. После смерти Великого герцога на собранные народные средства в Нойштрелице на Marktplatz (Рыночной площади) был установлен бронзовый памятник Георгу. Ныне, после демонтажа во времена ГДР, памятник установлен на Paradeplatz перед дворцовой церковью (Schlosskirche). Вторым сыном Великого герцога Георга является герцог Георг-Август-Эрнест-Адольф-Карл-Людвиг Мекленбург-Стрелицкий (1824–1876), состоявший на русской военной службе и женатый (с 1851 г.) на Великой княгине Екатерине Михайловне (1827–1894), дочери Великого князя Михаила Павловича (1798–1849).

²⁸ Коссак Эрнст Людвиг (Kossak; 1814–1880), немецкий писатель и журналист. Получил начальное образование в Данциге. В 1834 г. поступил в Берлинский университет, где изучал филологию и историю. Одновременно занимался теорией музыки и брал уроки игры на фортепьяно. Вскоре начал выступать в печати с музыкально-критическими статьями, чем заложил фундамент своей будущей литературной карьеры. Первый сборник новелл *Genrebilder* был издан в 1839 г. В 1847 г. Коссак основал собственное периодическое издание – журнал *Zeitungshalle*, в котором печатал критические статьи и фельетоны. Коссака справедливо называют «создателем берлинского фельетона». Пользующиеся неизменной популярностью его «короткие рассказы из берлинской жизни» регулярно выходили в сборниках: *Berlin und die Berliner* (1851); *Aus dem Papierkorbe eines Journalisten* (1852); *Berliner Silhouetten* (1859); *Berliner Federzeichnungen* (6 томов; 1859–1865). Кроме того, следует отметить *Pariser Stereokopen* (1855); *Aus dem Wanderbuche eines litterarischen Handwerksburschen* (1856); *Historietten* (1856); *Vadebilder* (1858); *Schweizerfahrten* (1857); *Reisehumoresken* (2 тома; 1862). В середине 1860-х гг. Коссак серьезно заболел; оставался парализованным до смерти.

²⁹ Трун Фридрих Иеронимус (Truhn; 1811–1886), немецкий композитор, дирижер и музыкальный писатель. Рано проявил талант к музыке, но родители противились будущей музыкальной карьере, и лишь в 1831 г. ему было разрешено начать в Берлине музыкальное образование. Вскоре начал сотрудничать в качестве музыкального писателя с журналом Р. Шумана *Neuer Zeitschrift für Musik*. Также писал статьи для *Neue Berliner Musikzeitung*. В 1835 г. получил место капельмейстера в Гданьске. В 1837 г. вернулся в Берлин. В 1840 г. переехал в Кёнигсберг. В 1843 г. совершил гастрольную поездку в Швецию, где выступал как композитор и дирижер. С 1848 г. жил в Эльбинге, где основал хоровое общество и организовывал публичные концерты. В 1852 г. вернулся в Берлин и основал новое Берлинское мужское хоровое общество (*Berliner Liedertafel*). В 1854 г. гастролировал совместно с Г. Фон Бюловом, а затем поселился в Риге, где работал до 1858 г., а затем вновь вернулся на постоянное жительство в Берлине. Композиторское наследие Труна составляет свыше 100 произведений, среди которых *Der Fischer* (op. 1; 1832); *Die schöne Kellnerin von Bacharach* (op. 13; 1836); *Lieder* (op. 21; на слова И. В. Гёте); *Die Käferknaben für 4 Männerstimmen mit Begleitung* (op. 30; 1839); *Die Vätergruft* (op. 105; 1853), а также комическая двухактная опера *Trilby* (1835); зингшпиль *Der vierjährige Posten* (1833) и посвященная Иоганне Вагнер сценическая мелодрама *Cleopatra* (1853).

³⁰ Исторический винный ресторан *Lutter & Wegner*, существующий с 1811 г., один из самых известных и популярных в Берлине. Любимое заведение Э. Т. А. Гофмана. Расположен по адресу Charlottenstrasse, 56.

рым он у меня искал, и что, кроме того, он болен чахоткой и близок к смерти. Таким образом, наши редкие свидания при всей его верности и преданности оставляли во мне крайне грустное, угнетающее впечатление.

206

Так как я все усилия прилагал к тому, чтобы добиться успеха и тем поправить свои обстоятельства, для чего вел в Берлине всю кампанию, мне самому внутренне неприятную, я пересилил себя и зашел даже к Рельштабу. На «Летучего Голландца» он особенно напал за его «туманность» и «бесформенность», и поэтому я указал ему на ясность и отчетливость «Риенци» как на достоинство. Ему льстило, что я считаюсь с его мнением, но это не помешало ему заявить наперед, что он твердо убежден в безнадежности всяких попыток после Глюка дать что-нибудь новое в опере. В лучшем случае это будут только одни «надутые претензии». Все в Берлине были охвачены пессимизмом, настроением, которое, как я узнал, сумел победить один только Мейербер.

Этого моего бывшего доброжелателя, который и теперь еще выдавал себя за такового, я тоже застал в Берлине. Немедленно по приезде я посетил его, но уже в передней я нашел лакея за укладкой хозяйских чемоданов и узнал, что Мейербер собирается уезжать. Сам Мейербер подтвердил это и выразил сожаление, что ничем не может быть мне полезным. Тут же, следовательно, мне пришлось с ним и проститься. Но затем, когда я считал его давно уехавшим, я с удивлением узнал, что господин Мейербер, нигде не показываясь, все еще в Берлине: его даже видели на одной из репетиций «Риенци». Что это значит, мне стало ясно лишь впоследствии. На этот счет среди посвященных было распространено определенное объяснение, которое хорошо истолковал мне в свое время Эдуард фон Бюлов³¹, отец моего молодого друга [Ганса фон Бюлова].

Капельмейстер Тауберт³² в самый разгар моего пребывания в Берлине сообщил мне, что упорно циркулирует слух, исходящий из достоверных источников, будто я добиваюсь места дирижера в здешнем Придворном театре и будто у меня есть данные надеяться на успех, с исключительными притом полномочиями. О том, кто именно распространил этот слух, я не имел ни малейшего представления. Мне пришлось самым определенным образом заявить Тауберту, с которым надо было сохранить хорошие отношения, что я не только не

³¹ Фон Бюлов Карл Эдуард (von Bülow; 1803–1853), немецкий писатель. Получил образование в Лейпцигском университете, где изучал древние языки. Переехав в Дрезден, в 1828 г. познакомился с Л. Тиком, с которым с тех пор оставался близким другом. В этом же году женился первым браком на Франциске Элизабет Штольц фон Бернек (Stoll von Berneck; 1800–1888). В этом браке родился Ганс фон Бюлов. В 1834 г. начал работу над одним из первых собственных литературных трудов – сборником *Novellenbuch* (1834–1836). С 1845 г. Эдуард фон Бюлов жил попеременно в Штутгарте, Берлине и Дрездене. В 1849 г. развелся и женился вторично на графине Луизе Паулине фон Бюлов-Денневиц (von Bülow-Dennewitz; 1813–1905), дочери знаменитого прусского генерала Фридриха Вильгельма барона фон Бюлова, графа фон Денневица (Freiherr von Bülow, Graf von Dennewitz; 1755–1816). Среди основных произведений Э. фон Бюлова следует отметить: *Abenteuer des Simplicissimus* (1836); *Neues Novellenbuch* (1841); *Vermischte Schriften aus dem Nachlaß des, J. G. v. Berenhorst* (1845); *Novellen* (1844–1848); *Heinrich v. Kleist s Leben und Briefe* (1848).

³² Тауберт Карл Готфрид Вильгельм (Taubert; 1811–1891), немецкий композитор, пианист и дирижер. Учился в Берлинском университете на философском факультете. Еще во время учебы начал брать уроки композиции. Вскоре сам стал преподавать музыку. В 1831 г. получил место дирижера придворных концертов в Берлине. В 1841 г. стал музыкдиректором Берлинского Придворного театра. Оставался на этой должности до конца 1869 г. (в 1849 г. разделял обязанности с Г. Дорном). После своей отставки с 1870 г. Тауберт продолжал работать с придворными музыкантами и в 1875 г. возглавил музыкальное отделение Академии искусств. За вклад в развитие музыкального искусства он был избран почетным членом Берлинской певческой академии. В 1889 г. полностью отошел от дел. Композиторское наследие Тауберта включает оперы: *Die Kirmes* (1832); *Die Zigeuner* (1834); *Marquis und Dieb* (1842); *Macbeth* (1857); *Caesario oder Was ihr wollt* (1874). А также 4 симфонии: № 1 C-Dur op. 31 (1831); № 2 F-Dur op. 69 (1846); № 3 h-Moll op. 80 (1850); № 4 c-Moll op. 113 (1855). Кроме того, Тауберт является автором нескольких кантат, струнных квартетов, фортепьянных трио и более 300 песен (в том числе песен для детей), успех которых во многом был обусловлен тем, что их часто исполняли такие певицы, как Женни Линд и Иоганна Вагнер.

хлопочу об этом месте, но что даже, если бы мне его предложили, решительно отказался бы от него, так как иначе все мои старания быть представленным королю окончательно потерпели бы крушение.

Главным посредником в этом деле оставался все тот же граф Редерн, и хотя мне указывали на его подозрительную солидарность с Мейербером, он был со мной так благосклонно предупредителен, что я все более и более убеждался в его честности. В конце концов я перенес свои упования на первое представление «Риенци». «Не может быть, – думал я, – чтобы король не посетил оперы, поставленной по его повелению». С этим я связывал дальнейшие надежды. И вот граф Редерн с выражением искреннего отчаяния объявил мне, что в день первого представления король будет на охоте. Снова я стал просить его приложить все усилия, чтобы обеспечить присутствие короля хотя бы на втором представлении. Тогда мой неутомимый покровитель объявил мне, что по какой-то причине, ему неизвестной, Его Величество решительно не собирается пойти навстречу моему желанию. Из высочайших уст ему пришлось выслушать следующие слова: «Ах, вы опять с вашим Риенци!»

207

На втором представлении со мной случилась приятная неожиданность. После эффектного второго действия публика, видимо, намеревалась меня вызвать, и, чтобы в случае надобности быть готовым, я прошел из оркестра в вестибюль. Здесь я поскользнулся на гладком паркете и едва не упал и не расшибся. Но меня поддержала чья-то сильная рука. Это был принц Прусский³³, вышедший в эту минуту из своей ложи. Он тут же пригласил меня пройти к его супруге³⁴, желавшей со мной познакомиться. Она только теперь прибыла в Берлин. Оперу мою она слышала впервые и отозвалась о ней с большой похвалой, но обо мне и характере моего творчества слышала много лестного от нашего общего друга, Альвины Фромман. Беседа наша, в которой принц принимал живое участие, произвела на меня необыкновенно приятное и утешительное впечатление.

Оказалось, что моя старая подруга Альвина не только следила в Берлине с участием и заботливостью за ходом моей деятельности, но и прилагала все усилия, чтобы поддержать во мне надежду и бодрость. Я посещал Альвину почти каждый вечер, отдыхал в ее обществе от мелких повседневных интересов и уносил от нее новые силы для дальнейшей борьбы. Особенно радовали меня тот теплый интерес и серьезное понимание, которые проявила она и наш общий друг Вердер к главному предмету моих стремлений, к «Лоэнгрину». С тех пор как прибыла в Берлин ее покровительница, принцесса Прусская, она надеялась ближе узнать через нее, как обстоят мои дела у короля, хотя она меня и предупреждала, что эта высокая особа в немилости, что влиять на монарха она может только косвенно, при исключительных условиях.

И действительно, до самого моего отъезда, которого уже нельзя было оттягивать, я с этой стороны никаких новых сведений не получал.

Так как, однако, мне предложено было дирижировать третьим представлением «Риенци» и так как оставалась еще надежда на внезапное приглашение явиться в Сан-Суси, я назначил определенный день, крайний срок, до которого можно было идти навстречу судьбе. Но миновал и этот срок, и пришлось поставить крест над всех берлинских надеждах.

Скверно было у меня на душе, когда я принял окончательное решение. Кажется, никогда еще холодная и сырая погода и вечно серое небо не угнетали меня до такой степени, как

³³ Имеется в виду будущий германский император Вильгельм I.

³⁴ Августа Мария Луиза Катарина Саксен-Веймар-Айзенахская. Напомним, что при ней Альвина Фромман являлась чтицей.

в эти последние недели. Все, что совершалось за чертой моих личных дел, приводило меня в глубочайшее уныние. Беседы с Германом Франком о текущих общественных и политических делах, о неудачном объединенном ландтаге³⁵, созванном прусским королем, носили мрачный, безнадежный характер. Я принадлежал к числу тех, которые сначала придавали этому предприятию большое значение, но когда такой осведомленный человек, как Франк, познакомил меня с фактической стороной дела, я ужаснулся. То, что он мне спокойно и объективно рассказал о прусском правительстве, якобы представляющем цвет немецкой интеллигенции, о хваленном порядке и твердости в управлении государственными делами, настолько не вязалось с общим благоприятным на этот счет мнением и так основательно разрушало всякие надежды на будущее, что я совершенно растерялся. Очевидно, отсюда нечего было ждать чего-нибудь в смысле устройства Германии. В Дрездене, влача жалкое существование, я мог еще надеяться, рассчитывать на известное внимание к моим планам со стороны прусского короля. Но теперь, когда передо мной вскрылась ужасающая пустота, царящая повсюду, я отчетливо увидел истинное положение вещей.

Ужасное настроение, в котором я находился, помешало мне реагировать на известие о смерти Мендельсона. Об этом сообщил мне с убитым видом граф Редерн, когда я пришел к нему с прощальным визитом. Я тогда совершенно не оценил значения этого события, и поразило меня лишь, насколько близко принял к сердцу печальное известие фон Редерн. Во всяком случае это событие избавило его от неприятной обязанности при нашем тягостном расставании войти сколько-нибудь обстоятельно в мое личное положение, к которому он ранее проявлял столько сочувствия.

208

Оставалось отдать себе отчет в том, насколько успех в Берлине соответствовал моим материальным жертвам. Я прожил там два месяца. Приехали жена и даже сестра Клара, обе привлеченные неизбежностью огромного успеха «Риенци». В результате же оказалось, что старый друг мой интендант Кюстнер даже не считал себя обязанным возместить понесенные мной расходы. Ссылками на нашу корреспонденцию он имел возможность доказать юридически неопровержимо, что им было высказано лишь «желание» моего содействия при постановке «Риенци» и что никакого «приглашения» с его стороны не было. Граф Редерн был так погружен в траур по Мендельсону, что это уничтожало возможность просить его заняться моими столь низменными интересами. Мне не оставалось ничего другого, как принять благодеяния Кюстнера, предложившего авансом тантьему за три состоявшихся представления «Риенци».

В Дрездене были удивлены, когда я обратился туда с просьбой выслать часть моего жалованья: иначе развязаться с блестящим берлинским предприятием было невозможно. Когда мы с женой при отвратительной погоде ехали через пустынные поля Пруссии домой, я, казалось мне, дошел до крайнего предела отчаяния. Я испытывал такое угнетенное настроение, какого никогда не переживал. Вглядываясь молча из окна вагона в серый туман, я с удовольствием прислушивался к тому, как жена моя горячо диспутировала с каким-то коммивояжером о «новой опере “Риенци”». Он говорил о ней с развязным высокомерием. Горячо и страстно возражала она этому враждебно настроенному господину и, к великому своему торжеству, добилась признания, что он сам оперы не слышал, а судит по отзывам других и

³⁵ В 1847 г. прусский король Фридрих Вильгельм IV созвал объединенный ландтаг, депутаты которого потребовали немедленного принятия конституции. Это требование король решительно отверг. Более того, он оспорил право депутатов ландтага вообще вести политические дискуссии. Это заявление короля вызвало волну недовольства не только в среде либералов, но даже и у ультраконсерваторов.

по газетным рецензиям. Жена моя серьезнейшим образом поставила ему на вид, что надо быть осторожнее, «так как нельзя знать, не пожалеешь ли об этом в будущем».

С этим единственным утешительным впечатлением прибыл я в Дрезден, где сейчас же сказались последствия всех моих берлинских злоключений. Это обнаружилось в том снисходительном сожалении, которое сквозило в поведении моих знакомых. Газеты успели уже сообщить о полном провале моей оперы. Особенно мучительно было сохранять при этом веселый вид и уверять всех, что дело обстоит не так скверно, и что, напротив, Берлин доставил мне много отрадных минут.

209

Все эти непривычные усилия создали для меня странное положение, аналогичное тому, в каком находился Фердинанд Хиллер. Приблизительно в те же два месяца он поставил свою новую оперу «Конрадин фон Гогенштауфен», выдержавшую три представления. Он скрывал от меня свое новое творение и был убежден, что ему удалось счастливо скомбинировать для дрезденской публики эффекты «Риенци» и «Тангейзера» как со стороны текста, так и со стороны музыки. При этом он надеялся обеспечить себе в мое отсутствие решительный успех тремя спектаклями. Когда я приехал в Дрезден, он был в Дюссельдорфе, куда был вызван в качестве концерт-директора. Оттуда он рекомендовал свою оперу моему вниманию, прося принять под свое покровительство и выражая сожаление, что не мог поручить мне руководство ее постановкой. Он признавал, что всем обязан в значительной степени прекрасной игре актеров, особенно моей племяннице Иоганне, исполнявшей роль Конрадина. В свою очередь она тоже заявила мне, что опера Хиллера без ее участия не имела бы такого выдающегося успеха.

Я был чрезвычайно заинтересован, и мне очень хотелось познакомиться с этим произведением, с его постановкой, что мне и удалось, когда по отъезде Хиллера с семейством из Дрездена было объявлено четвертое представление. Войдя к началу увертюры в зал, чтобы занять свое место в партере, я был положительно поражен: он был пуст, лишь кое-где виднелись отдельные посетители. На противоположном конце занятой мной скамьи я заметил автора либретто, кроткого художника Рейнеке. Мы без помехи придвинулись друг к другу и стали беседовать о странной картине, которую здесь нашли. Я выслушал скорбные жалобы на музыкальную обработку стихов. Каким образом сам Хиллер поддался заблуждению относительно успеха своей оперы ввиду ее несомненного провала, этого он объяснить не мог.

Лишь из другого источника я узнал, как это случилось. Госпожа Хиллер была родом из Польши, а в Дрездене жило много поляков, больших любителей театра, и они часто бывали в ее доме. Эти люди были на первом представлении и заразили своей живостью публику. Самим им, однако, опера настолько не понравилась, что на второе представление ни они, ни публика уже не явились. Успех произведения казался неопределенным. Тогда приложили все усилия, чтобы поставить оперу в третий раз в одно из воскресений, когда обыкновенно и без того театр бывает полон. И это удалось. Польская театральная аристократия со свойственным ей рыцарством по отношению к нуждающейся в поддержке супружеской паре, в салонах которой проводилось столько приятных вечеров, исполнила свой долг. Опять вызывали композитора. Все шло превосходно, и Хиллер на том основании, что третье представление является обычно решающим, как это было при «Тангейзере», счел успех своей оперы обеспеченным. Вся искусственность этого успеха обнаружилась на четвертом представлении, на котором я присутствовал: композитор уехал, и никто более не считал себя обязанным явиться в театр.

Моя племянница была пристыжена. Она говорила, что самое лучшее исполнение не в состоянии спасти такого скучного произведения. В театре мне удалось указать автору либ-

ретто на некоторые бросающиеся в глаза промахи и слабые места в самом сюжете. Тот написал Хиллеру, и я получил от последнего дружеское, теплое письмо, где он признавался, что был неправ, не спросив у меня в свое время совета. При этом он довольно прозрачно намекал на то, что есть еще полная возможность изменить оперу по моим указаниям и что было бы большой заслугой спасти для репертуара столь хорошо задуманное и в своем роде значительное произведение. Этого, однако, не случилось.

210

Некоторое удовлетворение доставило мне известие из Берлина о двух новых постановках «Риенци»: спектакли прошли с большим успехом. Заслугу эту приписал себе капельмейстер Тауберт, ибо, как он сообщал, ему удалось особенно эффектно их провести. Тем не менее рассчитывать на прочный и доходный успех в Берлине не приходилось, и я был вынужден написать фон Люттихау, что для сохранения бодрости духа и работоспособности мне необходимо надеяться на повышение моего содержания. Ожидать сколько-нибудь значительного притока доходов извне или с моих неудачных издательских предприятий не было никаких оснований, а при урезанном мизерном окладе немислимо существовать. Я стремился только к одному: чтобы меня сравнивали с коллегой Райсигером, что и было с самого начала обещано.

Тут наступил момент, когда господин фон Люттихау мог дать почувствовать всю силу моей зависимости от него. После того как на личной аудиенции у саксонского короля я просил как о милости об умеренном повышении моего оклада, господин фон Люттихау обещал со своей стороны в случае запроса дать благоприятный обо мне отзыв. Как же был я поражен и глубоко пристыжен, когда он пригласил меня однажды для объявления резолюции, приложенной к его отзыву. В этом отзыве было сказано, что, переоценивая свой талант и прислушиваясь к нелепым восхвалениям со стороны экзальтированных друзей (между ними была упомянута и госпожа фон Кённериц), я считаю себя вправе претендовать на такое же признание своих заслуг, какое приобрел Мейербер. Благодаря этому я до такой степени запутался в долгах, что являлось бы уместным совершенно уволить меня, если бы мое прилежание и кое-какие несомненные заслуги (как, например, по обработке глюковской «Ифигении») не побуждали дирекцию сохранить меня в виде опыта на моем посту. По этой причине дирекция считает все-таки возможным согласиться на улучшение моего материального положения. Далее я читать не мог и, совершенно онемев от изумления, вернул моему доброжелателю его бумагу. Фон Люттихау моментально заметил впечатление, произведенное ею, и стал успокаивать меня, указывая на то, что просьба моя уважена, что причитающиеся мне 300 талеров я могу в любую минуту получить из кассы. Я удалился молча, соображая, чем ответить на это издевательство. Идти за получением 300 талеров для меня было немислимо.

211

Пока я изнывал под гнетом всевозможных неприятностей, пришло известие, что прусский король в ноябре посетит Дрезден, и назначен был, по его особому желанию, к постановке «Тангейзер». И действительно, он присутствовал на спектакле вместе с саксонской королевской фамилией и с видимым интересом следил за оперой от начала до конца. Мне рассказали, как он объяснил свое отсутствие на «Риенци»: он отказался слушать оперу в Берлине, так как дорожил своим впечатлением и был совершенно уверен, что она может быть исполнена в его театре только плохо. Как бы то ни было, это событие вернуло мне душевное равновесие настолько, что я мог взять 300 талеров, в которых так нуждался.

По-видимому, господин фон Люттихау нашел для себя удобным вновь снискать мое доверие. Из всего его ничем не омраченного поведения я мог заключить, что этот нечуткий человек не сознавал даже, как глубоко он меня обидел. Он снова заговорил со мной об организации оркестровых концертов по ранее предложенному мной плану, но стал уговаривать согласиться, чтобы концерты эти исходили не от руководства оркестра, а от дирекции и исполнялись в театре. Я выговорил, чтобы доходы с этих концертов шли в пользу оркестра, и тогда охотно принялся за выполнение проекта. Сцена театра была снабжена особым разработанным мной приспособлением: весь оркестр помещался в глубине павильона, чем обеспечивался превосходный резонанс, и театр превращался в прекрасный концертный зал. В течение каждого зимнего сезона предполагалось давать шесть концертов. Так как мы начинали со второй половины зимы, то объявлен был абонемент на три концерта, и тотчас же все места были раскуплены. Все эти хлопоты доставляли мне удовольствие и в некоторой степени развлекали меня. Таким образом, 1848 год я встретил в бодром настроении.

В январе был дан первый из этих концертов, и уже одним необыкновенным составом программы я заслужил всеобщее одобрение. Я нашел, что такие концерты, если они претендуют на серьезное значение, отнюдь не должны быть похожи на обычные предприятия подобного рода, не должны состояться из пестрой смеси разнородных жанров музыки. На них должны чередоваться два серьезных музыкальных произведения различного характера. Между одной и другой симфонией я вставил в программу два номера вокальной музыки, которых нельзя было бы услышать при других условиях.

И в этом заключался весь концерт. После моцартовской симфонии (в D-dur) я удалил со сцены музыкантов и вывел на их место внушительный хор, исполнивший *Stabat Mater* Палестрины³⁶ в моей тщательной обработке и восьмиголосый баховский мотет *Singet dem Herrn ein neues Lied*³⁷. Затем оркестр снова занял свое место и исполнил в заключение бетховенскую *Synfonia Eroica* [«Героическую симфонию»].

Успех концерта окрылил меня. В последнее время становилась особенно противной возня с нашим оперным репертуаром, на ведение которого я постепенно терял всякое влияние. Немалую роль здесь играли притязания моей племянницы, поддерживаемые Тихачеком, на главенствующее положение примадонны. Концерты открывали хоть некоторые перспективы деятельности в качестве дирижера. Ввиду того что по возвращении из Берлина я снова принялся за инструментовку «Лознгрина» и погрузился в полнейшее смирение, я надеялся идти навстречу будущему с полным спокойствием, как вдруг меня потрясло горестное известие.

212

В начале февраля мне сообщили, что моя мать умерла. Я поспешил на похороны в Лейпциг и успел еще с глубоким волнением насладиться дивно-спокойным и кротким выражением ее лица. Последние долгие годы своей жизни, прежде столь деятельной и беспокойной, она провела в радостном отдыхе, сохраняя до конца дней почти детскую веселость.

³⁶ Да Палестрина Джованни Пьерлуиджи (Palestrina; ок. 1525–1594), итальянский композитор. Получил образование в Риме; в 1544–1551 гг. был органистом и капельмейстером главной церкви Св. Агапита в городе Палестрина. В 1551 г. вернулся в Рим, где возглавлял капеллы собора Св. Петра в 1551–1555 гг., церкви Сан-Джованни ин Латерано в 1555–1560 гг. и церкви Санта-Мария Маджоре в 1561–1566 гг. В 1571 г. Палестрина вновь возглавил капеллу собора Св. Петра и оставался на этом месте вплоть до смерти. Композиторское наследие его включает 105 месс, свыше 370 мотетов, 68 офферториев, свыше 140 мадригалов, 72 гимна, 35 магнификатов, 11 литаний и др. *Stabat Mater* написана композитором в 1590 г. по заказу папы Григория XIV. Представляет собой большой 3-частный мотет для двойного смешанного хора и двух квартетов солистов а *sappella*.

³⁷ Пойте Господу песнь новую (BWV 225) – мотет Иоганна Себастьяна Баха. Написан в 1726–1727 годах, впервые исполнен в Лейпциге в 1727 году, впервые опубликован в 1802 году.

Умирая с улыбкой на просветленном лице, она воскликнула со смиренной кротостью: «Ах, как прекрасно! Как приятно! Как божественно! Заслужила ли я такой милости?» В резкое холодное утро мы опустили гроб в землю. Когда мы бросили на крышку комя промерзлой земли вместо горсти легкого песка, грохот был так резок, что испугал меня. На обратном пути к зятю моему Герману Брокгаузу, где должна была собраться вся семья, меня провожал только один Генрих Лаубе, очень любивший матушку. Он выразил беспокойство по поводу моего необыкновенно измученного вида. Потом он проводил меня на вокзал, и здесь нашлись слова для выражения угнетавших нас обоих чувств: время, погрязшее в ничтожестве, убивало всякую благородную инициативу. На обратном пути в Дрезден меня охватило сознание полного одиночества. Со смертью матушки порвалась последняя кровная связь со всеми братьями и сестрами, живущими своими особыми интересами. Холодный и угрюмый, я вернулся к тому единственному, что могло меня одушевить и согреть: к обработке «Люэн-грин», к изучению немецкой старины.

213

Так наступили последние дни февраля, которым суждено было потрясти Европу новой революцией. Среди знакомых я принадлежал к тем, которые меньше всего верили в близость и даже вообще в возможность мирового политического переворота. Первые мои впечатления от подобных событий связаны с Июльской революцией, происшедшей в дни моей юности, и с последовавшей за ней систематической продолжительной реакцией. С тех пор я познакомился с Парижем, со всеми чертами его общественного уклада, и мог ждать всего, кроме серьезного революционного движения. При мне Луи Филиппом были устроены *Fortes détachés*³⁸, окружающие Париж кольцом. Я хорошо изучил стратегическое распределение многочисленных, расположенных по всему городу, укрепленных сторожевых постов и был согласен с теми, которые считали, что отныне никакая попытка к поднятию народного восстания в Париже невозможна. И когда в конце минувшего года в Швейцарии вспыхнула война, а в начале следующего года удачная сицилийская революция заставила всех с напряжением следить за тем, как события эти отразятся в центре Франции, я оставался спокойным и безучастным к связанным с этими явлениями надеждам и опасениям.

Из французской столицы до нас доходили известия о все усиливающихся уличных волнениях, но в дебатах с Рёкелем я оспаривал их серьезное значение. Я сидел за своим дирижерским пультом на репетиции «Марты»³⁹, когда во время паузы Рёкель с торжеством сообщил мне последние известия о бегстве Луи-Филиппа⁴⁰ и об объявлении республики в Париже. Это не только удивило, но прямо поразило меня, хотя сомнение в серьезности событий вызвало на моем лице скептическую улыбку.

Волнение, однако, стало возрастать как вокруг меня, так и во мне самом. Наступили немецкие мартовские дни. Отовсюду приходили все более поразительные вести, и даже у

³⁸ Изолированные форты. Париж окружала фортификационная линия из 16 изолированных фортов.

³⁹ «Марта, или Ричмондская ярмарка» (*Martha oder Der Markt zu Richmond*), романтико-комическая четырехактная опера немецкого композитора барона Фридриха Адольфа Фердинанда фон Флотова (*von Flotow*; 1812–1883). Премьера «Марты» состоялась 25 сентября 1847 г. в Венском Кэртнтертор-театре.

⁴⁰ Луи-Филипп I (*Louis-Philippe I*; 1773–1850), король Франции с 9 августа 1830 г. по 24 февраля 1848 г.; представитель Орлеанской ветви династии Бурбонов. Во время Великой французской революции отрекся от титула герцога Шартрского и принял фамилию Эгалите (от *франц.* *Égalité* – «равенство»). Но в 1793 г. покинул Францию. В период Реставрации Людовик XVIII вернул конфискованные во время революции владения Луи-Филиппа и назначил его командующим гусарами. Однако ни у Людовика XVIII, ни впоследствии у Наполеона Луи-Филипп доверием не пользовался, и вскоре он вновь был вынужден эмигрировать, поселившись в Великобритании. Вернулся во Францию лишь в 1817 г. Во время Июльской революции 1830 г. был провозглашен королем; имел прозвище Король-гражданин. Во время Февральской революции 1848 г. был свергнут с престола; 24 февраля подписал отречение и снова бежал в Великобританию, где через два года умер.

нас, в Саксонии, стали организовываться депутации и всякого рода петиции, которым король долгое время противился, не оценивая по-настоящему начавшегося движения, действительного настроения в стране. В один из этих жутких и напряженных, как перед грозой, дней мы дали наш третий большой концерт, на котором, как и на двух предыдущих, присутствовали король и весь двор. Для начала концерта я выбрал симфонию Мендельсона (a-moll)⁴¹, в память покойного композитора. Это музыкальное произведение, даже в живом исполнении сохраняющее расслабленно-тоскливый характер, удивительно совпало с общим настроением публики, чувствовавшей себя подавленной в присутствии короля. Я выразил сожаление в разговоре с концертмейстером Липинским по поводу неудачного состава программы, так как после этой симфонии ставилась Пятая симфония Бетховена, тоже в миноре. Этот нередко остроумный, эксцентричный поляк, насмешливо сверкнув глазами, утешил меня: «О, пусть только сыграют первые два такта c-moll-ной симфонии, и, уверяю вас, никто и не вспомнит, в каком тоне, *moll* или *dur*, написал свою симфонию Мендельсон». Перед вступлением этих «первых двух тактов» какой-то патриот из публики крикнул громким голосом «ура» в честь Его Величества, и «ура» это было восторженно подхвачено всей публикой. Липинский оказался совершенно прав: уже с первой фразы, полной бурного, страстного оживления, симфония зазвучала, как хвалебный гимн, как ураган, и увлекла всю публику с редкой силой. То был последний из организованных мной концертов, которым я дирижировал в Дрездене.

Вскоре вслед за этим наступил и неизбежный политический переворот. Король распустил свое министерство и составил новое, частью из либералов, частью из действительно энергичных друзей народа, которые немедленно приступили к принятию известных, везде одинаковых мер для установления демократического строя. Я был искренне тронут как этим исходом, так, в особенности, той сердечной радостью, с какой отнеслось к этому событию все население. Много я дал бы за то, чтобы как-нибудь приблизиться к королю и лично убедить, отвечает ли он искренним доверием на сердечную любовь своего народа. Вечером город был торжественно иллюминирован. Король разъезжал по улицам в открытой коляске. С величайшим возбуждением следил я за его встречами с народными массами и даже иногда спешил бегом туда, где, мне казалось, особенно необходимо было восторженной манифестацией обрадовать и утешить сердце монарха. Жена моя была поистине испугана, когда поздно ночью я вернулся домой совершенно обессиленный и охрипший от крика.

Венские и берлинские события⁴² со всеми их поразительными результатами коснулись меня только как интересные газетные новости. Созыв Франкфуртского парламента⁴³ вместо распущенного Бундестага⁴⁴ обвеял меня приятным холодком. Однако при всей их значи-

⁴¹ Третья симфония, имеющая название «Шотландская симфония», ор. 56. Была задумана Мендельсоном в 1829 г., а закончена в 1842 г.

⁴² После волнений в Париже революционные события стремительно развивались и быстро перекинулись из Франции в Германию и Австрию. Уже 27 февраля 1848 г. в Бадене прошли массовые народные собрания и демонстрации. 3 марта произошла демонстрация рабочих в Кельне. С 6 марта начались волнения в Берлине. 13 марта вспыхнуло народное восстание в Вене.

⁴³ Франкфуртский парламент, или Франкфуртское национальное собрание – общегерманское национальное собрание, созданное во Франкфурте-на-Майне с целью объединения Германии и выработки конституции. Ему предшествовал т. н. Франкфуртский Предпарламент (Vorparlament), который собрался 31 марта 1848 г. и заседал до 3 апреля. Итоговым решением стала задача создать единое национальное собрание, избранное всеобщей подачей голосов по 1 депутату на каждые 50 000 человек. Франкфуртское национальное собрание открылось 18 мая 1848 г. и заседало вплоть до 30 мая 1849 г. В марте 1849 г. была завершена выработка первоначальной конституции, согласно которой германские государства объединялись в монархическую федерацию. Однако прусский король Фридрих Вильгельм IV отверг предложенную ему имперскую корону. Первыми вскоре после этого отказа отозвали своих депутатов прусское и австрийское правительства. Парламент распался; оставшиеся депутаты перенесли заседания в Штутгарт. Собрание было окончательно разогнано 18 июня 1849 г.

⁴⁴ Бундестаг, или Бундесферзамmlung (Bundestag, Bundesversammlung), или Союзный сейм – федеральное собрание, высший орган Германского союза. Представлял собой собрание представителей германских государств в период между Венским конгрессом и объединением Германии. Заседал во Франкфурте-на-Майне. Передал свои полномочия т. н. пред-

тельности эти тревоги не в состоянии были прервать моих строго распределенных ежедневных занятий. С чувством огромного, гордого самоудовлетворения я закончил в последние дни бурного марта партитуру «Лоэнгрин», разработав инструментовку для заключительной сцены исчезновения рыцаря Граля в таинственных даях мистического мира.

В это же время однажды посетила меня молодая, вышедшая замуж в Бордо англичанка Джесси Лоссо⁴⁵ в сопровождении восемнадцатилетнего Карла Риттера⁴⁶. Этот молодой человек, рожденный от немецких родителей в России, со всей своей семьей примыкал к тому кругу поселенцев с севера, которые надолго задерживались в Дрездене из-за доставляемых этим городом эстетических удовольствий. Я вспомнил, что принимал его у себя вскоре после первых представлений «Тангейзера»: он просил меня тогда сделать надпись на экземпляре партитуры, купленной в музыкальном магазине. Теперь я узнал, что этот экземпляр принадлежал именно госпоже, присутствовавшей тогда на спектакле. С величайшей робостью, в форме, мне до того совершенно незнакомой, молодая дама выразила мне свои восторженные чувства. Она очень сожалела, что принуждена по условиям семейной жизни покинуть любимый Дрезден и расстаться с семьей Риттер, которая тоже питает ко мне горячую преданность.

Когда эти новые молодые друзья ушли, меня охватило особенное настроение. После Альвины Фромман и Вердера, со времени «Летучего Голландца», впервые донесся до меня точно издали отзвук горячей симпатии, именно то, чего я никак не мог найти тут, вокруг себя. Молодого Риттера я просил навещать меня время от времени и сопровождать на прогулках. Но робость его была так велика, что я видел его у себя, насколько помню, очень редко. Вместе с Гансом фон Бюловом, студентом-юристом Лейпцигского университета, с которым он был в близких отношениях, он посетил меня всего несколько раз. Фон Бюлов, гораздо более общительный и разговорчивый, проявлял свою сердечную преданность с некоторой активностью и потому давал повод к ответным чувствам. У него, между прочим, я впервые заметил откровенное проявление охватившего всех политического энтузиазма: на его шляпе, как и на шляпе его отца, красовалась черно-красно-золотая кокарда⁴⁷.

варительному парламенту (Vorparlament), предшествовавшему созыву Франкфуртского парламента, или Франкфуртского национального собрания.

⁴⁵ Лоссо Джесси (Laussot; 1829–1905; урожденная Тейлор [Taylor]), музыкальная писательница, пианистка и педагог. В начале 1840-х гг. училась игре на фортепьяно в Дрездене, где познакомилась с Гансом фон Бюловом. Выйдя замуж за французского виноторговца Эжена Лоссо, обосновалась в Бордо. В 1850 г. ушла от мужа, чему немало способствовал кратковременный роман с Р. Вагнером (отношения композитора к Джесси никак нельзя назвать серьезными), не получив официального развода. С 1853 г. жила во Флоренции, где преподавала игру на фортепьяно и основала хоровое Общество Керубини (Società Cherubini). Интересно отметить, что Ф. Лист посвятил Джесси Лоссо несколько своих хоровых сочинений. В 1879 г., после смерти Эжена Лоссо, вышла замуж за писателя, историка литературы и публициста Карла Хиллебранда (Hillebrand; 1829–1884).

⁴⁶ Риттер Карл Готфрид (Ritter; 1830–1891), немецкий драматург, друг Р. Вагнера. Родился в Нарве; получил образование в Лейпцигском университете; изучал философию. С 1841 г. жил в Дрездене. Брал уроки музыки у Р. Шумана и Ф. Хиллера. С матерью Карла, Юлией Риттер (1794–1869), был близко знаком Р. Вагнер; семья Риттеров не раз оказывала композитору существенную материальную помощь. Личность Вагнера сильно повлияла на Карла. В 1849 г. он принял участие в Дрезденском восстании, после чего отправился в изгнание в Швейцарию вместе с Вагнером. В 1858–1859 гг. сопровождал Вагнера в его поездке в Италию. Пожалуй, лучшим сочинением Карла Риттера является его драма «Тристан» (Tristan; 1854). По признанию самого Вагнера, она стала одним из источников его собственного творчества при написании музыкальной драмы «Тристан и Изольда». Кроме того, Риттером написан теоретический труд «Теория немецкого театрального искусства» (Theorie des deutschen Schauspiels; 1880).

⁴⁷ Черно-красно-золотые кокарды и флаги являлись символом свободы и объединения Германии. Впервые эти цвета были использованы в 1813 г. для формы добровольческого студенческого Корпуса свободы в ходе войны против Наполеона. В 1818 г. черно-красно-золотой флаг был принят у Общегерманской студенческой ассоциации. В 1848–1849 гг. ношение черно-красно-золотых кокард подчеркивало сочувствие революционному движению. Франкфуртское национальное собрание узаконило эти цвета в качестве общенациональных эмблем.

214

По окончании «Лоэнгрина» у меня оказалось достаточно досуга, чтобы несколько ближе вникнуть в ход событий. В Дрездене усиленно бродила общенемецкая идея, и надежда на ее торжество одушевляла все сердца. Не мог и я стоять в стороне от этого движения и воздерживаться от живого в нем участия. Правда, я был в вопросах политики достаточно вышколен старым другом Франком, чтобы многого не ждать от собравшегося немецкого парламента, но тем не менее общее настроение и сквозившая везде вера, что возвращение к старому более невыносимо, не могли не оказать и на меня известного влияния. Только вместо речей я хотел дел, и таких дел, в которых сказалась бы серьезная готовность вождей немецкого народа безвозвратно порвать со старыми, чуждыми германскому духу тенденциями. Это вдохновило меня написать популярно-поэтическое воззвание к немецким князьям и народам, в котором я призывал к решительной войне с Россией. Оттуда шло давление на немецкую политику, на немецких монархов, вредное их народам. Одна строфа гласила:

Der alte Kampf ist's gegen Osten,
Der heute wiederkehrt:
Dem Volke soil das Schwert nicht rosten,
Das Freiheit sich begehrt.

Древняя война против Востока
Сегодня возобновляется.
Народ не должен опускать меч,
Чтобы добиться желаемой свободы.

Так как у меня лично не было никаких связей с политическими газетами и так как я узнал, что в Маннгейме, где довольно высоко вздымались политические волны, на вершине одной из них узрели как-то Бертольда Ауэрбаха, я послал ему стихотворение с просьбой сделать с ним, что он хочет. С тех пор я этого стихотворения больше не видел и ничего о нем не слышал.

Во Франкфуртском парламенте происходили бесконечные прения, и никак нельзя было угадать, к чему приведут длинные речи бессильных людей. Тем временем известия из Вены произвели на меня сильное впечатление. В разных местах были уже сделаны в мае этого года попытки контрреволюции: в Неаполе эта попытка удалась, в Париже положение дел осталось неопределенным, и только в Вене народ во главе с прекрасно организованным Академическим легионом⁴⁸ энергично и победоносно справился с реакцией. Я понимал, что в такого рода делах меньше значат ум и мудрость, чем действительная активность, согретая вдохновением, вызванная силой реальных потребностей, и потому венские выступления, в которых принимали участие образованная молодежь и рабочие классы, возбудили во мне особенно теплое чувство. Я не мог не выразить своего настроения опять-таки в популярно-поэтическом воззвании. Я послал его в редакцию *Österreichischen Zeitung* [«Австрийскую газету»], которая его и напечатала за полной моей подписью.

⁴⁸ Академический легион (Akademischen Legion), военная студенческая организация, принимавшая наиболее активное участие в Австрийской революции 1848–1849 гг. и сыгравшая в ней ключевую роль. Создан 13 марта 1848 г. в Вене. По различным источникам, объединял от 4 до 6 тысяч студентов и являлся основной движущей силой восстания. Кроме мартовских волнений, участвовал в боях в мае и октябре 1848 г.

В Дрездене под влиянием событий образовались два политических общества. Первое называлось *Deutscher Verein* [«Немецкий союз»], и в программе его значилась «конституционная монархия на широчайшей демократической основе». О совершенной безопасности его стремлений можно было судить по именам его главнейших основателей, среди которых, при «ширине демократической основы», Эдуард Девриент и профессор Ритшель числились рядом. В противовес этому обществу, куда укрылось все, что на деле боялось революции, основалось другое – *Vaterlands Verein* [«Отечественный союз»]. В нем «демократическая основа» играла главную роль, а «конституционная» монархия служила как бы ширмой.

215

Рёкель агитировал страстно в пользу этого общества, так как он потерял всякое доверие к «монархии». Дела шли из рук вон плохо. Уже давно он бросил всякую надежду добиться чего-нибудь своей музыкальной деятельностью. Место музикдиректора превратилось для него в чистейшую повинность, дававшую такой ничтожный доход, что при ежегодно увеличивавшейся семье он не сводил концов с концами. Тем не менее ему приходилось дорожить этим местом, так как уроки в домах состоятельных иностранцев, которых было в Дрездене много, вызывали в нем непреодолимое отвращение. Так влачил он жалкое существование, погрязая все глубже в долги и мечтая об одном: переселиться в Америку, где в качестве фермера он надеялся трудами рук и напряжением изобретательности медленно, но верно доставить себе и своим потомкам приличное общественное положение.

На наших прогулках он делился со мной сведениями, почерпнутыми из сочинений по политической экономии. С большим пылом применяя взгляды, в них изложенные, он надеялся этим путем улучшить свое стесненное положение. В таком состоянии застало его движение 1848 года, причем он немедленно примкнул к крайним социалистическим течениям, идущим из Парижа. Знавшие его ранее были в высшей степени удивлены той видимой переменой, которая в нем произошла. Он заявлял, что нашел наконец свое истинное призвание, призвание бунтовщика. У него не хватало самоуверенности для выступления в качестве оратора на трибуне, но тем сильнее развернулась его энергия в частных отношениях. Никаким возражениям он не поддавался, и кого он не в состоянии был увлечь, того отталкивал от себя окончательно. Он был захвачен своей задачей до того, что дни и ночи только ею и занимался, и ум его необыкновенно изощрился в способности опровергать каждое банальное возражение. Внезапно он стал как бы проповедником в пустыне. В любой области революционного вопроса он чувствовал себя как дома.

«Отечественный союз» избрал комиссию для выработки проекта народного вооружения. В этой комиссии, кроме Рёкеля и некоторых чистокровных демократов, принимали участие военные люди и между ними мой старый друг, бывший жених Шрёдер-Девриент, лейтенант гвардии Герман Мюллер. Он и еще один офицер, по имени Цихлинский [Zichlinsky], были единственными членами саксонской армии, примкнувшими к политическому движению. Я бывал на ее заседаниях в качестве лица, причастного к искусству. Насколько помню, проект, готовый к опубликованию, заключал в себе вполне рациональный, хотя и неисполнимый при нынешних политических условиях план организации народного ополчения.

Лично я тоже все более и более поддавался искушению высказаться по поводу политических и социальных вопросов, интересовавших все общество, тем более что меня положительно возмущали необыкновенно плоские суждения и пошлые фразы ораторов того времени. Покуда шла общая сумятица, компетентные люди воздерживались от всякого вмешательства. Так объяснил мне свое поведение Герман Франк в ответ на мой упрек. Меня, напротив, именно это побуждало по мере разума вступать в споры по существу поставленных вопросов и задач. Ежедневные газеты особенно сильно способствовали общему воз-

буждению. «Отечественный союз» открыл свои заседания в одном из городских садов, и иногда я приходил туда в качестве зрителя, как на спектакль. Темой для дебатов был выдвинут вопрос: республика или монархия? Меня глубоко поражало, с какой невероятной тривиальностью он обсуждался с ораторской трибуны и в печати. Все сводилось к признанию, что лучше всего республика, но что можно мириться в случае необходимости и с монархией, если только она не злоупотребляет своей властью.

Это побудило меня после ряда горячих споров высказать и собственный взгляд в обстоятельной статье⁴⁹, напечатанной в *Dresdner Anzeiger* [«Дрезденском вестнике»] без моей подписи. Внимание людей, способных отнестись к этой теме с полной серьезностью, я старался привлечь не к внешним формам государственного управления, а к его внутреннему содержанию. Разобрав все нужды и требования общественной жизни и отметив необходимость усовершенствования на почве политических и социальных отношений согласно известным идеальным критериям, я ставил вопрос: возможно ли достижение нового строя с королем во главе государства? Я высказал мнение, что просвещенному монарху для осуществления собственных высших целей самому должно быть важно управлять государством, построенном на истинно республиканских началах. Такому королю я рекомендовал стать к своему народу в отношения более доверительные, выходящие за грань той придворно-аристократической атмосферы, которой он окружен. В заключение я высказал мысль, что король Саксонский является как бы избранником судьбы, способным дать другим немецким государям высокий пример.

Рёкель нашел, что это «истинное откровение ангела мира», и так как он опасался, что на страницах газеты статья не обратит на себя должного внимания, не вызовет сердечного отклика, то стал настойчиво уговаривать меня выступить с докладом на заседании «Отечественного союза»: устной речи он придавал особенное значение. Я пошел на собрание без определенного на этот счет решения, но когда услышал невыносимую болтовню двух ораторов, адвоката Блёде [Blöde] и скорняка Клетте [Klette], которые слыли тогда Демосфеном и Клеоном города Дрездена, я не выдержал, поддался страстному порыву, взошел на трибуну и с большим подъемом прочел газетную статью перед трехтысячной толпой.

216

Впечатление получилось ужасающее. У публики изо всей речи осталось в памяти только одно: яростный выпад королевского капельмейстера против придворных льстецов. Известие об этом неслыханном происшествии распространилось по городу с быстротой пожара. На следующий день была назначена репетиция «Риенци». Меня поздравляли, восхваляли мою самоотверженную смелость, но в самый день спектакля оркестровый слуга Айзольт [Eisolt] объявил мне, что представление отложено по неведомым причинам. В самом деле, вызванное мною возбуждение разрослось настолько, что дирекция боялась особенной демонстрации.

Затем со страниц газет на меня посыпалось столько проклятий и насмешек, что нечего было и думать обороняться. Саксонская муниципальная гвардия сочла себя оскорбленной, и комендант ее потребовал от меня извинения. Но самых непримиримых врагов, преследующих меня и до нынешнего дня, я приобрел в лице придворных чинов, особенно низшего ранга. Насколько это было в их власти, они старались побудить короля, а потом и интенданта тотчас же прогнать меня со службы. Ввиду этого я счел себя вынужденным написать королю письмо, в котором признавал свое поведение легкомысленным, но лишенным преступного

⁴⁹ Статья Р. Вагнера «Как относятся республиканские стремления к королевской власти?» (Wie verhalten sich die republikanischen Bestrebungen dem Königthume gegenüber?) была напечатана в *Dresdner Anzeiger* 14 июня 1848 г.

намерения. Я послал его фон Люттихау с просьбой передать королю. При этом я хлопотал о краткосрочном отпуске, чтобы выиграть время и дать улечься разгоревшимся страстям. Поразительная, поистине дружеская благожелательность, которую проявил по отношению ко мне фон Люттихау, произвела на меня довольно сильное впечатление, тем более что я от него ничего не утаил. Лишь впоследствии обнаружилось, сколько скрытой ярости вызвала в нем моя статья, кстати сказать, совершенно им не понятая. Я узнал, что гуманным чувствам этого человека я не был обязан ничем, что здесь играла роль прямая воля короля: на все советы (между прочим, и со стороны фон Люттихау) примерно наказать меня он ответил решительным отказом, запретив разговаривать с ним на эту тему. Факт этот меня очень ободрил и доказал, что не только мое письмо, но и мою статью король понял правильное, чем многие другие.

217

На этот раз (это было в начале июля) я решил воспользоваться коротким отпуском и поехать в Вену развеяться. Поехал я через Бреслау, где посетил музидиректора Мозевиуса⁵⁰, старого друга нашей семьи. В его доме мы провели вечер в живой беседе, причем не обошлось, к сожалению, без разговоров о политике. Больше всего меня интересовало его необыкновенно богатое, полное, если не ошибаюсь, собрание кантат Себастьяна Баха в превосходных списках. Осталось в памяти, кроме того, множество смешных и остроумных музыкальных анекдотов, которые он рассказывал с совершенно особым, своеобразным юмором. Когда Мозевиус в течение лета вернул мне визит в Дрездене, я сыграл ему часть первого действия «Люэнгрина» на рояле, и его искренний восторг произвел на меня благотворное впечатление. Потом я слышал, будто он тоже высказывал неодобрительные и насмешливые обо мне суждения. Ни над верностью этих рассказов, ни над истинным характером этого человека я не задумывался, так как постепенно привыкал мириться со всякого рода непонятными вещами.

В Вене я посетил профессора Фишгофа⁵¹, у которого, я знал, были очень интересные рукописи, особенно бетховенские. Среди них меня интересовал оригинал сонаты в c-moll, op. 111. Через Фишгофа, которого я нашел несколько сухим, я познакомился с господином Веске фон Пютлинген⁵², опера которого («Жанна д'Арк»), чрезвычайно тривиальная, была

⁵⁰ Мозевиус Иоганн Теодор (Mosewius; 1788–1858), немецкий оперный певец (бас), хормейстер и музидиректор университета в Бреслау. Начинал музыкальную карьеру в качестве оперного певца в Кёнигсберге; затем переехал в Бреслау. По примеру Берлинской певческой академии Мозевиус в 1825 г. основал здесь Певческую академию. Всего через полгода после основания (первоначально Академия насчитывала всего 26 членов) была исполнена оратория Г. Ф. Генделя «Самсон». В 1830 г. Мозевиус осуществил исполнение «Страстей по Матфею» И. С. Баха и с тех пор стал одним из самых активных пропагандистов и популяризаторов баховского творчества. Вскоре Мозевиус организовал также Мужское хоровое общество (Breslauer Liedertafel) и стал хормейстером и музидиректором университета Бреслау. Его стараниями исполнялись произведения не только Баха, но и Ф. Мендельсона-Бартольди, Л. Шпора, А. Б. Маркса и др. Кроме исполнительской деятельности, Мозевиус писал и теоретические работы, такие как J. S. Bach in seinen Kirchenkantaten und Choralgesängen (1845) и J. S. Bachs Matthäuspassion (1852).

⁵¹ Фишгоф Йозеф (Fischhof; 1804–1857), австрийский композитор, пианист и профессор Венской консерватории. Родился в еврейской семье в Моравии, в Буковице (Bučovice). Планировал стать врачом, но, начав изучать композицию, посвятил себя музыке. В 1833 г. стал профессором фортепьяно в Венской консерватории. Как композитор Фишгоф не получил широкого признания. Гораздо более он известен как коллекционер рукописей Л. ван Бетховена, составивший ценнейшее собрание.

⁵² Веске фон Пютлинген Иоганн (Vesque von Püttlingen; псевдоним Иоганн Ховен [Hoven]; 1803–1883), австрийский композитор, пианист и юрист. Не бросая юридической практики, проявил себя как талантливый музыкант. Дружил с Ф. Шубертом и Ф. Мендельсоном-Бартольди. Начиная с 1828 г. опубликовал ряд собственных произведений, в основном вокальных. Писал под псевдонимом Иоганн Ховен, подчеркивая свое преклонение перед Л. ван Бетховеном. Композиторское наследие Веске фон Пютлингена включает 6 опер: Turandot (1838); Johanna d'Arc (1840); Liebeszauber (или Käthchen von Heilbronn; 1845); Ein Abenteuer Karls II (1850); Der lustige Rat (1852) и Lips Tellian (1854). Кроме того, им написаны 20 квартетов, большая месса, сонаты и рондо для фортепьяно, а также 330 песен. В 1865 г. он опубликовал книгу Das

поставлена и у нас в Дрездене. Как композитор этот господин воспользовался именем Бетховена, из предосторожности присвоив себе только его окончание: «Ховен». Однажды мы были приглашены к нему на обед, и я несколько ближе присмотрелся к бывшему доверенному чиновнику Меттерниха⁵³, а ныне с черно-красно-золотой лентой через плечо выступающему в качестве убежденного сторонника современного движения.

Интересное знакомство завязал я также с русским сановником, атташе при русском посольстве в Вене, господином Фонтоном⁵⁴. Мы встречались с ним довольно часто у Фишгофа и нередко совершали совместные прогулки. В его лице я нашел последовательного представителя того пессимистического мировоззрения, согласно которому ждать сносного порядка вещей можно только при условиях выдержанного деспотизма. С интересом и с известной чуткостью (он похвалялся, что получил образование в самых передовых швейцарских школах) прислушивался он к моим словам, когда я с энтузиазмом развивал перед ним идеальные очертания того искусства, которое должно иметь высокое, решающее влияние на жизнь общества. Фонтон соглашался, что осуществление моих стремлений не во власти деспотизма, и хотя он вообще не верил в его возможность, но за бокалом шампанского гуманное настроение брало верх, и он выражал мне свои наилучшие пожелания. Впоследствии я узнал, что при всех своих способностях и энергии человек этот не сделал сколько-нибудь выдающейся карьеры.

218

Так как я никогда ничего не предпринимал без определенной серьезной цели, я попытался использовать свое пребывание в Вене, чтобы дать ход идеям о реформе театра. Вена, которая обладала пятью различными по характеру театрами, влачившими жалкое существование, казалась мне удобным для этого поприщем. Я быстро составил проект объединения этих театров в своего рода федерацию под управлением как активных ее сочленов, так и привлеченных к делу деятельных литературных сил.

Я навел справки о тех лицах, близко стоящих к театру, перед которыми рациональнее всего было бы развить мой план. Кроме Фридриха Уля⁵⁵, с которым я познакомился через Фишгофа и который оказывал мне энергичное содействие, мне назвали некоего господина Франка (думаю, что это тот самый Франк, который впоследствии опубликовал большое эпи-

musikalische Autorrecht.

⁵³ Фон Меттерних-Виннебург цу Байльштайн (Бейльштейн) Клеменс Венцель Лотар (von Metternich-Winneburg zu Beilstein; 1773–1859), князь, австрийский государственный деятель. В 1801–1803 гг. был австрийским посланником в Саксонии. В 1803–1805 гг. – в Пруссии, затем, в 1806–1809 гг., – посол в Париже. В 1809 г. занял должность министра иностранных дел Австрии. В 1821 г. стал канцлером. Был одним из главных организаторов Священного союза. Являлся наиболее активным противником любого проявления либерализма. В 1848 г. правительство Меттерниха было свергнуто; он был вынужден бежать в Великобританию. В октябре 1849 г. переехал в Бельгию. В 1851 г. вернулся в Австрию, но активного участия в политической жизни уже не принимал.

⁵⁴ Фонтон Феликс Петрович (1801–1871), русский дипломат. В 1820 г. определен в ведомство Государственной коллегии иностранных дел. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. В 1842 г. назначен советником дипломатической миссии в Берлине. В 1846 г. назначен советником посольства в Вене. 8 июня 1855 г. определен чрезвычайным посланником и полномочным министром при дворах короля Ганноверского и Великого герцога Ольденбургского. С 5 января 1857 г. – чрезвычайный посланник и полномочный министр при Германском союзе. В 1859 г. произведен в тайные советники. Ушел в отставку в связи с болезнью 20 сентября 1860 г. В 1862 г. в Лейпциге издал двухтомник «Воспоминания. Юмористические, политические и военные письма», где, в частности, рассказывал о встречах с А. С. Пушкиным.

⁵⁵ Уль Фридрих (Uhl; 1825–1906), австрийский писатель и журналист. Окончил среднюю школу в Тешене (польск. Cieszyń; чеш. Těšín; нем. Teschen; город в Силезии; с 1920 г. разделен на два города: большая часть с историческим центром стала польским городом Цешин, остальная часть составила город Чески-Тешин в Республике Чехия). Затем изучал филологию в Венском университете. С 1848 г. работал в качестве журналиста, а затем издателя. Являлся редактором следующих изданий: Die Presse; Der Botschafter; Neue Freie Presse и Wiener Zeitung. Автор новелл Allein in Paris; Mutterseelenallein; Herzensdämmerung и др., а также романов (Die Theaterprinzessin; Das Haus Fragstein; Die Botschafterin) и путевых очерков (Märchen aus dem Weichselthal; Aus dem Banat; An der Theiss) и др.

ческое стихотворение под названием «Тангейзер») и доктора Пахера⁵⁶. Об этом последнем выяснилось впоследствии, что он был, собственно, приспешником и агентом Мейербера, зарекомендовавшим себя далеко не с лучшей стороны. Самым привлекательным, самым значительным из всех приглашенных мной на конференцию в квартире Фишгофа был доктор Бехер⁵⁷, живой, многосторонне образованный человек, единственный отнесшийся к моему проекту действительно серьезно, хотя и не вполне одобрявший его. Мне тогда же бросилась в глаза некоторая как бы неуравновешенность, резкость Бехера. Это впечатление приобрело в моих глазах еще большее значение, когда через несколько месяцев я узнал, что он убит на улицах Вены, как участник октябрьского восстания⁵⁸.

Конференция доставила мне некоторое удовлетворение: было приятно уже то, что я мог прочесть свой план театральной реформы нескольким внимательным слушателям. Но всем казалось, что заниматься мирными театральными реформами теперь не время. Желая дать мне представление о том, что в этот момент занимает умы венцев, Уль повел меня однажды вечером в один из самых передовых политических клубов. Здесь я услышал некоего Сигизмунда Энглендера⁵⁹, который некоторое время спустя с заметным успехом выступил и в политической прессе. Та безвременность, с какой он, как и многие другие, судил о представителях австрийской власти, перед которыми трепетали все, прямо изумила меня, и в то же время меня поразила тривиальность высказанных им политических суждений.

Зато очень мягкое впечатление произвел на меня Грильпарцер. Имя его как автора «Праматиери» было мне дорого со времен детства. Я посвятил его в мои планы театральной реформы, и, кажется, он с интересом отнесся к ним. Однако он не скрыл от меня, что с практической стороны мой проект и мои расчеты на его содействие были ему неприятны. Это был первый драматический писатель, которого я видел в мундире чиновника.

Я обратился с моими проектами к господину Бауэрнфельду⁶⁰. Этим дело и ограничилось. Затем я отдался наблюдениям над кипевшей в Вене пестрой общественной жизнью.

⁵⁶ Имеется в виду Пахер Йозеф Адальберт (Pacher; 1816–1871, австрийский композитор и пианист.

⁵⁷ Бехер Альфред Юлиус (Becher; 1803–1848), композитор и музыкальный критик. Один из главных руководителей восстания в Вене в октябре 1848 г. Изучал право в Гейдельберге, Гёттингене и Берлине, но юридическую карьеру делать не стал, вскоре посвятив себя музыке. Отличался демократическими убеждениями. В Берлине являлся членом Berliner Burschenschaft. В 1838 г. стал профессором теории музыки и эстетики в университете в Гааге. В 1840 г. переехал в Лондон, где получил место профессора Королевской академии музыки. В 1842 г. приехал в Вену, где быстро оказался в самом центре культурной и общественной жизни. Являлся музыкальным рецензентом Wiener Allgemeine Musik-Zeitung («Венской всеобщей музыкальной газеты»). В мартовские дни 1848 г. оказался вовлеченным в политические события. После подавления Октябрьского восстания был арестован и расстрелян.

⁵⁸ Бехер был убит не в уличных схватках, а расстрелян вместе с другими руководителями восстания.

⁵⁹ Энглендер Сигмунд (Engländer; 1828–1902), австрийский писатель и журналист. После окончания Венского университета посвятил себя литературному труду. В 1847 г. редактировал в Вене ежемесячник Der Salon: Mittheilungen aus den Kreisen der Litteratur, Kunst und des Lebens. Издано было всего три тома, после чего по цензурным соображениям журнал был закрыт. Во время революции 1848 г. Энглендер занимал крайние левые позиции. После поражения восстания был приговорен к смерти, но ему удалось бежать сначала во Франкфурт-на-Майне, а оттуда в Париж. Однако вскоре за свою революционную деятельность он был выслан за пределы Франции. Окончательно обосновался в Лондоне, где стал редактором Londoner Deutsche Zeitung («Лондонской немецкой газеты»). Кроме того, сотрудничал с несколькими немецкими и австрийскими изданиями в качестве корреспондента. Является автором труда Geschichte der Französischen Arbeiter-Associationen («История французских рабочих ассоциаций»).

⁶⁰ Фон Бауэрнфельд Эдуард (von Bauernfeld; 1802–1890), австрийский драматург. В 1819–1821 гг. изучал философию в Шотландской гимназии (Schottengymnasium), а в 1825 г. – право в Венском университете. В 1830 г. зачислен в качестве стажера в Судебную палату. С 1843 г. занимал должность в комиссии по контролю за лотереями. Пробовал себя на политическом поприще, написав политическую брошюру Pie Desideria eines österreichischen Schriftstellers (1842). В 1845 г. совершил путешествие в Англию. В 1848 г., вернувшись в Вену, оставил государственную службу, вскоре став одним из самых известных драматургов Австрии. В 1882 г. был избран почетным гражданином Вены; в 1883 г. получил степень почетного доктора Венского университета. Является мастером жанровых сцен, наиболее успешно реализуя свой талант в комедиях и фарсах. Наибольшую известность получили следующие произведения Бауэрнфельда: Der Magnetiseur (1823); Leichtsinn aus Liebe (1831); Des Liebes-Protokoll (1831); Das letzte Abenteuer (1834); Bürgerlich und Romantisch (1835); Zwei Familien (1840); Die Geschwister von Nürnberg (1840); Großjährig (1846); Aus der Gesellschaft (1866); Moderne Jugend (1869), and Der

На улицах можно было видеть деятельных членов Академического легиона, выделявшихся своими перевязями национальных цветов. Но в то время эти цвета были так распространены, что даже лакеи, подававшие в театре мороженое, носили такие же черно-красно-золотые ленты.

В Карл-театре⁶¹, в Леопольдштадте, я смотрел новый фарс Нестроя⁶², в котором высмеивался князь Меттерних: по ходу пьесы на предложенный ему вопрос, отравил ли он герцога Рейхштадтского⁶³, Меттерних, как уличенный преступник, трусливо скрывается за кулисы. В общем, на всем облике столичного города, жадного к удовольствиям, лежала печать молодости, силы и твердой веры в себя. Это впечатление вполне оправдалось, когда в роковые октябрьские дни население Вены оказало энергичное сопротивление войскам князя Виндишгрэца⁶⁴.

На обратном пути я заехал в Прагу и посетил старого друга Китля. Я нашел его страшно располневшим и бесконечно напуганным пережитыми шумными событиями. По-видимому, он находил, что возмущение чешской партии против австрийского владычества направлено лично против него. С другой стороны, он верил, что своей оперой «Французы у ворот Ниццы» на либретто, сочиненное мной (одна из арий, имевшая революционный характер, стала весьма популярной), сам же и вызвал революционное движение.

Попутчиком моим на пароходе оказался скульптор Хэнель, чему я очень обрадовался. Он только что решил с графом Альбертом Ностицем⁶⁵ финансовые проблемы по постановке

Landfrieden (1869); Aus Alt- und Neu-Wien (1872).

⁶¹ Карл-театр (Carltheater), венский музыкальный театр, находящийся в Леопольдштадте (Leopoldstadt; второй район Вены, названный в честь императора Леопольда I). Был открыт в 1847 г. Функционировал до 1929 г. Здание театра было снесено в 1951 г.

⁶² Нестрой Иоганн Непомук Эдуард Амбросиус (Nestroy; 1801–1862), австрийский драматург, актер, оперный певец (бас). Получил образование в Шотландской гимназии (Schottengymnasium); изучал философию и право. Одновременно брал уроки вокала и актерского мастерства. В 1822 г. дебютировал в качестве оперного певца на сцене Кэрнтнертор-театра. В 1823 г. поступил в труппу Немецкого театра (Deutsche Theater) в Амстердаме. К началу 1830-х гг. отошел от оперной сцены, отдав предпочтение карьере драматического актера и одновременно пробуя себя как драматург. К этому периоду относятся первые сочинения Нестроя: Friedrich der Prinz von Korsika (между 1822 и 1827); Der Zettelträger Papp (1827); Sieben/ Zwölf Mädchen in Uniform (1827); Die Verbannung aus dem Zauberreiche oder Dreißig Jahre aus dem Leben eines Lumpen (1828); Dreißig Jahre aus dem Leben eines Lumpen (1829); Der Einsilbige oder Ein dummer Diener seines Herrn (1829); Der Tod am Hochzeitstage oder Mann, Frau, Kind (1829); Der unzusammenhängende Zusammenhang (1830); Magische Eilwagenreise durch die Komödienwelt (1830); Zwei Schüsseln voll Faschingskrapfen (1831). В 1831 г. получил первый ангажемент в театр «Ан дер Вин». В 1833 г. написана одна из наиболее известных пьес Нестроя Der böse Geist Lumpazivagabundus oder Das liederliche Kleeblatt («Злой дух Лумпацивагабундус»). В 1854–1860 гг. Нестрой руководил Карл-театром в Леопольдштадте. Среди многочисленных пьес Нестроя также следует отметить: Der Kobold oder Staberl im Feendienst (1838); Der Talisman (1840); Einen Jux will er sich machen (1842; по этой пьесе в 1964 г. написан знаменитый мюзикл Дж. Хермана «Хелло, Долли!»); Martha oder Die Mischmonder Markt-Mägde-Mietung (1848); Freiheit in Krähwinkel (1848); Tannhäuser (1857); Zeitvertreib (1858); Lohengrin (1859); Frühere Verhältnisse (1862); Häuptling Abendwind oder Das greuliche Festmahl (1862) и др. Пьесы Нестроя неоднократно ставились в России.

⁶³ Герцог Рейхштадтский Франц (Herzog von Reichstadt); он же Наполеон II (полное имя Наполеон Франсуа Жозеф Шарль Бонапарт; 1811–1832), король Римский, сын Наполеона I Бонапарта от второго брака с Марией Луизой Австрийской; номинальный наследник империи. Наполеон I дважды отрекся от престола в пользу сына, провозглашая его императором под именем Наполеона II, но оба отречения не вступали в законную силу. С 1814 г. жил с матерью во дворце Шёнбрунн; воспитывался при дворе своего деда Франца I Австрийского, пожаловавшего ему титул герцога Рейхштадтского. Скончался от туберкулеза, но его ранняя смерть породила слухи о том, что он был отравлен.

⁶⁴ Князь цу Виндишгрэц Альфред Кандид Фердинанд (Fürst zu Windisch-Grätz; Windischgrätz; 1787–1862), австрийский фельдмаршал (1848). Начал военную карьеру в 1804 г. Участник кампаний 1813 г. (отличился в «Битве народов» под Лейпцигом) и 1814 г. В 1815 г. назначен военным комендантом австрийских войск в Париже; в 1840 г. – главнокомандующим войсками в Богемии; в 1844 г. – командующим войсками в Вене. Во время революции 1848 г. был наделен чрезвычайными полномочиями, но вскоре отослан в Прагу, где также начались волнения. 17 июня в результате бомбардировки Праги мятеж был подавлен. 31 октября была взята Вена; репрессивные меры Виндишгрэца отличались крайней жестокостью. Следующим этапом явилось подавление восстания в Венгрии; 12 апреля 1849 г. был отстранен от командования. В 1851 г. издал книгу Der Winterfeldzug 1848–1849 in Ungarn.

⁶⁵ Граф фон Ностиц-Ринек Альберт (Graf von Nostitz-Rieneck; 1807–1871), чешско-австрийский военный и государственный деятель, верховный ландмаршал Королевства Богемии. Получил образование в Пражском университете; изучал

статуи императора Карла IV и был в превосходнейшем настроении. Особенно способствовало этому то обстоятельство, что гонорар, согласно условию, был ему выплачен серебром. Австрийские бумажные деньги стоили тогда очень дешево, и он получил большую выгоду. Его радостное настроение было так велико, что, пренебрегая предосторожностями и не поддаваясь предрассудкам, он весь довольно длинный путь от пристани до нашего дома сидел со мной в открытой пролетке, несмотря на то что хорошо знал, какое возмущение и подозрительное к себе отношение я вызвал несколько недель тому назад среди дрезденского общества. Этот поступок чрезвычайно обрадовал меня.

219

Здесь возмущение властей против меня улеглось, и я приступил к исполнению капельмейстерских обязанностей. Без всяких помех я вернулся к обычному укладу жизни. Но в это время воскресли мои старые заботы и затруднения: надо было добыть денег, и я не знал, как это сделать. Я решил подробнее ознакомиться с ответом на ходатайство об увеличении моего содержания. Ранее, огорченный его содержанием, я не дочитал его до конца. Тут я убедился, к величайшему стыду, что ошибся: я полагал, что фон Люттихау выхлопотал, хотя и в унижительной форме, ежегодную прибавку к жалованью. Оказалось, что речь идет лишь о единовременном вспомоществовании. Очутился я, таким образом, в совершенно безвыходном положении, так как искать разъяснений по этому поводу было поздно, и мне ничего не оставалось, как молча примириться с беспримерно нищенской компенсацией моего позора.

Обстоятельства эти заставили меня изменить мнение о господине фон Люттихау, который еще недавно так, казалось, благородно вел себя среди всеобщего похода против меня. В моих руках оказались доказательства, обрисовавшие его и с этой стороны в определенном свете раз навсегда. Люттихау сообщил мне, что члены Королевской капеллы прислали депутацию с просьбой отказать мне от места, так как они считают ниже своего достоинства служить под начальством политически скомпрометированного капельмейстера, за что он их якобы жестоко отчитал и заставил успокоиться. Это представило мне Люттихау с симпатичной стороны и поддержало прежнее мое отношение к нему. Но когда я поговорил с членами капеллы, оказалось, что дело носило иной характер. Правда, придворные сферы делали попытки побудить Королевскую капеллу выступить с таким заявлением. Ей даже грозили немилостью короля и политической неблагонадежностью. Но в ответ на эти махинации, чтобы обезопасить себя от возможных дурных последствий, музыканты отправили к своему шефу депутацию, которой поручено было заявить, что капелла, как художественно-артистическая корпорация, не считает себя призванной вмешиваться в дела, к искусству не относящиеся. Таким образом, рассеялись последние следы ореола, которым я до того окружал фон Люттихау. Осталось только чувство стыда за то, что на его коварство я отвечал сердечным доверием. Отныне мое отношение к этому человеку могло быть только враждебным.

Но больше, чем перенесенные оскорбления, на меня подействовало сознание полной невозможности через Люттихау служить делу возрождения театра. Ничто более не побуждало меня держаться на должной высоте в качестве капельмейстера. При этих условиях, да еще при необыкновенно жалком и урезанном окладе я считал такого рода деятельность не заслуживающей каких бы то ни было усилий и продолжал исполнять свои обязанности лишь

философию и юриспруденцию. В 1828 г. поступил на государственную службу. С 1850 г. являлся президентом Пражской консерватории. В 1860 г. был членом Имперского совета в Вене, а также президентом Центрального объединения сахаросвекольной промышленности Австро-Венгрии и членом правления Ипотечного банка Богемии. В 1861 г. был избран в Богемский сейм. Одновременно являлся верховным ландмаршалом Королевства Богемии. Трижды избирался председателем правительства Богемии: с 31 марта 1861 г. по 31 июля 1863 г.; с 4 октября 1866 г. по 27 февраля 1867 г. и с 26 августа 1870 г. по 23 декабря 1870 г.

из нужды, как человек, случайно попавший в несчастную комбинацию обстоятельств. Я не делал ничего, что могло бы ухудшить положение вещей, но и не предпринимал ничего к его улучшению.

220

Как бы то ни было, следовало чем-нибудь компенсировать утраченные надежды на увеличение моего содержания. Мне пришла в голову мысль связаться по этому поводу с Листом и спросить у него совета, как выйти из затруднительного положения. Вскоре после роковых мартовских дней и незадолго до окончания партитуры «Лоэнгрин» он в одно прекрасное утро обрадовал меня неожиданным посещением. Лист приехал из Вены, где пережил дни баррикад, и направлялся в Веймар, чтобы поселиться там надолго. Мы провели вместе вечер у Шумана. Сначала музицировали, потом диспутировали, и диспуты наши благодаря разладу между Листом и Шуманом во взглядах на Мендельсона и Мейербергера закончились тем, что наш хозяин, обозлившись, ушел к себе в спальню и долго к нам не выходил. Этим он поставил нас в очень странное, не лишенное комизма положение, о котором мы весело говорили на обратном пути домой. Редко удавалось мне видеть Листа в таком легкомысленно-живом настроении, как в эту ночь, когда, выйдя вместе со мной и концертмейстером Шубертом, он во фраке, несмотря на довольно резкий холод, каждого из нас проводил до квартиры.

В августе я использовал несколько свободных дней, чтобы съездить к Листу в Веймар. Лист, как известно, находился в особой милости у Великого герцога⁶⁶ и поселился в Веймаре надолго. И хотя ничем, кроме неудачного поручительства, он не помог мне, наше сердечное кратковременное свидание произвело на меня ободряющее, в высшей степени благодетельное впечатление. Вернувшись в Дрезден, я постарался упорядочить свой бюджет. Не ожидая ниоткуда никакой помощи, я решил обратиться к тем из моих кредиторов, которые относились ко мне благожелательно. Откровенно разъяснил я им положение моих дел и просил отсрочить на неопределенное время уплату долгов, пока обстоятельства не изменятся к лучшему. Я разъяснил им, что, заявив о своем согласии, они отнимут у моего врага, генерал-интенданта, возможность вредить мне, так как он только и ждет открытых выступлений кредиторов, чтобы начать против меня решительную кампанию. Кредиторы немедленно отозвались на мое письмо: Пузинелли и старая знакомая госпожа Клеппербайн [Klepperbein] заявили свою готовность совершенно отказаться от своих притязаний. Таким образом, несколько успокоенный и застрахованный против возможных подвохов со стороны фон Люттихау, я вернулся к исполнению капельмейстерских обязанностей. С большим рвением я углубился в любимые занятия по истории средневековой Германии. Мою должность я мог покинуть тогда, когда это мне заблагорассудится.

⁶⁶ Карл Александр Август Иоанн (1818–1901), Великий герцог Саксен-Веймар-Айзенахский (с 8 июля 1853 г.); сын Великого герцога Карла-Фридриха и Великой герцогини Марии Павловны, дочери императора Павла I. Получил образование в Лейпцигском и Йенском университетах; изучал юриспруденцию, историю и естественные науки; в 1841 г. получил степень доктора права в Йенском университете. Прекрасно владел французским и русским языками; хорошо разбирался в русской культуре, знал русскую поэзию, неоднократно посещал Санкт-Петербург. В 1896 г. присутствовал на коронации императора Николая II. Вступив на престол, оставался верен конституционным принципам. Всю жизнь являлся покровителем наук и искусств и щедрым меценатом. В частности, он инициировал реставрацию замка Вартбург, начиная с 1838 г. Покровительствовал Ф. Листу и Р. Вагнеру, о чем свидетельствует ценная экспозиция Richard-Wagner-Museum в Айзенахе на вилле Фрица Ройтера (Hause Fritz Reuter). Карл Александр способствовал сохранению традиций т. н. Веймарского классицизма; при нем в Веймаре были поставлены памятники Гердеру, Виланду, знаменитый памятник Гёте и Шиллеру работы Э. Ф. А. Ритшеля (1857 г.). В 1860 г. Великий герцог основал Школу искусств (Großherzogliche Kunstschule Weimar). В 1872 г. – Веймарскую музыкальную школу (Weimarer Musikschule). В 1886 г. им был отреставрирован и открыт музей Гёте (Goethehaus) в Веймаре, а с 1887 г. архив Гёте (Goethe-Archiv). Наконец, в 1889 г. он основал в Айзенахе Библиотеку Карла Александра (Carl-Alexander-Bibliothek).

Среди таких обстоятельств я с интересом следил за судьбой моего друга Рёкеля. Ежедневно возникали тревожные слухи о подготавливаемых реакционных шагах и новых репрессиях со стороны правительства. Рёкель считал необходимым бороться с реакцией и выработал мотивированное воззвание к солдатам саксонской армии, отпечатал его и распространил в большом количестве экземпляров. Этот поступок показался правительству чересчур дерзким. Рёкель был задержан и три дня провел в тюрьме, пока его адвокат Минквиц [Minkwitz] не внес за него залог в 1000 талеров. Против него был возбужден процесс по обвинению в государственной измене. Возвращение Рёкеля домой, к напуганной жене и детям, сопровождалось небольшой уличной демонстрацией, организованной президиумом «Отечественного союза». Его приветствовали речью как борца за народное дело.

Со стороны генеральной дирекции придворных театров он получил вместе с небольшой суммой отказ от места. Рёкель сейчас же отпустил длинную бороду и принялся издавать *Volksblätter* [«Народные листки»] под единоличной своей редакцией. Доходы с этого издания должны были вознаградить его за потерянное место музикдиректора. На Брюдергассе [Brüdergasse] он снял квартиру под помещение конторы. «Листки» обратили общее внимание на его редактора, осветив его дарование с совершенно новой стороны. Он никогда не запутывался в туманно-живописных фразах, а ограничивался злободневными вопросами, общими насущными интересами. Обсуждал он их спокойно и трезво, лишь попутно от конкретных примеров переходя к высшим принципам. Отдельные статьи были коротки и не заключали в себе ничего лишнего. Они отличались такою ясностью, что казались поучительными и убедительными даже для самых простых, необразованных людей. Всегда он говорил о существе дела, не вдавался в формальные описания, вызывающие на почве политики такую путаницу среди необразованных людей. Поэтому вскоре он составил себе довольно значительный круг читателей как среди интеллигентного, так и неинтеллигентного населения. Цена этой еженедельной газеты была так низка, что доходы с издания оказались чересчур ничтожными. С другой стороны, можно было смело предсказать, что, если реакция возьмет верх, Рёкелю его газеты не простят.

Младший брат его Эдуард, приехавший на время в Дрезден, заявил о своей готовности принять доходное место учителя музыки в Англии, хотя занятие это было ему противно, чтобы в случае необходимости (можно было заранее предвидеть, что Рёкелю грозит тюрьма или виселица) иметь возможность поддержать его семью. Так как деловые связи со всевозможными обществами отнимали у Рёкеля все время, то я встречал его очень редко, и наши отношения ограничивались короткими совместными прогулками. Я пускался с этим энтузиастом, голова которого всегда оставалась ясной, в самые отвлеченные споры. Он выработал себе подробное, связанное представление о полном перевороте социальных отношений, как они сложились исторически, о создании нового строя на новом общественном фундаменте. Новый моральный мировой порядок он воздвигал на учении Прудона⁶⁷ и других социали-

⁶⁷ Прудон Пьер Жозеф (Proudhon; 1809–1865), французский философ, публицист и социолог. Считается первым теоретиком анархизма. Объявляя крупную собственность кражей, отстаивал т. н. «владение» – мелкую собственность, не связанную с эксплуатацией чужого труда. При этом являлся убежденным противником коммунизма, который называл «абсурдной идеологией». Считал возможным уничтожение классовой эксплуатации посредством безденежного обмена товаров, что превратило бы всех трудящихся в самостоятельных производителей, обменивающихся товарами и услугами на началах взаимопомощи (мютюэлизма). Таким образом, осуществление «социальной революции» совершилось бы мирным путем. Основные сочинения Прудона: *Qu'est ce que la propriété?* («Что такое собственность?»; 1840); *Avertissement aux propriétaires* («Предостережение собственникам»; 1842); *Principes d'organisation politique, ou la création de l'ordre dans l'humanité* («Принципы политической организации, или Создание гуманного порядка»; 1843); *Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère* («Система экономических противоречий, или Философия нищеты»; 1846); *Idée*

стов, на идее уничтожения власти капитала путем организации продуктивных сил рабочего класса. При этом он сумел настолько подкупить меня рисующимися тут перспективами, что и я стал связывать с этим новым строем реализацию того идеального искусства, которое грезилось мне.

Особенно сильно меня заинтересовали два положения. Он отрицал брак в той форме, в какой мы его знаем. Я спросил его, как сложатся при постоянно меняющихся связях наши отношения к женщинам? С благородным возмущением он ответил, что в атмосфере современного хозяйственного и классового гнета мы не в состоянии отдать себе отчета о чистоте нравов, свойственных человеку, о действительной возвышенности отношений полов друг к другу. Что могло бы заставить женщину принадлежать мужчине в обществе, где нет власти денег, нет преимуществ социального и семейного положения, нет никаких предрассудков – всего того, что связано с теперешним укладом. В другой раз я спросил его, откуда общество возьмет людей, свободных духом, способных всецело отдать себя художественному творчеству, раз все должны нести одинаковую рабочую повинность? Он ответил, что если все будет сообразовано с силами и способностями человека, исчезнет самое понятие о тяжести труда, что работа тогда получит художественный оттенок. Он ссылаясь на то, что поле, возделываемое одним крестьянином, дает гораздо менее, чем если этим займется целая кооперация, как это бывает, когда интенсивно обрабатываются отдельные участки.

Эти и другие соображения Рёкеля, излагаемые с благородным одушевлением, заставили меня задуматься о многом. Они помогли мне выработать себе представление о таком строе общества, в котором полностью воплотились бы высшие художественно-артистические стремления моего духа.

222

Размышляя об этих вопросах, я возвращался к тому, что ближе всего меня касалось, – к вопросу о театре. Поводов к этому было достаточно, и внутренних, и внешних. Согласно новому демократическому избирательному закону, ожидалось полное обновление народного представительства в Саксонии. Выбор радикальных депутатов по всем округам давал возможность рассчитывать, если такое положение дел упрочится, на серьезнейшие изменения в государственном хозяйстве. Было решено предпринять строжайшую ревизию королевского цивильного листа: все лишнее должно было быть вычеркнуто из придворного хозяйства. Театру как бесполезному учреждению, предназначенному для развлечения самой испорченной части публики, грозило вместе с сокращением цивильного листа полное уничтожение. Так как я лично придавал театру большое значение, то я счел необходимым дать господам министрам разъяснение всей важности этого вопроса.

Необходимо было поставить на вид, что если в нынешнем своем состоянии театр не заслуживает никаких жертв со стороны общества, то, предоставленный самому себе, без идеального контроля государства, он падет еще ниже и заразится тенденциями, опасными для общественной нравственности. Власть должна взять его под свою защиту, как она это делает по отношению к религии и школе. Мне казалось необходимым разработать основы организации театра, которые обеспечили бы ему осуществление благороднейших его задач. Соответственно этому я набросал план, по которому суммы, расходуемые в цивильном листе на содержание придворной труппы, предназначались для основания и поддержания нацио-

générale de la révolution au XIXe siècle («Общая идея революции XIX века»; 1851); De la justice dans la révolution et dans l'Eglise («О справедливости в революции и в церкви»; 1858); La Guerre et la Paix («Война и мир»; 1861); Du principe Fédératif («О федеративном принципе»; 1863); De la capacité politique des classes ouvrières («О политической способности рабочих классов»; 1865); Théorie de la propriété («Теория собственности»; 1866); Théorie du mouvement constitutionnel («Теория конституционного движения»; 1870); Du principe de l'art («Принцип искусства»; 1875).

нального театра саксонского королевства. Практические подробности были представлены до такой степени точно, что план мой мог служить руководством для господ министров при обсуждении законопроекта в парламенте. Оставалось войти в личные отношения с каким-нибудь министром.

Для этой цели более подходящим казался мне министр народного просвещения. На этом посту фигурировал тогда господин фон дер Пфортден⁶⁸. И хотя о нем говорили как о человеке с чересчур гибкой политической совестью, как о человеке, стремящемся затушевать историю своего возвышения, связанного с революционным движением, тем не менее бывший профессор представлялся мне компетентным собеседником на тему, глубоко интересовавшую меня. Но я узнал, что художественные учреждения королевства, как и Академия изобразительных искусств, куда с особой горячностью я причислял и театр, находятся в ведении министра внутренних дел. Этому честному, не очень образованному и мало чуткому в вопросах искусства человеку, Оберлэндеру⁶⁹, я подал свою докладную записку, предварительно побывав у господина фон дер Пфортдена. Я хотел обеспечить себе его поддержку. При всей сложности своих занятий он принял меня вежливо и предупредительно, но всем существом своим, даже выражением лица отнял у меня всякую надежду на понимание с его стороны. Министр Оберлэндер сразу успокоил меня той серьезностью, с какой обещал вникнуть в дело. Но он тут же с полной откровенностью указал на то, что не следует полагаться на короля, который едва ли уполномочит его выступить с необыкновенным проектом по вопросу, до сих пор предоставленному сложившейся рутине. Не должно забывать, что к нынешним министрам и прежде всего к нему самому король относится без должного доверия. Ему трудно говорить с монархом о чем-либо, выходящем из круга его текущих дел. Вот почему поднятие этого вопроса лучше предоставить парламенту.

Так как мне хотелось предупредить возможность закрытия Придворного театра при дискуссиях о сокращении гражданского списка, если к этому вопросу отнесутся с радикальной решимостью, лишенной соответствующего знания и понимания, я не пожалел труда и вступил в переговоры с некоторыми влиятельными членами парламента. Я проник в новую, странную сферу и столкнулся с людьми и настроениями, совершенно чуждыми моему духу. Вести разговоры с этими господами за пивом, среди густого табачного дыма, поддерживать в них интерес к столь далеким от них темам было трудно. После того как фон Трючлер [von Trütschler], красивый, энергичный, мрачно-серьезный человек, долго и молча меня слушавший, заявил, что на государство он более ни в чем не полагается, а знает только общество, что это последнее без него и без меня поймет, как ему отнестись к искусству и к театру, я, пристыженный, ушел и отказался от дальнейших усилий, от всяких надежд. Из всего этого получился, как я впоследствии убедился, только один результат: господин фон Люттихау узнал о моем проекте – это обнаружилось в одном из наших разговоров – и проникся новой враждой ко мне.

На моих совершенно уединенных прогулках, чтобы дать исход кипевшим чувствам, я много думал о будущих формах человеческих отношений, когда исполнятся смелые желания и надежды социалистов и коммунистов. Их учения, которые тогда еще только складывались,

⁶⁸ Барон фон дер Пфортден Людвиг Карл Генрих (Freiherr von der Pfordten; 1811–1880), саксонский и баварский государственный деятель. Получил образование в университетах Гейдельберга и Эрлангена; изучал юриспруденцию. В 1833 г. стал профессором римского права Вюрцбургского университета. В 1843 г. получил место профессора на юридическом факультете Лейпцигского университета. С 1845 г. занимал пост президента и являлся лидером саксонской либеральной партии. В марте 1848 г. был назначен саксонским министром внутренних дел и министром образования. В феврале 1849 г. вернулся в Баварию, где был назначен министром-президентом Баварии и министром иностранных дел. В 1859 г. ушел в отставку. В 1864 г. Людвиг II Баварский вернул фон дер Пфортдену министерский портфель. Окончательно ушел с политической арены в декабре 1866 г.

⁶⁹ Оберлэндер Мартин Готхарт (Oberländer; ?–1868), саксонский государственный деятель. Более подробной информации найти не удалось.

давали мне лишь общие основания, так как меня интересовал не самый момент политического и социального переворота, а тот строй жизни, в котором мои проекты, относящиеся к искусству, могли бы найти осуществление.

223

В это время меня занимала мысль о драме, героем которой являлся бы Фридрих Барбаросса. Эта фигура стояла передо мной в полноте силы и величия. Не имея возможности провести в жизнь свои идеальные стремления, он отказывается от них сознательно, и это самоограничение, возбуждая участие к герою, должно подчеркнуть всю сложность существования на земле. Эту драму я хотел написать в форме народных стихов, в стиле средне-немецкого эпоса. Образцом мне рисовалась поэма «Александр» священника Ламберта⁷⁰. Содержание я набросал в самых общих чертах и в немногих строках. Драма была разбита на пять действий. Первое действие: рейхстаг в Ронкалийском поле, демонстрация королевской власти, повелевающей даже стихиями. Действие второе: осада и взятие Милана. Действие третье: измена Генриха Льва и поражение при Леньяно⁷¹. Действие четвертое: рейхстаг в Аугсбурге, покорность и наказание Генриха Льва. Действие пятое: рейхстаг и дворец в Майнце, мир с ломбардцами, примирение с папой, принятие креста и отбытие на восток. Интерес к разработке этой драмы, однако, сейчас же во мне угас: его вытеснил миф о Нибелунгах и сказание о Зигфриде, совершенно меня захватившие. Сходство концепции и побудило меня вникнуть в эту область, в которой история соприкасается с сагой, и я набросал на бумаге кое-какие мысли на эту тему, причем пользовался найденными в королевской библиотеке монографиями авторов, имен которых я теперь не помню. В них я нашел много ценных указаний относительно идеальной сущности королевской власти в Германии.

Возникало, таким образом, довольно значительное исследование, убившее всякое стремление к разработке названной выше драмы. Впоследствии я издал его под названием «Вибелунги»⁷².

224

Тут же я приступил к письменной обработке материала. При всей своей сложности связь средневекового мифа о Нибелунгах во всех его главных чертах с мифом о германских

⁷⁰ Ламберт; более правильно Ламбер (Lambert le Tort; также Lambert le Court, Lamberz li Tors), французский поэт XII в., трувер. Точные даты жизни неизвестны. Автор поэмы об Александре Македонском (около 1170 г.); оригинал не сохранился, но послужил основой для более позднего эпоса, принадлежащего перу Александра Парижского (или Александра де Берне; Alexandre de Paris; Alexandre de Bernay), который, скорее всего, и был известен Р. Вагнеру.

⁷¹ Битва при Леньяно – сражение между ополчением Ломбардской лиги и войсками императора Священной Римской империи германской нации Фридриха Барбароссы. Произошло 29 мая 1176 г. Предварительно, 16 апреля 1175 г., Фридрих встретился с послами Ломбардской лиги для мирных переговоров, но мир заключить не удалось. В результате кровопролитной с обеих сторон битвы при Леньяно войска Фридриха Барбароссы потерпели поражение. Мир был достигнут лишь 24 июля 1178 г.: Фридрих покорился папе Александру III, признав его главой Вселенской Церкви. Интересно отметить, что это сражение все-таки нашло отражение в музыкальном искусстве: в 1849 г. Джузеппе Верди написал оперу «Битва при Леньяно» (La battaglia di Legnano).

⁷² Летом 1848 г. Р. Вагнер написал брошюру Die Wibelungen. Weltgeschichte aus der Sage («Вибелунги. Всемирная история на основании сказания»; перевод на русский язык С. Шенрока с пояснительной статьей Э. Метнера и М. Ценкера; 1913 г.). В этой работе Вагнер впервые обращается, можно сказать, к центральному лейтмотиву своего творчества: к переплетению мифа и истории. Опираясь общим понятием «франки» (представленные реальными историческими династиями Меровингов и Каролингов), Вагнер причисляет к ним и династию Гогенштауфенов. Именно франки названы Вагнером вибелунгами (которые могут произноситься как «вибелинги» или «гибеллины»). Вскрывая глубинную символическую суть сакральной царской власти, Вагнер проводит аналогии между мифологической канвой древних сказаний и историческим противостоянием императорской и папской власти (читай мирской и духовной), известным как вражда гвельфов и гибеллинов.

божествах вообще выступила с полной отчетливостью. При этом выяснилась возможность одну из главных частей его выделить в самостоятельную музыкальную драму. Но медленно и робко назревало во мне решение остановиться на этой идее, так как с практической стороны постановка такого рода произведения на подмостках дрезденского театра являлась положительно немислимой. Нужно было окончательно разочароваться в возможности сделать что-нибудь для нашего театра, чтобы найти в себе мужество заняться этой работой.

С холодным равнодушием я относился ко всякой перспективе сделать что-нибудь в этом отношении вне Дрездена. С «Люэнгрином» я довел дело до того, что мог рассчитывать на приличную его постановку, и я решил этим удовлетвориться. Фон Люттихау я в свое время объявил, что закончил партитуру, но ввиду сложившихся между нами отношений предоставляю ему свободно решить вопрос о постановке.

Между тем наступил момент, когда архивариус Королевской музыкальной капеллы вспомнил, что приближается трехсотлетие со дня ее основания, что предстоит, таким образом, отпраздновать юбилей. Был назначен большой торжественный концерт в театре, на котором были исполнены композиции саксонских капельмейстеров всех времен с основания капеллы. Во главе с обоими капельмейстерами музыканты устроили в Пильнице благодарственное чествование короля. При этом один из них за гражданские заслуги был возведен в звание рыцаря ордена Гражданских Заслуг⁷³. Этим музыкантом был мой коллега Райсигер. И двор, и интендант ценили его очень низко, но, в противоположность мне, он сумел в это смутное время своей подчеркнутой лояльностью выслужиться перед властями. Не менее лояльная публика, наполнившая театр в день концерта, устроила ему шумную овацию, когда он появился, украшенный необыкновенным орденом. Увертюру его к опере «Иельва»⁷⁴ публика встретила с непривычным для ее автора энтузиазмом, в то время как первый финал «Люэнгрина», приведенный как образчик творчества самого молодого из капельмейстеров, был встречен с непривычной для меня сухостью.

После концерта состоялся ужин, на котором говорилось многое. Я совершенно свободно высказал капелле свои взгляды на то, что было бы необходимо предпринять для ее усовершенствования. Маршнер, присутствовавший на ужине и приглашенный участвовать в юбилее как бывший дрезденский музидиректор, заметил мне, что своим чересчур высоким мнением о музыкантах я легко могу повредить самому себе. Следует принять во внимание, говорил он, с какими необразованными людьми, знающими только свой инструмент, я имею дело. Своими разговорами о задачах искусства я могу их только спутать и сбить с толку.

Несравненно более приятное воспоминание оставило во мне тихое чествование памяти Вебера, которое было устроено в утро юбилейного дня на кладбище и заключалось в возложении венка на его могилу. Так как здесь никто речей не произносил, и только Маршнер сказал несколько сухих, формальных слов в память покойного мастера, я увидел себя вынужденным в немногих сердечных выражениях дать исход волновавшим меня чувствам.

225

То был лишь краткий перерыв: интересы искусства опять отступили на задний план под действием новых впечатлений политического характера, захвативших решительно все. Наступили венские октябрьские дни, и страстное волнение овладело Дрезденом. На сте-

⁷³ Орден Гражданских Заслуг (Zivilverdienstorden), саксонский орден, учрежденный 7 июня 1815 г. королем Фридрихом Августом I. В 1849 г. переименован в Орден Заслуг (Verdienstorden). С 29 октября 1866 г. мог вручаться также и за военные заслуги – со скрещёнными мечами.

⁷⁴ «Иельва, русская сирота» (Yelva, die russische Waise), мелодрама Райсигера, написанная на весьма популярный в XIX в. сюжет. В частности, известна мелодрама Э. Скриба (Yelva ou l'Orpheline russe), шедшая в России под названием «Ольга, или Русская сирота».

нах появлялись красные и черные плакаты с воззваниями, приглашавшими двинуться на помощь венцам, с проклятиями по адресу «кроваво-красной монархии» и прославлениями запретной «красной республики» и другими подобными же возбуждающими обращениями. В городе создалось тревожное и напряженное настроение. Только люди, хорошо осведомленные относительно истинного хода событий, сохраняли спокойствие, но таких было мало.

Когда Виндишгрэц вступил в Вену и Фрëбель⁷⁵ был помилован, а Блюм⁷⁶ расстрелян, взрыв, казалось, был неизбежен. В честь Блюма была организована колоссальная траурная уличная демонстрация. Во главе процессии шли министры, причем народ с особенным удовольствием отметил присутствие шествовавшего с печальным лицом фон дер Пфортена, не пользовавшегося особым доверием. Всеми овладело мрачное настроение, ждали самого худшего. Доходили до того, что казнь Блюма, ненавистного и страшного высоким сферам своей агитационной деятельностью в Лейпциге, без всяких стеснений объясняли даже дружеской услугой со стороны эрцгерцогини Софии⁷⁷ своей сестре, королеве Саксонской! Целые толпы беглецов из Вены в форме Академического легиона прибыли в Дрезден. Их грозные, воинственные фигуры виднелись повсюду, и они устроились здесь совсем подомашнему. Однажды, когда я пришел в театр для дирижирования «Риенци», капельдинер сообщил мне, что обо мне справлялось несколько человек. Действительно, скоро появилось около полдюжины каких-то господ, которые поздоровались со мною по-братски, как с единомышленником-демократом, и стали просить о свободном пропуске в зал.

В одном низкорослом, горбатым человеке в калабрийской шляпе, надетой набекрень, я признал бывшего беллетриста Хэфнера [Häfner]⁷⁸, с которым меня познакомил Уль в одно из

⁷⁵ Фрëбель Карл Фердинанд Юлиус (Fröbel; 1805–1893), немецкий политический деятель, писатель и журналист. После учебы в Мюнхене, Веймаре и Берлине уехал в Швейцарию. В 1833 г. получил место профессора минералогии в Цюрихском университете. В 1843 г. опубликовал минералогический труд *Grundzüge eines Systems der Kristallologie*. Придерживался крайне левых политических убеждений, которые нашли отражение в литературных трудах Фрëбеля, таких как *System der socialen Politik* (1847), а также драма *Die Republikaner* (1848). В 1844 г. открыл в Цюрихе собственное издательство. В 1846 г. вернулся в Германию. В 1848 г. стал лидером демократов; был избран во Франкфуртское национальное собрание. Вместе с Р. Блюмом принимал участие в венских революционных событиях в октябре 1848 г. Был арестован и приговорен к смертной казни, но в итоге помилован. После роспуска парламента уехал в Соединенные Штаты. Вернулся в Германию в 1857 г.; написал труд *Aus Amerika. Erfahrungen, Reisen und Studien* (1857–1858). С 1862 по 1873 г. являлся редактором ряда газет в Вене и в Мюнхене (в частности, *Süddeutsche Presse*). В 1866 г. в Штутгарте вышел сборник политических статей Фрëбеля *Kleine politische Schriften*. Был германским консулом в Смирне (1873–1876 гг.) и в Алжире (1876–1889 гг.) Отошел от активной политической жизни в 1890 г. Среди основных сочинений следует назвать также: *Die Wirthschaft des Menschengeschlechts auf dem Standpunkt der Einheit idealer und realer Interessen* (1870–1876); *Die Gesichtspunkte und Aufgaben der Politik* (1878); *Die realistische Weltansicht und die utilitarische Civilisation* (1881) и *Ein Lebenslauf. Aufzeichnungen, Erinnerungen und Bekenntnisse* (1890–1891). Не путать с Фридрихом Вильгельмом Августом Фрëбелем (1782–1852), немецким педагогом, теоретиком дошкольного воспитания, создателем понятия «детский сад».

⁷⁶ Блюм (Блум) Роберт (Blum; 1807–1848), немецкий политик и писатель. Начиная карьеру с должности театрального секретаря и кассира в Лейпциге. Вскоре завоевал авторитет как политический оратор. Отличался радикальными левыми убеждениями. В 1840 г. основал Шиллеровский союз; издавал политическую карманную книгу *Vorwärts* (вышло 5 томов с 1843 по 1847 г.). Являлся сотрудником *Sächsische Vaterlandsblätter* («Саксонские отечественные листки»). В 1847 г. издал составленный им *Weihnachtsbaum* (сборник биографий видных либералов Германии), а также *Staatslexicon für das deutsche Volk* («Государственный лексикон немецкого народа»). К началу 1848 г. фактически являлся главой саксонских демократов. Был избран вице-президентом т. н. Предпарламента (*Vorparlament*), предшествовавшего открытию Франкфуртского национального собрания. В октябре 1848 г. вместе с К. Ф. Ю. Фрëбелем отправился в Вену, чтобы поддержать восставших; принял участие в вооруженных столкновениях. После взятия Вены войсками князя цу Виндишгрэца был арестован, предан военному суду и 9 ноября расстрелян. Казнь Блюма вызвала общее возмущение по всей Германии.

⁷⁷ София Фридерика Доротея Вильгельмина (1805–1872), принцесса Баварская; сестра-близнец Марии Анны Баварской (1805–1877), королевы Саксонии, жены Фридриха Августа II. Эрцгерцогиня Австрийская, мать императора Франца Иосифа I.

⁷⁸ Скорее всего, имеется в виду Карл Хаффнер (Haffner; 1804–1876), немецкий драматург и писатель. В 16-летнем возрасте примкнул к группе странствующих комедиантов, с которыми выступал в Пруссии, Саксонии, Силезии, Австрии и Венгрии. После 10 лет скитаний обосновался в Пеште, где начал карьеру драматурга. Здесь он написал свои трагедии *Die Raubschützen*; *Die Locke des Enthaupteten*; *Block's Todtengruft*; *Schwarzenberg und Palfy*; *Batory's Tod*, которые имели заслуженный успех у зрителей. Вскоре получил приглашение в Карл-театр в Вене, а затем стал штатным драматургом театра «Ан дер Вин». Согласно контракту, Хаффнер должен был писать по 11 произведений в год. Позднее перешел в Театр

наших посещений политического клуба в Вене. Члены капеллы следили за этой встречей с величайшим удивлением. При всем моем смущении я не хотел делать компрометирующего признания и потому спокойно пошел в кассу, взял шесть билетов и передал их странным людям. Сердечно пожав мне руку перед лицом всей публики, они удалились. Сомневаюсь, чтобы положение мое в качестве королевского капельмейстера упрочилось после этого случая в глазах театрального персонала, в глазах сотрудников театра вообще. Но верно одно: никогда еще меня так бурно не вызывали на представлении «Риенци» после каждого акта, как в этот раз.

Вообще, в театральной публике образовалась партия моих горячих приверженцев, как бы в противовес той холодности, с какой я был встречен на юбилейном концерте капеллы. Что бы ни шло, «Тангейзер» или «Риенци», меня принимали одинаково восторженно, и с каким бы чувством страха ни глядел на это господин фон Люттихау, такое поведение публики все же внушало ему известный пиетет по отношению ко мне. Однажды он обратился ко мне с предложением поставить в ближайшем будущем «Лоэнгрин». Я объяснил ему, почему сам не заводил разговора об этом предмете. Так как театральный персонал я нахожу достаточным, то я готов приступить к делу. Из Парижа вернулся в это время сын моего старого приятеля Ф. Гейне⁷⁹, изучивший у Деплешена и Дитерле⁸⁰ по поручению дрезденской дирекции искусство писать декорации. Чтобы получить место придворного театрального декоратора, он должен был подвергнуться испытанию, и потому он ходатайствовал, чтобы ему было поручено сделать декорации «Лоэнгрин». Это и заставило господина фон Люттихау обратить внимание на мое новое произведение. Я дал согласие, и молодому Гейне была обещана эта работа.

226

Такому обороту моих дел я был чрезвычайно рад, так как надеялся, что разучивание «Лоэнгрин» отвлечет меня от волнений, связанных с событиями последнего времени. Тем сильнее испугало меня, когда однажды Вильгельм Гейне пришел с известием, что работа его внезапно приостановлена, что ему поручено написать декорацию другой оперы. Я не сказал ни слова и ничего не спросил о причинах столь странного поведения дирекции. Впоследствии фон Люттихау объяснялся по этому поводу с моей женой, и если он говорил правду, я напрасно всю вину взвалил на него, напрасно разорвал с ним навсегда. Спустя

в Йозефштадте. Кроме того, стал сотрудником сатирического еженедельника *Böse Zungen*. Первый крупный успех в Вене пришел к Хаффнеру в 1841 г., после опубликования романтической-комической народной сказки *Marmorherz* («Мраморное сердце»). Кроме драм, Хаффнер является автором более 30 романов, среди которых *Scholz und Nestroy* (1864).

⁷⁹ Гейне Петер Бернхард Вильгельм (он же Уильям Гейне) (Heine; 1827–1885), немецкий художник и писатель; сын Фердинанда Гейне. Учился в Академии художеств в Дрездене у Ю. Гюбнера. Продолжил образование в Париже. Вернувшись в Дрезден, служил театральным художником, а также преподавал рисование. Из-за своего участия в революционных событиях 1848–1849 гг. был вынужден бежать в Нью-Йорк, где открыл студию на Бродвее. В 1851–1856 гг. сопровождал в качестве рисовальщика североамериканскую экспедицию в Латинскую Америку (результатом поездки стала книга, описывающая большинство местных растений, *Wanderbilder aus Centralamerika*; 1853), а затем в Японию; в 1859 г. участвовал в прусской экспедиции в Ост-Индию. Написал следующие труды: *Reise um die Erde* (1856); *Die Expedition in die Seen von China, Japan und Ochotsk* (1859); *Japan und seine Bewohner* (1860); *Eine Sommerreise nach Tripolis* (1860). В 1861 г. участвовал в Гражданской войне в США на стороне северных штатов; в 1865 г. дослужился до бригадного генерала. В 1864 г. опубликовал свой главный труд *Eine Weltreise um die nördliche Hemisphäre*. После окончания Гражданской войны являлся консулом США в Париже, а затем в Ливерпуле. В 1871 г. вернулся в Дрезден и написал свою последнюю книгу *Japan, Beiträge zur Kenntnis des Landes und Seiner Bewohner* (1873–1880).

⁸⁰ Дитерле Жюль Пьер Мишель (Dieterle; 1811–1889), французский архитектор, художник, скульптор, дизайнер, художник по фарфору и сценограф. Этот разносторонний художник работал в Севрской фарфоровой мануфактуре. В 1848 г. стал президентом Высшего совета по улучшению производства на мануфактурах Гобеленов в Бове и Севре. В 1876 г. получил должность управляющего Государственной мануфактурой г. Бове, а также являлся президентом Центрального совета декоративно-прикладных искусств.

много лет спрошенный по этому поводу, он объяснил, что отношение ко мне при дворе оказалось очень враждебным. Он очень серьезно выступил с предложением поставить «Лоэн-грину», но наткнулся на непреодолимые препятствия. Как бы то ни было, горечь нанесенной обиды решительным образом повлияла на мое настроение. До этой минуты я думал, что смогу помириться с театром, если постановка выйдет удачной. Теперь я отвернулся от него решительно, отказавшись от всякой попытки что-нибудь переделать к лучшему. Это сказало, во-первых, в том, что я отказался от мысли сохранить за собой место дрезденского капельмейстера, и, во-вторых, в том, что я занялся такими художественно-артистическими проектами, выполнение которых стояло в прямом противоречии со всем нашим современным театральным укладом.

Я приступил к обработке «Смерти Зигфрида». Мечту об этом произведении я лелеял давно, не думая ни о дрезденском, ни о другом каком-нибудь придворном театре. Я стремился только к одному: заняться делом, которое окончательно вывело бы меня из бессмысленного положения. Эдуард Девриент, единственный человек, с которым я делился мыслями о театре и драматическом искусстве, так как с Рёкелем разговаривать о подобных вещах было абсолютно невозможно, был поражен, когда я прочел ему законченный стихотворный текст. Он понял, что отныне я отказываюсь от всяких надежд на поддержание каких бы то ни было связей с современным театром, и, конечно, не мог этого одобрить. Девриент утешал себя мыслью, что в конце концов и эта вещь окажется не слишком непонятной и неисполнимой на сцене. Насколько серьезно он отнесся к ней, видно из следующего.

Девриент указал на одну ошибку: по его мнению, я чересчур мало считаю с публикой и напрасно полагаю, что из кратких эпических намеков она извлечет все необходимое для уразумения сущности драмы. Он указал, что для понимания враждебного конфликта между Зигфридом и Брюнгильдой надо было бы обрисовать их истинные, прежние, ничем не омраченные отношения. Дело в том, что я начинал «Смерть Зигфрида» с тех самых сцен, которыми ныне открывается первое действие «Гибели богов»⁸¹. Все, что до этого произошло между Зигфридом и Брюнгильдой, я разъяснял с помощью лирико-эпического диалога между покинутой супругой и пронсящимися мимо ее скалы валькириями. Указание Девриента натолкнуло меня тут же, к моему собственному удовлетворению, на создание тех сцен, которые ныне составляют пролог ко всей драме.

227

В этой атмосфере между мной и Э. Девриентом складывались все более и более приятельские отношения. Часто приглашал он к себе избранное общество, и на этих собраниях читались вслух драматические произведения. Я бывал на них и, к удивлению своему, убедился, что он очень даровитый чтец, хотя на сцене я не замечал за ним этой особенности. С другой стороны, для меня было утешением сознание, что я могу свободно говорить об испортившихся отношениях к генеральному интенданту, что здесь меня всегда поймут. Девриент считал необходимым предупредить окончательный разрыв, но надежд на успех у него было мало.

⁸¹ Название вагнеровской музыкальной драмы «Götterdämmerung», известной нам сегодня как «Гибель богов», в России довольно долго переводили как «Закат богов», или «Сумерки богов». Последний вариант является гораздо более правильным и в философском, и непосредственно в переводческом смысле: нем. Dämmerung буквально переводится как «сумерки, вечерние сумерки, рассвет, предрассветный полумрак», т. е. это и закат, и рассвет одновременно. Ведь если бы Вагнер хотел подчеркнуть трагическую составляющую сюжета всей своей тетралогии, он бы напрямую использовал в названии «Untergang» – гибель, или «Tod» – смерть. Но он использовал «Dämmerung», а значит, переводить название музыкальной драмы как «Гибель богов» никак нельзя. Это значит не понимать глубинный скрытый смысл, заложенный в ней композитором: смерть одновременно является возрождением. Обращаем внимание на то, что в настоящем издании мы будем далее неукоснительно придерживаться в наименовании вагнеровской драмы варианта «Сумерки богов».

С наступлением зимы королевский двор опять вернулся в город, и как только участились его соприкосновения с театром, до меня неоднократно стали доходить от высочайших особ выражения недовольства моей капельмейстерской деятельностью. Один раз королеве показалось, что я «скверно дирижировал» «Нормой», другой раз – что в «Роберте-Дьяволе» я «неверно отбивал такт». Фон Люттихау считал своей обязанностью сообщать мне обо всех этих выражениях недовольства, и само собой разумеется, что обмен мнениями при этом не мог поддерживать между нами хороших отношений.

Однако мы еще кое-как ладили. Крайних мер по отношению ко мне принимать не решались, так как все кругом было охвачено страстным беспокойством. Во всяком случае реакция, бравшая верх во всех областях жизни, не была еще настолько уверена в своей полной победе, чтобы окончательно выступить открыто вперед. Так, например, генеральная дирекция не чинила музыкантам никаких препятствий, когда они задумали организовать общество для защиты своих художественно-артистических и гражданских интересов. Особенно активную деятельность проявил по этому случаю молодой музыкант Теодор Улиг⁸². Это был скрипач лет двадцати с необыкновенно нежными, интеллигентными и благородными чертами лица, выделявшийся из среды своих товарищей серьезным, спокойным, твердым характером. Мое внимание он обратил на себя тем, что выказал тонкое чутье и широкие музыкальные познания. Убедившись в его пытливости и необыкновенном стремлении раздвинуть свой умственный горизонт, я избрал его в спутники на моих прогулках. Рёкель не принимал в них больше никакого участия.

Улиг уговорил меня посетить общество капеллы, принять участие в его делах, внести оживление в его работу и оплодотворить его дух. На одном из таких заседаний я познакомил напряженно слушавшую меня аудиторию с отклоненным год тому назад генеральной дирекцией проектом реформы капеллы, с моими воззрениями и планами на эту тему. Однако я счел необходимым тут же заявить, что на содействие администрации я потерял всякую надежду, что следует решительно взять инициативу в свои руки.

Мое предложение было встречено с энтузиазмом. Люттихау, не препятствовавший, как я говорил уже, демократически настроенным музыкантам в организации общества, озабочился, однако, чтобы на его собраниях присутствовали шпионы. Среди них особенно выделялся протезируемый дирекцией и ненавистный всей капелле горнист Леви [Levy]. Естественно поэтому, что фон Люттихау немедленно было сообщено о моем выступлении, причем смысл его был искажен.

Люттихау решил, что пришел момент проявить свою власть по отношению ко мне. Я был вызван к нему официальным письмом, и здесь он дал волю своему долго сдерживаемому гневу. Между прочим, я узнал, что он осведомлен о проекте театральной реформы, поданном министру. Я догадался об этом по дрезденскому простонародному выражению, которое он употребил и которого до того мне не приходилось слышать. Он сказал, что «в гробу видал»⁸³ меня в деле управления театром. Я не сдержался и в свою очередь высказал свои взгляды на сложившиеся между нами отношения. Люттихау стал грозить, что пожа-

⁸² Улиг Теодор (Uhlig; 1822–1853), немецкий скрипач, композитор и музыкальный критик; незаконный сын Фридриха Августа II Саксонского. Получил музыкальное образование в Дессау. С 1841 г. являлся скрипачом Королевской придворной капеллы в Дрездене. В качестве музыкального критика писал статьи преимущественно для *Neue Zeitschrift für Musik*. Познакомившись с Р. Вагнером, стал одним из его ближайших друзей и надежным помощником (в частности, переложил клавираусцуг «Люэнгрина»). После Дрезденского восстания 1849 г. бежал в Париж. Впоследствии несколько раз посещал Вагнера в Цюрихе. Скончался от туберкулеза. Композиторское наследие Улига насчитывает 84 произведения, среди которых симфонии, зингшпили, камерные сочинения и песни. Кроме того, в конце жизни Улиг опубликовал свои музыковедческие работы: *Die Wahl der Taktarten*; *Die gesunde Vernunft und das Verbot der Fortschreitung in Quinten*; *Druckfehler in den Symphonie-Partituren Beethovens*. В период с 1849 по 1853 г. Улиг вел с Вагнером интенсивную переписку; сохранились около 100 писем Вагнера к Улигу, опубликованных в сборнике *Richard Wagner's Briefe an Theodor Uhlig, Wilhelm Fischer, Ferdinand Heine* (Leipzig, 1888).

⁸³ В оригинале «an den Laden gelegt», что дословно можно перевести как «положенный в гроб» (нем.).

луется на меня королем и будет требовать моего удаления, а я с величайшим спокойствием заявил, что предоставляю ему поступать, как ему заблагорассудится. Полагаясь на справедливость короля, я уверен, что будет выслушан не только обвинитель, но и обвиняемый. Я объяснил ему, что такой исход был бы для меня наиболее желателен, так как я не вижу другого способа высказаться перед королем не только по личному поводу, но по поводу театра и искусства вообще. Это опять-таки не понравилось фон Люттихау, и он спросил, как же в таком случае уладить наши отношения, раз я откровенно заявляю, что «дело дрянное»⁸⁴. Мы закончили нашу конференцию, оба пожимая плечами.

Результат не мог, конечно, удовлетворить бывшего моего доброжелателя. Он обратился к рассудительности и умеренности Эдуарда Девриента, прося, чтобы тот помог нам прийти к какому-нибудь соглашению. Девриент, несмотря на всю свою серьезность, после переговоров со мною, смеясь, должен был признать, что добиться здесь какого-нибудь результата невозможно. А так как я твердо заявил, что не намерен отныне принимать участие в обсуждении театральных дел, то господину интенданту ничего не оставалось, как, полагаясь на собственную мудрость, вести дело самому.

228

Немилость двора и дирекции отражалась, конечно, на моих делах, пока судьбе было угодно, чтобы я оставался дрезденским капельмейстером. Управление организованными мной в прошедшую зиму оркестровыми концертами было передано Райсигеру, и они немедленно приняли шаблонный характер обычных музыкальных вечеров. Интерес публики заметно упал, и лишь с трудом удалось обеспечить их дальнейшее существование. Принятия вновь на сцену «Летучего Голландца» я так и не добился, несмотря на то что созревший талант Миттервурцера представлял для этой оперы превосходную силу. Племянница моя Иоганна, которой я предназначал роль Сенты, находила эту партию для себя неподходящей: она не требовала блестящих нарядов. Иоганна предпочитала «Цампу» и «Фаворитку», которые теперь, благодаря ее новому покровителю, бывшему энтузиасту «Риенци» Тихачеку, ставились очень часто. Для участия в них дирекция доставляла ей каждый раз по три блестящих костюма.

Вообще эти два «матадора» дрезденской оперы заключили оборонительный союз против моего ригоризма⁸⁵ в составлении репертуара, что и выразилось, к полному моему посрамлению – постановкой доницеттиевской «Фаворитки», которую я некогда аранжировал в Париже для Шлезингера. Моя племянница находила, что главная партия подходит к ее голосовым средствам, и опиралась при этом на мнение своего отца. Я всеми силами противился этой постановке. Но когда выяснились мои нелады с дирекцией, мое желание оказывать влияние на ход театрального дела, наконец, немилость ко мне двора, решено было использовать момент и заставить меня же дирижировать этой отвратительной оперой, так как наступила как раз моя очередь.

Моим главным занятием в королевском театре сделалось теперь дирижирование «Мартой» Флотова. Публику эта опера привлекала мало, но она была удобна для постановки и потому крепко держалась в репертуаре. И вот, оглянувшись на результаты протекших шести лет деятельности в Дрездене, я не мог не прийти к унижительной мысли, что, несмотря на все мои усилия, я не достиг ничего. Я отчетливо сознавал, что если я сейчас покину Дрез-

⁸⁴ В оригинале «Hopfen und Malz verloren»; дословный перевод «потерянный солод и хмель» (нем.). Устойчивое идиоматическое выражение.

⁸⁵ Ригоризм (от лат. *rigor* – «твёрдость, строгость»), неукоснительное проведение какого-либо принципа в поведении или мировоззрении, исключаящее любые компромиссы.

ден, здесь не останется от всей моей работы ни следа. По многим признакам не трудно было понять, что если бы дело дошло до короля, если бы мы оба, я и генерал-интендант, предстали перед ним с нашими жалобами и объяснениями, то предпочтение все же было бы оказано придворному человеку, хотя бы во имя последовательности официозного духа.

Еще раз, в Вербное воскресенье нового 1849 года очередной концерт доставил мне глубокое удовлетворение. Чтобы обеспечить себе хороший сбор, капелла прибегла к Девятой симфонии Бетховена. Были приложены все усилия сделать концерт возможно более удачным. Публика отнеслась к нему с большой живостью. На генеральной репетиции тайно от полиции присутствовал Михаил Бакунин⁸⁶. По окончании концерта он безбоязненно прошел ко мне в оркестр и громко заявил, что если бы при ожидаемом великом мировом пожаре предстояло погибнуть всей музыке, мы должны были бы с опасностью для жизни соединиться, чтобы отстоять эту симфонию. Через несколько недель после концерта на улицах Дрездена в самом деле появились признаки надвигающегося «мирового пожара», и Бакунин, с которым я еще до того странным и необыкновенным образом завязал близкие сношения, должен был сыграть тут роль оберфейерверкера.

229

Заинтересовался я этим необыкновенным человеком уже давно. Много лет назад имя его всплыло предо мной с газетных страниц в сочетании с какими-то необыкновенными обстоятельствами. Он выступил в Париже на одном из польских собраний с заявлением, что не придает никакого значения различию между поляком и русским, что важно лишь одно: хочет ли человек быть свободным или нет. Впоследствии я узнал от Георга Гервега⁸⁷, что,

⁸⁶ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876), русский революционер, идеолог анархизма, панславизма и народничества. Приветствовал Польское восстание 1830–1831 гг. В 1840 г. покинул Россию, где был близок с В. Г. Белинским, А. И. Герценом и Н. П. Огаревым; жил в Германии, Швейцарии и Франции и примкнул к левым гегельянцам. 17 ноября 1847 г. в Париже на собрании в память Польского восстания произнес пламенную речь, в которой предсказывал неизбежность революции и от имени передовой России призывал поляков к союзу с целью свергнуть русского царя и освободить всех славян. В 1848 и 1849 гг. вышло два воззвания Бакунина к славянам, в которых он настаивал на сближении с немецким и венгерским народами и создании славянской федерации. После поражения Дрезденского восстания был арестован, обвинен в государственной измене и приговорен к смертной казни. Впоследствии смертная казнь была заменена пожизненным заключением. Вскоре саксонское правительство выдало его Австрии, где он был в 1851 г. вторично осужден на смертную казнь за участие в Пражском восстании, но приговор и на этот раз заменили на пожизненное заключение. В этом же году австрийское правительство выдало Бакунина России, где он отбывал заключение в Алексеевском равелине Петропавловской крепости (1851–1854 гг.) и в Шлиссельбургской крепости (1854–1857 гг.). В заключении написал одно из своих самых известных произведений – «Исповедь». В 1857 г. после прошения Александру II, отправлен на поселение в Сибирь, откуда бежал в 1861 г. в Лондон. В 1862–1863 гг. принимал участие в втором польском восстании. В 1864–1868 гг. жил в Италии, где организовал целый ряд социалистических организаций. В 1865–1866 годах написал свой программный документ – «Революционный катехизис». В 1868 г. вступил в основанный К. Марксом I Интернационал. Однако, находясь на позициях анархизма, выступал против основных положений государственности марксистской теории. В 1872 г. Бакунин был исключен из состава Интернационала. В 1872–1876 гг. жил в Лугано и Локарно. Самое значительное из сочинений Бакунина, «Государственность и анархия. Борьба двух партий в интернациональном обществе рабочих», было издано в 1874 г. Очень часто влияние Бакунина на Вагнера излишне преувеличивают. Сам Бакунин отзывался о Вагнере довольно характерно: «Что касается Вагнера, я сразу признал в нем фантазера, и хотя с ним беседовал много о политике, но никогда с ним не связывался для совместных действий» (Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 1–3. Ред. и примеч. Вяч. Полонского. М.—П.(Л.), 1923–1933. Т. 2. С. 50).

⁸⁷ Гервег (Хервег) Георг Фридрих Рудольф Теодор (Herwegh; 1817–1875), немецкий поэт и публицист. Посещал латинскую школу в Балингене. В 1831–1835 гг. учился в протестантской семинарии (Evangelische Seminar). В 1835 г. изучал право в Тюбингенском университете, откуда был исключен в 1836 г. В 1839 г. был вынужден бежать в Швейцарию, т. к. ему угрожала принудительная вербовка в армию. Здесь начал серьезную литературную карьеру. В 1841 г. вышел в свет первый том знаменитых «Стихов живого человека» (Gedichte eines Lebendigen). Стихи Гервега очень высоко были оценены, в частности Г. Гейне. Осенью 1842 г. совершил поездку по Германии и познакомился с К. Марксом. Вскоре близился с М. А. Бакуниным и А. И. Герценом. В это время Гервег сотрудничал с самым радикальным печатным органом Германии – «Рейнской газетой» (Rheinische Zeitung; также Neue Rheinische Zeitung). Вскоре он заслужил в Германии славу национального героя. В 1843 г. переехал с К. Марксом, и А. Руге в Париж, где сотрудничал с издаваемом ими Deutch-Französische

происходя из родовитой семьи, он отказался от всяких личных средств и, оставшись на бульваре с двумя франками в кармане, тут же отдал их нищему: ему казалось мучительным чувствовать себя связанным с прежней жизнью и сознавать себя сколько-нибудь обеспеченным.

О пребывании его в Дрездене сообщил мне однажды Рёкель, в то время совершенно «одичавший». Он приглашал меня отправиться на квартиру, где укрывался Бакунин, и познакомиться с ним лично. После пражских летних событий 1848 года, после заседаний славянского конгресса Бакунина преследовало австрийское правительство. Он бежал в Дрезден, не желая чересчур удалиться от Богемии. Особенное подозрение вызвал он в Праге тем, что чехов, искавших в России опору против ненавистной им германизации, призывал защищаться огнем и мечом против тех же русских, против всякого народа, выступающего под знаменем деспотизма, под жезлом неограниченной державности. Одних этих поверхностных сведений было достаточно, чтобы во всяком немце рассеять по отношению к нему национальное предубеждение и даже привлечь к нему общие симпатии.

Когда я впервые увидел Бакунина у Рёкеля, в ненадежной для него обстановке, меня поразила необыкновенная импозантная внешность этого человека, находившегося тогда в расцвете тридцатилетнего возраста. Все в нем было колоссально, все веяло первобытной свежестью. Он ничем не показывал, что ценит знакомство со мной, так как, по-видимому, людей, живущих интересами духа, он ставил невысоко, ища натур, способных отдаться делу с безоглядной активностью. Как я впоследствии убедился, это было скорее теоретическое построение его ума, чем живое личное чувство: чересчур много он говорил об этом. В спорах Бакунин любил держаться метода Сократа. Видимо, он чувствовал себя прекрасно, когда, растянувшись на жестком диване у гостеприимного хозяина, мог дискутировать с людьми самых разных убеждений о задачах революции. В этих спорах он всегда оставался победителем. С радикализмом его аргументов, не останавливавшихся ни перед какими затруднениями, выражаемых притом с необычайной уверенностью, справиться было невозможно.

Он отличался необыкновенной общительностью. Уже в первый вечер нашего знакомства рассказал он мне всю историю своей жизни. Будучи русским офицером знатного происхождения, он страдал от бессмысленного гнета военной службы. Сочинения Руссо произвели на него глубокое впечатление, и он под предлогом отпуска бежал в Германию. В Берлине, как дикарь, возжаждавший культуры, он набросился на изучение философии. Здесь в то время главенствовала система Гегеля. Он так быстро освоился с нею, что, ни на шаг не отступая от гегелевской диалектики, приводил в замешательство самых выдающихся ее последователей. Справившись, по его выражению, с «философией в себе», он отправился в Швейцарию, где занялся пропагандой коммунизма. Затем через Францию и Германию он опять вернулся к границам славянского мира. Считая этот мир наименее испорченным цивилизацией, он отсюда ждал возрождения человечества. Свои надежды он основывал на русском национальном характере, в котором ярче всего сказался славянский тип. Основной чертой его он считал свойственное русскому народу наивное чувство братства. Рассчитывал он и на инстинкт животного, преследуемого человеком, – на ненависть русского мужика к его мучителям, к дворянам. В русском народе, по его словам, живет не то детская, не то демонская любовь к огню, и уже Ростопчин⁸⁸ построил на этом свой план защиты Москвы

Jahrbücher («Немецко-французском ежегоднике»). Тогда же вышел в свет второй том «Стихов живого человека». После Февральской революции в Париже в 1848 г. Гервег был избран президентом Республиканского комитета и председателем Германского демократического легиона (Deutschen Demokratischen Legion). Вопреки всем возражениям К. Маркса в марте 1848 г. Гервег во главе вооруженного отряда радикально настроенных повстанцев поспешил на помощь революционерам в Бадене. 27 апреля Германский Демократический Легион потерпел поражение, а Гервегу пришлось вновь бежать в Швейцарию. В 1850-х гг. дом Гервега в Цюрихе был местом встречи для таких людей, как Р. Вагнер, Г. Земпер и Ф. Лист. В 1863 г. поэт написал гимн (Das Bundeslied) для Всеобщего германского рабочего союза (Allgemeinen Deutschen Arbeitervereins), ставший одним из лучших образцов политической поэзии.

⁸⁸ Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826), граф (с 1799 г.), русский государственный деятель. 29 мая 1812 г. был

при нашествии Наполеона. В мужике цельнее всего сохранилась незлобивость натуры, удрученной обстоятельствами. Его легко убедить, что предать огню замки господ со всеми их богатствами – дело справедливое и богоугодное. Охватив Россию, пожар перекинется на весь мир. Тут подлежит уничтожению все то, что, освещенное в глубину, с высоты философской мысли, с высоты современной европейской цивилизации, является источником одних лишь несчастий человечества. Привести в движение разрушительную силу – вот цель, единственно достойная разумного человека.

Развивая свои ужасные идеи и заметив, что мои глаза страдают от резкого света, Бакунин целый час держал, несмотря на мое сопротивление, свою широкую ладонь, закрывая меня от лампы. Разрушение современной цивилизации – идеал, который наполнял его энтузиазмом. Он говорил лишь об одном: как для этой цели использовать все рычаги политического движения, и его планы нередко вызывали у окружающих веселые иронические замечания. К нему приходили революционеры всевозможных оттенков. Ближе всего ему, конечно, были славяне, так как их он считал наиболее пригодными для борьбы с русским деспотизмом. Французов, несмотря на их республику и прудоновский социализм, он не ставил ни во что. О немцах он со мной никогда не разговаривал. К демократии, к республике, ко всему подобному он относился безразлично, как к вещам несерьезным.

Когда говорили о перестройке существующих социальных основ, он обрушивался на возражающих с уничтожающей критикой. Помню, как один поляк, испуганный его теорией, сказал, что должна же быть хоть какая-нибудь государственная организация, которая могла бы обеспечить человеку возможность пользоваться плодами трудов своих. Бакунин ответил: «Тебе придется, стало быть, огородить свое поле и создать полицию для его охраны». Поляк сконфуженно замолчал. Устроители нового мирового порядка найдутся сами собой, говорил он нам в утешение. Теперь необходимо думать только о том, как отыскать силу, готовую все разрушить. Неужели, спрашивал он, кто-нибудь из нас безумен настолько, что надеется уцелеть в пожаре всеобщего развала. Представим себе, что весь европейский мир, с Петербургом, Парижем и Лондоном, сложен в один костер. Можно ли думать, что люди, которые зажгут его, начнут потом строить на его обломках? Тем, кто заявлял о своей готовности пожертвовать собой, он отвечал возражением, производившим сенсацию, что не в тиранах дело, что все зло – в благодушных филистерах. Типом такого филистера он представлял себе протестантского пастора. Он не мог допустить, чтобы немецкий пастор был в состоянии стать истинным человеком. Он поверил бы этому только в том случае, если бы тот самолично предал огню все свое поповское достояние, свою жену и детей.

230

Все эти ужасные речи смущали особенно потому, что с другой стороны Бакунин представлялся человеком, относившемся ко всему с тонкой и нежной чуткостью. Мои отчаянные беспокойства об искусстве, мои идеальные стремления в этой области были ему понятны. Но он отклонял всякую попытку с моей стороны ближе познакомиться с моими задачами. О работе над «Нибелунгами» он не хотел слышать ничего. Под влиянием Евангелия я набросал для идеальной сцены будущего трагедию под названием «Иисус из Назарета» [Jesus von Nazareth]. Бакунин просил меня пощадить его и не знакомить с этой вещью. Но так как мне все же удалось устно передать ему сущность моего замысла, он пожелал мне успеха, но усиленно просил, чтобы Иисуса я обрисовал человеком слабым. Что касается музыки, он сове-

назначен военным губернатором Москвы с управлением по гражданской части Московской губернии, 17 июля назначен главнокомандующим в Москве. Предполагаемый виновник московского пожара 1812 г.; якобы принял решение об уничтожении города, чтобы тот не достался Наполеону. Однако в собственном сочинении «Правда о Московском пожаре» (1823 г.) Ростопчин категорически отрицает свою причастность к пожарам.

товал при композиции варьировать лишь один текст: пусть тенор поет – «Обезглавьте его!», сопрано – «Повесьте его!», а неумолкаемо гудящий бас – «Сожгите, сожгите его!» Однажды мне удалось уговорить его прослушать первые сцены «Летучего Голландца». Я играл и пел, и этот страшный человек обнаружил себя тут с совершенно неожиданной стороны. Он слушал музыку внимательнее всех других. А когда я сделал перерыв, он воскликнул: «Как прекрасно!» И просил играть еще и еще.

Так как ему приходилось вести печальную жизнь скрывающегося от преследований беглеца, я иногда зазывал его вечером к себе. Жена подавала к ужину нарезанную мелкими кусками колбасу и мясо, и вместо того чтобы, по саксонскому обычаю, экономно накладывать их на хлеб, он сразу поглощал все. Заметив ужас Минны, я осторожно стал поучать его, как у нас едят это блюдо. На это он ответил с улыбкой, что поданного на стол достаточно, что, хотя он чувствует свою вину, ему надо позволить справиться с блюдом по-своему. Не нравилось мне также, как он пил вино из небольшого стакана. Вообще он не одобрял этого напитка. Ему была противна та филистерская медленность, с какой благодушный обыватель напивается допьяна, поглощая вино маленькими дозами. Хороший стакан водки приводит к той же цели быстро и решительно. Ненавистнее всего были для него рассчитанная умеренность, умышленно медленный темп наслаждения. Истинный человек стремится только к самому необходимому удовлетворению своих потребностей. Существует только одно наслаждение, достойное человека: любовь.

231

Эти и другие экстравагантные черты показывают, что в Бакунине антикультурная дикость сочеталась с чистейшим идеализмом человечности. Мои впечатления от него постоянно колебались между невольным ужасом и непреодолимой симпатией. Я часто брал его с собой на свои одинокие прогулки, и так как здесь он мог не бояться своих преследователей, он охотно принимал такие приглашения, нуждаясь в каком-нибудь моционе. Все попытки ближе обрисовать перед ним цель моих эстетических стремлений оставались бесплодными, так как мы не могли выйти за пределы чисто словесных дискуссий. Мои идеи казались ему чересчур запутанными. Он утверждал, что исходя из потребностей гнусной действительности нельзя творить законов для будущего: будущее должно вырасти из совершенно других условий общественности.

Так как каждый разговор он неуклонно сводил к разрушению, то я обратился к этому удивительному человеку с вопросом, как он думает приступить к делу. Тут обнаружилось, как я уже догадывался раньше и как это выяснилось теперь с полной отчетливостью, что все у него построено на произвольных предположениях. С моими планами организации искусства будущего я рисовался ему человеком непрактичным, витающим в облаках. Но оказалось, что и его проекты относительно неизбежного разрушения существующих культурных учреждений по меньшей мере так же мало основательны, как мои. Можно было подумать, что Бакунин является центром универсальной конспирации.

Но вот выяснилось, что его практическая задача сводится лишь к замыслу вызвать новое революционное брожение в Праге, причем вся надежда в этом отношении возлагалась на организацию нескольких студентов. Когда ему показалось, что час восстания настал, он однажды вечером начал готовиться к небезопасному для него переезду в Прагу, раздобыв паспорт английского купца. Ему пришлось остричь и обрить свои великолепные кудри и бороду и придать себе филистерски культурный вид. Так как пригласить парикмахера нельзя было, Рёкель принял дело на себя. Операция эта была произведена в присутствии небольшого кружка знакомых, тупой бритвой, причинявшей величайшие муки. Пациент сохранял невозмутимое спокойствие. Отпустили мы Бакунина в полной уверенности, что живым

больше его не увидим. Но через неделю он вернулся обратно, убедившись на месте, как легкомысленны были доставленные ему сведения о положении дел в Праге: там к его услугам оказалась кучка полувзрослых студентов. Рёкель добродушно посмеивался над ним, и отныне он стяжал у нас славу революционера, погруженного в конспирацию только с теоретической стороны.

Приблизительно то же, что с пражскими студентами, вышло у него впоследствии и с русским народом. Все его предположения оказались ни на чем не основанными, произвольными, идущими из теоретических обобщений относительно существа предмета. Я пришел к убеждению, что слава чрезвычайно опасного человека, которой он был окружен в широких европейских кругах, вытекала из теоретической пропаганды его воззрений, а не из его практической работы на почве действительной жизни. Но я имел возможность убедиться, что в его личном поведении не было никаких эгоистических расчетов, как это часто бывает среди людей, которые несерьезно относятся к своим собственным теориям. Это скоро обнаружилось в дни рокового восстания в мае 1849 года.

232

Всю зиму, до самой весны 1849 года, я провел благодаря описанным выше обстоятельствам и настроениям в состоянии смутного брожения. Эскиз пятиактной драмы «Иисус из Назарета», набросанный приблизительно к Новому году, был последней моей работой в области искусства. С тех пор я жил среди неясных мыслей, желаний и надежд. Я сознавал, что моей дрезденской художественно-артистической деятельности пришел конец. Положение мое было настолько тягостно, что я ждал случая, чтобы обстоятельства заставили меня окончательно развязаться с ним. С другой стороны, политическая ситуация в Германии и Саксонии предвещала неизбежную катастрофу. Она приближалась с каждым днем, и мне нравилось связывать свою личную судьбу с общим положением вещей. Реакция сознательно и открыто провоцировала общество, так что в ближайшем будущем можно было ждать решительных схваток. Я не испытывал страстного желания принять в них деятельное участие, но без оглядки готов был броситься в поток движения, куда бы он ни привел меня.

Как раз в это время в судьбу мою вплелось событие, к которому я отнесся сначала скептически: в марте Лист известил меня о предстоящей под его управлением постановке в Веймаре «Тангейзера» – первой постановке после Дрездена. С большой скромностью он сообщал, что все это предприятие является результатом его личного желания. Чтобы обеспечить себе успех, он пригласил в Веймар на оба первых представления Тихачека. Вернувшись оттуда, Тихачек рассказал о хорошем приеме, оказанном моей опере, чем положительно поразил меня. Кроме гонорара, я получил от Великого герцога золотую табакерку, которая служила мне до 1864 года. Все это было ново и казалось настолько странным, что я был склонен отнести к радостному событию как к случайному эпизоду, как к дружескому капризу крупного художника. К чему мне все это теперь, спрашивал я сам себя? Не слишком ли поздно, не слишком ли рано? Вскоре я получил любезное письмо от Листа. Он сообщал, что в мае предстоит третья постановка «Тангейзера» и что, желая сохранить оперу в репертуаре, он намерен поставить ее исключительно при содействии местных сил. Это побудило меня поехать ненадолго в Веймар, для чего я испросил отпуск на вторую неделю мая. До представления оставалось несколько дней, но дни эти были роковые.

Первого мая новое министерство Бейста⁸⁹, созванное королем под давлением реакции, распустило палаты. Пришлось подумать о Рёкеле и его семье. В качестве депутата он был

⁸⁹ Граф фон Бейст (Бойст) Фридрих Фердинанд (Graf von Veust; 1809–1886), немецкий и австрийский государственный деятель. Получил образование в Гёттингенском и Берлинском университетах. В 1836 г. вступил в должность секретаря

в безопасности от уголовных преследований, с момента же роспуска палат он был беззащитен. Необходимо было бегством спастись от нового тюремного заключения. Так как лично помочь ему я не имел возможности, то я обещал позаботиться в его отсутствие о выходе издаваемой им газеты. Это был единственный источник поддержки для его семьи. Едва только Рёкель успел бежать через богемскую границу, в то самое время, когда я в величайшем замешательстве хлопотал над очередным номером «Народных листков», в Дрездене разразились давно ожидаемые события. Начался настоящий вихрь депутатий, демонстрации толпы, яростные вечерние заседания всевозможных обществ. Появились все признаки, предшествующие восстанию. Третьего мая внешний вид улиц со снующими по ним толпами взволнованного народа свидетельствовал о том, что дело близится к тому концу, которого, несомненно, добивались власти. Правительство с неожиданной твердостью отклоняло всякие депутатии, требовавшие признания немецкой союзной конституции.

После обеда я присутствовал на заседании президиума «Отечественного союза», но лишь в качестве гостя, в интересах «Народных листков», заботиться о которых я считал своей обязанностью по соображениям экономическо-гуманного характера. Здесь меня неожиданно поразило поведение тех людей, которые, пользуясь расположением народа, стали во главе подобного рода обществ. Разыгрывавшиеся события были им неприятны, в особенности когда стало известно о случаях террора со стороны низших активных слоев населения по отношению к представителям демократических теорий.

Я слушал всевозможные дикие предложения и нерешительные возражения на них. Основной темой была необходимость подумать о защите. Говорили о милиции и доставке оружия. Во всем чувствовалась крайняя неуверенность. Когда внезапно решено было разойтись по домам, у меня осталось впечатление полного замешательства. Ушел я вместе с молодым художником Кауфманом⁹⁰, ряд картонов которого, озаглавленных «История Духа», я недавно видел на Дрезденской художественной выставке. От одного из них, изображающего пытки еретика в испанском инквизиционном суде, король Саксонский отвернулся, неодобрительно качая головой, как от рисунка с несвойственным искусству сюжетом. Кауфман был бледен и расстроен. С большой тревогой смотрел он на приближающиеся события. Когда, разговаривая, мы очутились на почтовой площади, недалеко от фонтана, устроенного по указанию Земпера, с ближайшей колокольни церкви Святой Анны внезапно раздался набат. То был призыв к восстанию. «Господи, начинается!» – в ужасе воскликнул мой спутник и куда-то скрылся. Впоследствии я узнал, что он живет в Берне как политический эмигрант. Но более я его не видел.

посольства в Берлине; в 1838 г. – в Париже. В 1841 г. назначен поверенным в делах Саксонии в Баварии. С 1848 г. был посланником в Берлине. В 1849–1853 гг. являлся министром иностранных дел; одновременно с 1849 г. – министром исповеданий и народного просвещения. В 1853–1856 гг. занимал должность министра внутренних дел. В 1858–1866 гг. был председателем Совета министров Саксонии. После поражения Австрии в австро-прусской войне в 1866 г., во время которой Саксония выступала в качестве союзницы Австрии, Бейст переехал в Вену. 30 октября 1866 г. занял должность министра иностранных дел Австрии. 23 июня 1867 г. стал рейхсканцлером Австрии. В 1868 г. возведен в графское достоинство. 7 февраля 1867 г. получил пост министра-президента Австрии. 8 ноября 1871 г. уволен, а затем назначен посланником в Лондоне. В 1878 г. стал австро-венгерским посланником в Париже. Вышел в отставку 19 мая 1882 г., является автором следующих трудов: *Erinnerungen zu Erinnerungen* (1881) и *Aus drei Viertel-Jahrhunderten* (1887).

⁹⁰ Кауфман Теодор (Kaufmann; 1814–1896), немецкий художник; работал в основном в Соединенных Штатах. Учился живописи в Дюссельдорфской академии художеств у П. фон Корнелиуса. Затем совершенствовался в Мюнхене, Гамбурге и Дрездене. Принял участие в Дрезденском восстании 1849 г. Был вынужден эмигрировать из Германии. В 1850 г. поселился в Нью-Йорке, где стал преподавать и писать портреты. Во время Гражданской войны в США воевал в армии Союза и был военным художником-корреспондентом. После войны проживал в Бостоне и Вашингтоне. Тогда завоевали популярность цветные литографии Кауфмана. Но в целом основу его творчества составляют портреты и военно-исторические картины.

233

Звон набатного колокола произвел и на меня глубокое впечатление. Была ясная, солнечная погода, и со мной повторилось то же самое, что случилось с Гёте, когда он услышал канонаду при Вальми⁹¹. Вся площадь показалась мне озаренной темно-желтым, коричневым светом, как в то солнечное затмение, которое я наблюдал когда-то в Магдебурге. Я почувствовал особенное оживление. Хотелось вдруг поиграть чем-нибудь таким, чему обыкновенно придаешь серьезное значение. Внезапно пришло мне в голову, вероятно по близости расстояния, пойти к Тихачеку и попросить у этого страстного охотника его огнестрельное оружие. Я нашел его жену, сам он был в отпуске. Ее страх перед надвигающимися событиями вызвал во мне прилив бурного веселья. Я посоветовал ей весь охотничий арсенал ее мужа передать в комитет «Отечественного союза» под расписку, иначе им непременно овладеет восставшая толпа. Впоследствии я узнал, что моя эксцентричная веселость была зачтена мне самым серьезным образом в преступление.

Отсюда я пошел на улицу, чтобы убедиться, происходит ли там, кроме набата и желтоватого солнечного затмения, еще что-нибудь. Я попал на старый рынок, где увидел группу людей, оживленно о чем-то беседовавших. К величайшему изумлению, я нашел здесь Шрёдер-Девриент, только что приехавшую из Берлина. Она была потрясена известием, что в народ стреляли. Недавно только ей пришлось быть свидетельницей того, как силой оружия была подавлена попытка к восстанию. Теперь она была возмущена, что в ее мирном Дрездене происходит то же самое. Обступившая ее грубая толпа относилась к ее возмущению с бессмысленным юмором. Отвернувшись, она заметила меня и, по-видимому, обрадовалась, найдя человека, к которому можно обратиться с просьбой употребить все усилия и не дать разразиться надвигающемуся кровопролитию.

На другой день я встретился с ней в доме моего старого друга Гейне, где она нашла пристанище. Здесь, видя мое хладнокровие, она снова стала заклинять меня пустить в ход все средства, какие только могли находиться в моем распоряжении, чтобы не позволить разыгаться бессмысленной, братоубийственной борьбе. Как я узнал впоследствии, ее поведение подало повод властям возбудить против нее обвинение в государственной измене и в возбуждении народа к восстанию. В течение процесса ей пришлось употребить много усилий, чтобы доказать свою непричастность к делу и спасти пенсию, оговоренную в контракте и выслуженную ею за долголетнюю работу в Дрезденской опере.

234

В тот же день, 3 мая, я отправился в ту часть города, откуда доходили слухи о кровопролитном столкновении. Как я узнал, схватка вышла у цейхгауза. Возбужденная толпа хотела силой взять этот стратегический пункт, но солдаты разогнали ее картечью. Когда я подходил по Рамише-гассе [Ramische Gasse] к этому месту, я наткнулся на несколько человек из дрезденской муниципальной гвардии, совершенно безвинно попавших под огонь. Одного

⁹¹ Сражение при Вальми, известное как «Канонада при Вальми» (*нем.* Kanonade von Valmy), артиллерийское сражение у деревни Вальми в Северной Франции между войсками прусской армии под командованием герцога Брауншвейгского Карла Вильгельма Фердинанда и силами французской Северной Армии (командующий Франсуа Дюмурье) и французской Центральной Армии (командующий Франсуа Кристоф Келлерман). Произошло 20 сентября 1792 г. в ходе Войны первой коалиции. В ходе сражения французы остановили продвижение пруссаков к Парижу. «Канонада при Вальми» считается одним из наиболее значимых сражений французских революционных войн и поворотным моментом кампании. По словам И. В. Гёте, бывшего очевидцем сражения, оно «положило начало новой эпохе в мировой истории, став первой победой революционного режима над монархическими государствами Европы».

из них, раненного в ногу, вел товарищ, заботливо поддерживая его под руку. Он старался бодро двигаться вперед, но правая нога не подчинялась его воле. За ним на мостовой оставался кровавый след, и из толпы раздавались крики: «Он истекает кровью!» Зрелище это сильно потрясло меня, и я как-то сразу понял смысл со всех сторон раздававшегося крика: «На баррикады! На баррикады!»

Увлекаемый толпой, я вместе с ней двинулся к ратуше на Старом рынке. Улицы были полны возбужденного народа, но особенно бросилась мне в глаза весьма внушительная колонна, двигавшаяся во всю ширину Розмарингассе [Rosmaringasse]. То были люди, своим внешним обликом, несколько утрированным, напомиравшие мне тех беглецов из Вены, которые явились когда-то в театр и просили свободного входа на «Риенци». Был здесь и горбун, напомиравший гётевского Фанзена в «Эгмонте». Я видел, как при раздававшихся вокруг яростных восклицаниях он потирал от удовольствия свои длинные руки: наставшее после долгого ожидания революционное возбуждение, видимо, радовало его. С этого момента, помню совершенно ясно, ход необыкновенных событий глубоко заинтересовал меня. Я не испытывал прямого желания вмешаться в ряды борцов, но возбуждение и участие к происходящему росло во мне с каждым шагом. Не сливаясь с бушующей толпой, я проник в здание ратуши. Сначала мне показалось, что городские власти действуют с народом заодно. Но, попав незамеченный в самый зал заседания, я убедился, что здесь царят полнейшие замешательство и растерянность. С наступлением ночи я медленно направился домой, в отдаленный Фридрихштадт, пробираясь через сооружаемые везде баррикады.

На следующий день я решил рано утром опять отправиться в центр города для наблюдения за ходом неслыханных событий. В четверг 4 мая стало выясняться, что ратуша становится главным центром революционного движения. Скоро распространился слух, что король со всей свитой по совету министра Бейста покинул дворец и по Эльбе отправился в крепость Кёнигштайн [Königstein]. Тех, кто еще надеялся на мирное соглашение с монархом, известие это страшно встревожило. При таких обстоятельствах городское управление, не решаясь брать на себя ответственность за происходящее, обратилось с воззванием к находящимся в Дрездене депутатам, членам саксонского парламента. Эти последние собрались в ратуше, чтобы обсудить создавшееся положение и принять необходимые меры для восстановления нарушенного порядка. Отправлена была депутация в Совет министров, но она вернулась с известием, что нигде нельзя найти министров. Затем стали подтверждаться доносившиеся со всех сторон слухи, что по состоявшемуся соглашению войска прусского короля двинулись на оккупацию Дрездена. Одна мысль овладела всеми: помешать вторжению чужих войск. В это время было получено известие об успехах народного движения в Вюртемберге, где войска остались верны парламенту и тем расстроили планы реакционеров. Они заставили правительство признать незыблемость немецкой союзной конституции.

Эти слухи ободрили собравшихся в ратуше. Появилась надежда, что дело будет мирно улажено, если удастся побудить саксонские войска вести себя так же, как вели себя вюртембергские. Это должно было внушить королю спасительное решение: воспротивиться, по чувству патриотизма, оккупации страны пруссаками. Все как будто сводилось к одному: разъяснить находящимся в Дрездене саксонским войсковым частям решающую важность их поведения. Я лично видел в этом надежду добиться почетного мира, выход из бессмысленной хаотической путаницы. В этот единственный раз я увлекся до того, что сам задумал и выполнил демонстрацию, оставшуюся, впрочем, без всякого результата. Совершенно в духе «Народных листков» я заставил отпечатать крупными заглавными литерами, имевшимися в распоряжении типографии, в одну строку на длинных полосах бумаги следующий вопрос: «С нами ли вы против чужих войск?» Действительно, эти плакаты были укреплены на тех баррикадах, которым предстояло выдержать штурм саксонских солдат. Они должны были

войскам, выведенным в бой, предначертать их поведение. На деле никто не обратил на них никакого внимания, за исключением доносчиков.

День прошел в величайшем возбуждении, везде царил полнейшее замешательство. Никто не знал истинного положения вещей. Но для наблюдателя старый город, покрытый баррикадами, представлял большой интерес. В высшей степени любопытно было следить, как все готовились к серьезному сопротивлению. Неожиданно я встретил на улице Бакунина. В черном фраке, с неизбежной сигарой во рту, он бродил открыто по городу, среди запруженных улиц. Я был уверен, что дрезденские события должны его наполнять восторгом. Оказалось, что я ошибался. В принимаемых населением мерах защиты он видел только признаки детской беспомощности. При этом для себя лично он усматривал только одно удобство: возможность не прятаться от полиции и спокойно выбраться из Дрездена. Дело не казалось ему настолько серьезным, чтобы побудить его принять в нем личное участие.

Пока он с сигарой во рту весело обсуждал состояние дрезденской революции, взоры мои вдруг приковало новое зрелище: у ратуши в полном вооружении по призыву коменданта собралась муниципальная гвардия. Из рядов особенно почетной стрелковой части вышли ко мне Ритшель и Земпер. Ритшель был очень озабочен всем происходившим. А Земпер, полагая, что я стою близко к центру дела, стал мне жаловаться, что очутился в чрезвычайно трудном положении. Отборная часть гвардии, к которой он принадлежал, отличается крайне демократическим направлением, он же, профессор Академии художеств, не знает, как примирить это обстоятельство с обязанностями чиновника. Слово «чиновник» в его устах произвело на меня необыкновенно комическое впечатление. Я пристально посмотрел в глаза Земперу и повторил: «Чиновник!» Со странной улыбкой он молча отошел от меня без дальнейших объяснений.

235

На следующий день, в пятницу, 5 мая, гонимый страстным интересом наблюдателя, я опять пробрался в ратушу и убедился, что дела принимают решительный оборот. Собравшиеся депутаты саксонского парламента в главной своей массе пришли к заключению, что так как фактически саксонского правительства больше не существует, то необходимо приступить к организации временной власти. Профессору Кёхли, обладавшему прекрасным ораторским талантом, было поручено объявить об этом с балкона народу, что он торжественно и выполнил перед собравшимися на площади верными долгу частями муниципальной гвардии и не особенно многочисленными толпами граждан. Тут же было заявлено о сохранении в полной силе германской союзной конституции, и вооруженный народ был приведен к присяге. Припоминаю, что все это не вызвало во мне особенного подъема. Напротив, я начинал понимать истинный смысл замечаний Бакунина, все время мелькавшего перед глазами, его отношение к актам такого рода.

С технической стороны его пессимизм вполне подтвердился. Земпер в полной форме стрелка, в шляпе знаменосца вызвал меня из ратуши и, к моему величайшему удивлению и не меньшей забаве, стал указывать на то, как неумело строятся баррикады, особенно одна, на углу Вильсдруффер-гассе [Wilsdruffer Gasse] и Брюдергассе [Brüdergasse]. Чтобы успокоить его артистическое чувство инженера, я направил его в кабинет специально избранной военной комиссии обороны. Он последовал моим указаниям, как бы исполняя свой долг. По-видимому, там ему дали необходимые полномочия для ведения важных работ по перестройке плохо защищенного пункта. С тех пор я его в Дрездене больше не видел. Надо думать, что он исполнил возложенную на него стратегическую работу как истинный архитектор, с художественно-артистической добросовестностью какого-нибудь Микеланджело или Леонардо да Винчи.

Переговоры о перемирии тянулись до следующего дня. Энергией и ораторским даром выдвинулся при этом мой бывший университетский приятель, адвокат Маршалль фон Биберштайн⁹². В качестве одного из обер-офицеров дрезденской коммунальной гвардии он сделал больше, чем все остальные ораторы. В тот же день был избран комендант дрезденских народных боевых сил, бывший греческий полковник Хайнце⁹³. Бакунина, то и дело показывавшегося в разных пунктах города, все это не успокаивало. Временное правительство стремилось мирно разрешить вопрос при помощи морального воздействия. Он ясно видел, что пруссаки готовятся к хорошо обдуманному наступлению, и полагал, что необходимо выработать соответствующие стратегические меры, чтобы встретить их готовыми к бою. А так как восставшим саксонцам не доставало солидных воинских сведений, то он настойчиво предлагал призвать опытных польских офицеров, находившихся в Дрездене. Все с ужасом отшатнулись от этого плана. Чего-то ждали от находившегося при последнем издыхании союзного правительства во Франкфурте. Стремилась идти по строго легальному пути, держаться принципов парламентаризма.

Жизнь тем временем текла довольно приятно. В прекрасный весенний вечер знатные дамы разгуливали со своими кавалерами по забаррикадированным улицам. Похоже было на интересный спектакль. Меня охватило благодушное настроение, не лишенное юмора. Казалось, что все это несерьезно, что миролюбивая прокламация от лица правительства все приведет в порядок. С такими мыслями я поздно вечером медленно пробирался сквозь многочисленные преграды на свою отдаленную квартиру. Я размышлял о занимавшем меня с некоторого времени плане написать драму под заглавием «Ахиллес». Дома я застал моих двух племянниц, Клару и Оттилию Брокгауз, дочерей сестры моей Луизы, живших в последний год в Дрездене у одной воспитательницы. Они бывали у меня раз в неделю и вносили струю веселья в мою обстановку. Все оказались в благодушно-революционном настроении, все симпатизировали баррикадам и без стеснений желали их защитникам победы.

Так прошел весь день пятницы 5 мая, пока длилось перемирие. Отовсюду доходили известия, которые заставляли верить в возможность общего восстания по всей Германии. Баден, Пфальц поднялись на защиту союзной конституции, из отдельных городов, как из Бреслау, доносились слухи в таком же духе, в Лейпциге образовался корпус студентов, спешивших в Дрезден на помощь. Они прибыли сюда и были приняты населением с энтузиазмом. В ратуше организовался особый департамент защиты, в котором, между прочим, принимал участие молодой Гейне, так жестоко обманутый в своих надеждах на постановку «Лоэнгина». Из саксонских рудников доходили известия о живом сочувствии дрезденскому движению и о готовой вооруженной помощи. Казалось, что, если только Альштадт⁹⁴ будет покрыт хорошими баррикадами, непременно удастся отстоять Дрезден от оккупации.

В субботу 6 мая, рано утром, обнаружилось, что дело становится серьезнее: прусские войска вступили в Нойштадт. Прежде не решались пускать в атаку саксонских солдат, теперь они должны были исполнить свой солдатский долг. В полдень истек срок перемирия, и сейчас же войска, поддерживаемые артиллерией, начали наступление на одну из главных пози-

⁹² Маршалль фон Биберштайн Герман Фридрих (Marschall von Bieberstein; 1812–1886), немецкий либерал, адвокат. После 1850 г. профессор Цюрихского университета.

⁹³ Хайнце Александр Карус (Heinze; 1806–1856), немецкий писатель и политический деятель; участник Дрезденского восстания 1849 г.; член парламента.

⁹⁴ Два основных района Дрездена – это Альштадт (Altstadt; Старый город) с историческим центром, расположенный на левом берегу Эльбы, и Нойштадт (Neustadt; Новый город), находящийся на правом берегу. Таким образом, Альштадт и Нойштадт разделены рекой и соединены мостами.

ций восставших, расположенную на Ноймаркте [Neumarkt; Новом рынке]. Я все еще был уверен, что, как только начнется серьезная борьба, дело будет закончено в короткий срок, так как ни сам я, ни окружающие не проявляли серьезной решимости защищаться, а без страстного подъема такие дела не делаются. Было мучительно издала прислушиваться к стрельбе, хотелось самому наблюдать за ходом событий, и мне пришла в голову мысль взобраться на *Kreuzturm*⁹⁵. Оттуда было видно не все, но многое. Войска, поддерживавшие в течение часа сильный огонь, сначала медленно подвигались вперед, но потом отступили и, наконец, совершенно замолкли. Вдруг до меня донеслись ликующие крики восставших. Первый натиск был отбит. С этого мгновения мое участие в событиях стало принимать более страстную окраску.

Чтобы получить точные сведения, я поспешил к ратуше. Но там среди невероятного смятения я ничего не мог добиться, пока в одном из центральных пунктов не наткнулся на Бакунина, который дал мне следующие необыкновенно точные сведения: с осаждаемой баррикады на Ноймаркте в главную квартиру прибыло известие, что защитники ее совершенно разбиты и рассеялись под натиском войск. Тогда друг мой Маршалль фон Биберштайн вместе с Лео фон Цихлинским⁹⁶, членом комиссии обороны, вызвали добровольцев и с ними отправились к месту, находящемуся в опасности. Совершенно безоружный, с обнаженной головой, фрайбергский окружной начальник Хойбнер⁹⁷, член временного правительства, оставшийся на своем посту (двое других, Тодт⁹⁸ и Чирнер⁹⁹, скрылись при первой же тревоге), взошел на покинутую защитниками баррикаду и, обернувшись спиной к войскам, в горячих словах убеждал добровольцев последовать его примеру. Успех был полный. Бар-

⁹⁵ Башня церкви Святого Креста (Kreuzkirche), одной из самых больших церквей Саксонии и одного из старейших зданий Дрездена. Башня достигает в высоту 93 м и ныне является одной из основных смотровых площадок города. Расположена в юго-восточной части Альтмаркта (Altmarkt; Старый рынок).

⁹⁶ Фон Цихлинский Леопольд (von Zychlinski; 1822–1897), немецкий художник и юрист. Изучал право в Лейпцигском университете. Принимал активное участие в Дрезденском восстании 1849 г. в качестве адъютанта А. К. Хайнце; единомышленник М. А. Бакунина. Он и его брат, Рихард фон Цихлинский, являлись близкими друзьями Р. Вагнера. После подавления восстания бежал в Цюрих, где продолжал тесно общаться с Вагнером. Впоследствии вместе с братом переехал в Париж (Рихард фон Цихлинский был последним личным секретарем Г. Гейне с 1852 г.). В эмиграции зарабатывал на жизнь в качестве художника-портретиста. В 1870 г. переехал в Манчестер, где также занимался живописью и преподавал иностранные языки.

⁹⁷ Хойбнер (Гейбнер) Отто Леонард (Heubner; 1812–1893), немецкий юрист, политик и поэт. Изучал право в Лейпцигском университете. С 1834 г. открыл собственную адвокатскую практику в Плауэне. В 1843 г. был назначен членом окружного управления Фрайберга. В 1848–1849 гг. являлся членом Франкфуртского национального собрания, где примкнул к левой фракции Р. Блюма. С 4 по 9 мая принимал активное участие в революционных событиях в Дрездене; был одним из трех руководителей временного правительства наряду с К. Г. Тодтом и С. Э. Чирнером (см. ниже). 10 мая был арестован в Кемнице вместе с М. А. Бакуниным и заключен в крепость Кёнигштайн. 28 января 1850 г. приговорен к смертной казни, но 12 мая 1850 г. приговор заменен на пожизненное заключение в Вальдхаймерской тюрьме (Waldheimer Zuchthause), где, кстати, отбывал заключение и А. Рёкель. 28 мая 1859 г. в связи со свадьбой получил помилование. Осенью 1859 г. стал членом юридического консультативного совета Саксонской Ипотечной страховой компании в Дрездене. В 1862 г. стал директором и, наконец, в 1865 г. полностью принял руководство компанией на себя. С 1869 по 1871 г. являлся членом II саксонского парламента и членом Городского совета Дрездена. Позднее был начальником отдела муниципального образования. Отошел от политических дел в 1887 г.

⁹⁸ Тодт Карл Готтельф (Todt; 1803–1852), саксонский политический деятель. Изучал право в Лейпцигском университете, куда поступил в 1824 г. В 1831 г. был назначен городским судьей, а в 1832 г. избран мэром города Адорфа (Adorf). Здесь в 1833 г. он основал воскресную школу и в 1835 г. – либеральную газету *Adorfer Wochenblatt* («Адорфский еженедельник»). В 1836–1847 гг. являлся депутатом саксонского парламента; в марте 1848 г. был избран в Предпарламент (Vorparlament) Франкфурта. По своим политическим убеждениям являлся сторонником Р. Блюма. Во время Дрезденского восстания 1849 г. был одним из его вождей; вместе с С. Э. Чирнером (см. ниже) и О. Л. Хойбнером был избран руководителем временного правительства. После подавления восстания бежал в Цюрих.

⁹⁹ Чирнер (Тширнер) Самуэль Эрдман (Tzschirner; 1812–1870), немецкий юрист и политик. Изучал право в университете Бауцена (Bautzen). В 1840 г. основал адвокатскую практику в Дрездене. В 1848 г. был избран депутатом в саксонский парламента; примыкал к левой фракции оппозиции. В Дрезденском восстании принял самое активное участие; был одним из трех руководителей временного правительства наряду с К. Г. Тодтом и О. Л. Хойбнером. После подавления восстания бежал сначала в Карлсруэ, затем в Баден (принимал участие в т. н. Баденской революции), а оттуда в Цюрих. В 1854 г. эмигрировал в США. В 1861 г. стал сотрудником таможни в Нью-Йорке. В 1865 г. был амнистирован и вернулся в Германию.

рикада была отбита, и оттуда на войска был направлен такой неожиданно энергичный огонь, что они принуждены были отступить.

Этот эпизод, который я наблюдал с высоты, разыгрался на глазах у Бакунина, прикнувшего к добровольцам. Бакунин заявил мне, что, как бы ни были ограничены политические воззрения Хойбнера (он принадлежал к умеренно левым в саксонском парламенте), это благородный человек, которому он немедленно отдает себя в полное распоряжение. Он, Бакунин, пережил то, к чему стремился. Теперь он знает, что ему следует делать. Надо рискнуть головой и больше ни о чем не спрашивать. Хойбнер тоже, по-видимому, понял необходимость энергических мер, и предложения Бакунина несколько не пугали его. При коменданте, неспособность которого быстро выяснилась, был образован военный совет из опытных польских офицеров. Бакунин, сам ничего не понимавший в вопросах стратегии, не покидал ратуши и Хойбнера, помогая советами и проявляя удивительное хладнокровие.

Конец дня прошел в перестрелке на различных пунктах между восставшими и войсками. Мне снова захотелось взобраться на Kreuzturm и оттуда следить за всей картиной. Чтобы проникнуть туда, надо было пройти площадь, непрерывно обстреливаемую солдатами, которые расположились в королевском дворце. Площадь была совершенно пуста, но мне хотелось пройти ее медленными шагами, причем я тут же, кстати, вспомнил, что молодым солдатам советуют в таких случаях не слишком торопиться, чтобы не навлечь на себя выстрелов. Добравшись до башни, я нашел там много народу: одних привлекло то же, что и меня, другие были командированы для наблюдения за неприятелем. Здесь я познакомился с учителем Бертольдом [Berthold], спокойным, кротким, но убежденным и решительным человеком. У нас завязался серьезнейший философский спор, в котором оказались затронутыми отвлеченнейшие вопросы религии. У башенного сторожа он добыл соломенный тюфяк, чтобы защитить нас от солдатских пуль, то и дело долетавших сюда: прусским стрелкам, расположившимся на башне Фрауенкирхе¹⁰⁰, было приказано обстреливать занятую нами позицию.

Мне ни за что не хотелось покидать с наступлением ночи свой интересный наблюдательный пост и отправляться домой, поэтому я уговорил сторожа послать своего помощника к моей жене во Фридрихштадт и принести оттуда чего-нибудь поесть. Так провел я под жуткое гуденье колокола и под непрерывное щелканье прусских пуль о стены одну из самых удивительных ночей в моей жизни. Мы с Бертольдом поочередно спали и бодрствовали на страже. Воскресенье 7 мая было одним из прелестнейших дней в этом году. Меня разбудила песня соловья, долетавшая из расположенного невдалеке сада. Тишина и мир царили над городом, над широкими его окрестностями, видимыми с высоты. Только перед самым восходом солнца их окутал легкий туман, сквозь который я вдруг услышал ясно и отчетливо долетавшую ко мне со стороны Тарандтер-штрассе [Tharandter Straße] музыку Марсельезы.

По мере того как звуки приближались, туман рассеивался, и ярко-красное солнце сверкнуло на блестящем вооружении длинной колонны, приближавшейся к городу. Нельзя было не поддаться восторгу при виде этого чудесного зрелища. Та стихия, присутствие которой я так долго отрицал в немецком народе, отрицал безнадежно, немало содействуя этим росту собственного пессимистического настроения, вдруг восстала перед моими глазами с необыкновенной живостью. Колонна не менее чем в тысячу хорошо вооруженных и организованных рудокопов, большей частью из Рудных гор¹⁰¹, спешила на защиту Дрездена. Скоро увидели мы ее на Альтмаркте против ратуши, где, встреченная радостными криками народа,

¹⁰⁰ Фрауенкирхе (Frauenkirche), Церковь Богородицы; евангелическо-лютеранская церковь в Дрездене, один из главных соборов города. Сооружена в стиле барокко по указанию Августа Сильного в 1726–1743 гг. Была полностью разрушена в ходе бомбардировок Дрездена союзными войсками 13 февраля 1945 г. Заново открыта в своем первоначальном виде в 2005 г.

¹⁰¹ Рудные горы (Эрцгебирге; Erzgebirge), регион и горы, образующие границу между Саксонией и Богемией.

она расположилась лагерем на отдых. Подобные партии прибывали в течение всего дня. Это была награда за мужество вчерашнего дня, благотворно повлиявшая на дух народа. Солдаты, по-видимому, изменили тактику: они отказались от решительной атаки на определенный пункт и стали одновременно обстреливать разные места. Прибывшие к нам на помощь привезли четыре небольших пушки, принадлежавших господину Дате фон Бургку¹⁰², с которым я познакомился на торжестве открытия Дрезденского певческого общества. Он произнес тогда чрезвычайно благожелательную, но до смешного скучную речь. Когда палили с баррикад по солдатам, эта канонада – о, ирония, судьбы! – почему-то напомнила мне его речь.

Несравненно внушительней было мое впечатление, когда около одиннадцати часов я увидел старое оперное здание, то самое, в котором несколько недель тому назад я дирижировал Девятой симфонией, объятые пламенем пожара. Как я уже упоминал, это временно построенное здание, переполненное деревом и полотном, представляло опасность в пожарном отношении: обстоятельство, бывшее источником вечных опасений для посетителей. Мне объяснили, что его подожгли из стратегических соображений, чтобы иметь возможность отбить опасную атаку солдат и защитить знаменитую земперовскую баррикаду от неожиданного нападения. Отсюда можно было сделать нравоучительный вывод, что такие соображения играют в жизни гораздо большую роль, чем мотивы эстетического характера. Этим последним оказывалось всегда недостаточно, чтобы снести отвратительное здание, обезображивающее эlegantный Цвингер. Наполненный горючим материалом дом, импонирующий своими размерами, стал жертвой огня в несколько минут. Когда пламя достигло железных кровель близлежащих галерей Цвингера и они словно задвигались в его голубоватых волнах, зрители стали высказывать опасения, как бы не пострадали естественно-научные коллекции. Другие думали, что пламя угрожает оружейной палате с ее старинными рыцарскими доспехами, причем один из граждан нашел, что жалеть нечего: пусть сгорят эти дворянские чучела. Однако пожар локализовали, по-видимому, из уважения к искусству, так как на деле он особых убытков причинить не мог.

Наш сравнительно тихий смотровой пункт оказался вскоре переполненным вооруженными людьми, командированными сюда для охраны Альтмаркта. Опасались нападения со стороны плохо защищенного Кройц-гассе [Kreuzgasse]. Невооруженным здесь делать было нечего. Кроме того, ко мне явился посол от жены, смертельно встревоженной, с просьбой идти домой. Лишь с большим трудом и с большой потерей времени удалось мне пробраться обходными путями в мое отдаленное предместье. Борьба была в полном разгаре, а со стороны Цвингера гремела усиленная канонада. Дом мой оказался переполненным взволнованными женщинами, и между ними была до смерти встревоженная жена Рёкеля, совершенно уверенная в том, что ее муж, узнав о восстании в Дрездене, бросился сюда и, конечно, находится в самом центре битвы. Действительно, я слышал, что Рёкель вернулся, но лично его не видел. Чрезвычайно забавляли меня мои молодые племянницы: они были в восторге от непрестанной стрельбы и заразили своим настроением даже жену, после того как она успокоилась на мой счет. Все были возмущены поведением скульптора Хэнеля, державшего свой дом наглухо запертым, чтобы туда не проникли революционеры. Особенный ужас внушали ему люди, вооруженные косами, и все женщины без исключения потешались над ним за это. Так прошло при праздничном подъеме воскресенье.

¹⁰² Имеется в виду один из представителей династии саксонских предпринимателей-угледобытчиков баронов Дате фон Бургк (Freiherr Dathe von Burgk). Пушки, упоминаемые Вагнером, мог прислать либо Карл Фридрих Август Дате фон Бургк (титул барона Дате фон Бургка получил в 1829 г.; до этого времени носил фамилию Кребс [Krebs]; 1791–1872), либо его единственный сын Карл Кристиан Артур Дате фон Бургк (1823–1897), кроме угледобычи, активно занимающийся также и политикой.

На следующий день, в понедельник утром 8 мая, я из своей отрезанной от поля битвы квартиры опять попытался проникнуть к ратуше, чтобы справиться о положении дел. Когда возле церкви Святой Анны [Annenkirche] я перелезал через одну из баррикад, какой-то муниципальный гвардеец крикнул мне: «Господин капельмейстер, *Freude schöner Götterfunken*¹⁰³ – возгорело и сожгло гнилое здание!» Очевидно, это был один из восхищенных слушателей, присутствовавших на последнем концерте при исполнении Девятой симфонии. Его неожиданный пафос при таких обстоятельствах подействовал на меня освежающим образом. Он освободил во мне какие-то силы.

Несколько далее, на уединенных улицах предместья Плауен, я наткнулся на камерного музыканта Хибендаля [Hiebendahl], донныне очень уважаемого гобоиста Королевской капеллы. В форме муниципального гвардейца, без вооружения, он болтал с каким-то господином, облаченным так же, как он. Как только он меня увидел, он стал просить моего заступничества против Рёкеля, обыскивавшего в сопровождении отряда революционеров этот квартал с целью найти оружие. Но когда я стал с участием расспрашивать его о Рёкеле, он сначала испугался, а потом озабоченно спросил меня: «Однако, господин капельмейстер, разве вы не боитесь потерять свою должность, высказываясь с такою откровенностью?» Это напоминание раззадорило меня. Я громко расхохотался и объяснил, что невысоко ценю свое положение капельмейстера. Скрытое настроение радостно вырвалось наружу. В эту минуту я увидел Рёкеля в сопровождении двух милиционеров, которые несли оружие. Он дружески со мной поздоровался, но тут же обратился к Хибендалю и его товарищу с упреком: почему, будучи в мундире муниципальной гвардии, они не находятся на своем посту? Хибендаль оправдывался тем, что у него отняли оружие, на что Рёкель воскликнул: «Нечего сказать, славные ребята!» – и со смехом двинулся вперед.

Пока мы шли вместе, он рассказал мне коротко, что произошло с ним за время его отсутствия в Дрездене, и выслушал отчет о «Народных листках». В эту минуту нас разделил значительный отряд хорошо вооруженных молодых людей, членов гимнастических обществ¹⁰⁴, только что прибывших в Дрезден и просивших указать дорогу на предназначенный им сборный пункт. Зрелище многих сотен решительно настроенных юношей сильно повысило мое настроение. Рёкель взял на себя задачу провести их через лабиринт баррикад на площадь, прилегающую к ратуше. В разговоре он жаловался на недостаток настоящей энергии со стороны командующих. Он предложил на баррикадах, находящихся в особенной опасности, применить «смоляные венки»¹⁰⁵. Но представители временного правительства пришли в добродетельный ужас от одних этих слов.

¹⁰³ Начальные строки «Оды к радости» (Радость, пламя неземное).

¹⁰⁴ Представители т. н. Гимнастического движения (Turnbewegung). Изначально движение носило не только спортивную, но и яркую политическую окраску. «Отцом современной гимнастики» (Turnvater) принято считать Фридриха Людвиг Яна (Jahn; 1778–1852), немецкого педагога и патриота. Тяжело переживая политическое унижение Германии, он поставил главной задачей своей жизни развитие физических и моральных сил народа, готовя его таким образом к национально-освободительной борьбе. Впервые основал несколько спортивно-гимнастических обществ, где стали широко использоваться такие гимнастические снаряды, как брусья, бревно, конь и гимнастические кольца. Спортивное движение гимнастов быстро распространилось по различным городам Германии. Другим знаменитым «отцом-основателем» движения был Амвросий Вайганд (Weigand; 1799–1886), который прибыл в 1836 г. из Чехии в Кемниц, где открыл школу гимнастики и танца. Занятия проводились в зимнее время в помещениях пабов и летом в садах на открытом воздухе. Гимнасты культивировали не только физические упражнения. Они являлись передовой силой организаций демократов и патриотов, которые призывали к созданию сильного национального государства. В революционных событиях 1848–1849 гг. члены Гимнастического движения принимали участие в авангарде «черно-красно-золотых».

¹⁰⁵ Так называемые «смоляные венки» (нем. Pechkränze), простейшее военное осадное зажигательное приспособление. Состоит из деревянной сердцевины, обмотанной в несколько слоев просмоленной веревкой. Диаметр варьировался от 40 см

Не мешая ему идти своей дорогой, я кратчайшим путем стал пробираться к ратуше и с тех пор увидел его лишь через тринадцать лет. В ратуше я узнал от Бакунина, что временное правительство решилось принять его план. Надо было покинуть дрезденскую позицию, малопригодную для продолжительного сопротивления, и отступить отсюда в полном вооружении в Рудные горы, куда со всех сторон стекались – между прочим, и из Тюрингии – многочисленные вооруженные отряды. Начиналась немецкая народная война, и занять превосходные позиции в горах представлялось наиболее разумным. Дальнейшая борьба на баррикадах при всем ее мужестве носила бы характер уличного мятежа.

Признаюсь, эта мысль показалась мне великолепной и значительной. То, что прежде возбуждало во мне сочувствие, не лишённое иронии и скептицизма, а потом вызвало большое удивление, расширилось в событие важное и полное глубокого значения. Я не чувствовал никакого желания, никакого призвания взять на себя какую-либо определенную функцию, но зато я совершенно махнул рукой на всякие соображения о личном положении и решил отдаться потоку событий: отдаться настроению с радостным чувством, похожим на отчаяние. Не желая, однако, оставить жену в Дрездене беспомощной, я быстро создал план, как увести ее отсюда, ничего ей при этом не объясняя. Поспешно вернувшись во Фридрихштадт, я узнал, что эта часть города занята прусскими солдатами и совершенно отрезана от его внутренней части. Было ясно, что оккупация и военная осада влекли за собой для жителей нашего предместья массу неприятностей, и мне легко было уговорить Минну отправиться немедленно через свободную Тарандтер-штрассе [Tharandter Straße] в Кемниц, к моей замужней сестре Кларе. Она очень быстро справилась со всем, что было необходимо устроить по дому, и обещала через час прийти с попугаем в ближайшую деревню, куда я отправился вперед с Пепсом, чтобы нанять лошадь до Кемница.

Было прекрасное весеннее утро, когда я в последний раз шел обычным путем моих одиноких прогулок, сознавая, что больше я сюда не вернусь. Пели жаворонки и взмывали вверх над полями, а из города доносилась неумолчная канонада. Но мозг мой до такой степени привык за последние дни к ружейным выстрелам, что, казалось, они преследовали меня еще долго потом: совершенно так, как после морского путешествия я чувствовал в Лондоне колебание почвы под ногами. Под звуки ужасной музыки я послал привет городу. Глядя на башни, виднеющиеся в отдалении, я с улыбкой констатировал, что если семь лет назад мое прибытие сюда было обставлено очень скромно, то теперь я покидаю Дрезден при обстоятельствах чрезвычайно торжественных.

238

Когда мы вместе с Минной продвигались по направлению к горам в экипаже, мимо нас часто проходили свежие вооруженные отряды. Зрелище это невольно радовало нас, и даже жена заговаривала с ними в ободряющем тоне: ни одна баррикада еще не взята. Напротив, отряд пехоты, молча направлявшийся в Дрезден, произвел на нас тяжелое впечатление. На вопрос, обращенный к некоторым из солдат, куда они идут, они отвечали сухой, заранее внушенной им фразой, что идут исполнить свой долг.

Когда мы прибыли в Кемниц, я испугал родных заявлением, что завтра же еду назад в Дрезден, чтобы узнать, как идут дела. Несмотря на все уговоры, я исполнил свое решение, надеясь по пути встретить отряды вооруженного народа, покидающие город. Однако чем ближе к Дрездену, тем более подтверждались слухи, что там и не думают ни о сдаче, ни об

до 50 см; средний вес доходил до 2,5 кг. Забрасывая ими осажденную крепость или город, осаждаемые вызывали многочисленные пожары, заставляя защитников сдаться. Кроме использования против осажденных, «смоляные венки» могли быть пущены в дело и самими осажденными: бросая их в ряды врагов можно было вызвать панику и смтение. Горючесть «смоляных венков» и едкий дым, выделяемый ими во время горения, делали их опасным оружием.

отступлении, так как борьба складывается очень благоприятно для народной партии. Все это казалось мне каким-то неслыханным чудом.

В самом напряженном настроении я снова, во вторник 9 мая, пробираюсь к ратуше в Альтштадт. Передвижение становилось все более и более затруднительным. Улицы были загромождены, и приходилось пролагать себе дорогу через рухнувшие дома. Наступил вечер. То, что я видел, было поистине ужасно, так как я проходил по тем частям города, где жители собирались отстаивать дом за домом. Непрерывный гром пушек и залпы ружей совершенно заглушали звуки перекликавшейся с баррикады на баррикаду, из прохода в проход шумевшей толпы вооруженного народа. Крики эти казались неясным жужжанием. Смоляные костры горели тут и там, переутомленные бледные люди лежали вокруг них на сторожевых постах. Строгие оклики и опросы встречали каждого проходящего. Но исключительное впечатление овладело мной, когда я вступил в ратушу. Здесь шла тяжелая борьба, организованная, серьезная. Следы величайшего утомления лежали на всех лицах, ни один голос не звучал натурально. Все хрипели тяжело. Только старые лакеи, в их странной форме и треуголках, сохраняли благодушный вид. Эти рослые люди, обыкновенно внушавшие такой страх, частью намазывали бутерброды, нарезали ветчину и колбасу, частью же выдавали огромные корзины, наполненные провиантом, посланцам от баррикад. Они превратились в заботливых «хозяек революции».

В ратуше я встретил скрывшихся со страху членов временного правительства Тодта и Чирнера. Они вернулись к исполнению своих обязанностей и, подобно теням, молча сновали взад и вперед, исполняя тяжелое дело. Один только Хойбнер сохранил всю свою энергию, но вид его возбуждал жалость: лихорадочный огонь светился в его глазах, он не заснул ни на минуту в течение семи дней. Мое появление он приветствовал с радостным чувством, считая его хорошим предзнаменованием для защищаемого дела. Он пришел в соприкосновение с элементами, о которых в вихре событий не мог составить себе определенного представления.

Один только Бакунин сохранил ясную уверенность и полное спокойствие. Даже внешность его не изменилась ни на йоту, хотя и он за все это время ни разу не сомкнул глаз. Он принял меня на одном из матрацев, разложенных в зале ратуши, с сигарой во рту. Рядом с ним сидел очень молодой поляк (галициец), по имени Хаймбергер [Haimberger]. Это был скрипач, для которого Бакунин недавно просил рекомендации к Липинскому. Бакунин не хотел, чтобы этот совершенно юный и неопытный человек, страстно привязавшийся к нему, втянулся в водоворот событий. Теперь он встретил его на одной из баррикад. Он взял его с собой в ратушу и каждый раз, когда тот вздрагивал от пушечного выстрела, давал ему здорового пинка. «Это тебе не скрипка, – говорил он ему, – оставался бы дома, музыкант».

От Бакунина я узнал кратко и точно обо всем, что произошло за время моего отсутствия. От решенного в те дни отступления отказались, так как боялись, что оно подействует деморализующим образом на прибывшие многочисленные отряды. Напротив, жажда битвы была так велика и силы защитников так значительны, что еще можно было успешно бороться с солдатами. Однако и войск прибыло за это время немало, и недавно комбинированная атака на сильную Вильдруффскую баррикаду имела успех. Прусские солдаты отказались от битвы на улицах и приняли другую тактику: они занимали дом за домом, проникая туда через пробитые стены. Можно было предвидеть, что защита на баррикадах станет бесполезной и что враг медленно, но верно приблизится к ратуше, где заседает временное правительство. Бакунин предложил поэтому снести в погреба ратуши наличные пороховые запасы и взорвать ее, когда приблизятся войска. Городская управа, продолжавшая заседать где-то в задней комнате, самым решительным образом протестовала против этого. Он, Бакунин, настаивал на необходимости этой меры. Но его перехитрили, удалив из ратуши весь порох и, кроме того, заручившись сочувствием Хойбнера, которому Бакунин ни в чем не противился. Таким обра-

зом, решено было, ввиду того, что дух восставших бодр, завтра с рассветом начать отступление в Рудные горы, причем молодому Цихлинскому поручено взять на себя стратегическое прикрытие дороги на Плауен.

Я спросил о Рёкеле. Бакунин ответил коротко: со вчерашнего вечера его более не видели. Возможно, что он попался в плен – он стал чересчур вспыльчив. Я со своей стороны сообщил обо всем, что видел по дороге в Кемниц и обратно, о хорошо вооруженных отрядах, о кемницкой муниципальной гвардии в несколько тысяч человек. Во Фрайберге я наткнулся на отряд в четыреста солдат-резервистов, шедших в превосходном порядке на помощь народным борцам, но задержавшихся там, чтоб отдохнуть от усиленного марша. Не решались, очевидно, прибегнуть к энергичному захвату обывательских телег. Было ясно, что, перешагнув лояльные границы, можно было бы значительно содействовать притоку свежих боевых сил.

Меня попросили немедленно отправиться обратно, чтобы передать этим людям согласие временного правительства на эту меру. Тут же вызвался проводить меня мой старый друг Маршалль фон Биберштайн, который в качестве члена временного правительства являлся для передачи такого рода приказаний гораздо более подходящим человеком, чем я. Этот крайне деятельный революционер, совершенно измученный бессонницей и охрипший до полной потери голоса, пошел со мной из ратуши описанным выше трудным путем на свою квартиру в Плауенском предместье. Там он надеялся в ту же ночь достать для нас у одного знакомого кучера экипаж и заодно проститься с семьей, так как думал, что расстанется с ней надолго.

В ожидании кучера среди спокойной беседы с дамами мы поужинали и напились чаю. Рано утром после ряда приключений мы добрались до Фрайберга, где я сейчас же принялся за розыски знакомых начальников отряда резервистов. Маршалль приказал им запастись по деревням телегами и лошадьми. Когда отряд отправился наконец в Дрезден, меня снова охватило страстное желание вернуться туда. Маршалль решил отправиться далее в глубь страны, чтобы выполнить и там свою задачу, и мы с ним расстались. С экстренной почтой я тронулся обратно от высот Рудных гор по направлению к Тарандту и в коляске заснул.

Вдруг меня разбудили громкие крики: почтальон с кем-то яростно спорил. Открыв глаза, я с величайшим изумлением увидел, что вся дорога занята вооруженными людьми, идущими не к Дрездену, а оттуда, и некоторые из них пытались воспользоваться экипажем, ссылаясь на усталость. «Что это значит? – воскликнул я, – куда вы идете?» – «Домой, – ответили мне, – в Дрездене все кончено! Там, за нами, в коляске едет временное правительство».

Я стремительно выскочил из экипажа, оставив его в распоряжение усталых милиционеров, и побежал вперед по крутой дороге навстречу коляске, навстречу пришедшему в отчаяние временному правительству. Действительно, в элегантном наемном экипаже, медленно поднимавшемся в гору, сидели Хойбнер, Бакунин и энергичный секретарь почтового управления Мартин [Martin], оба последние с ружьями в руках. На козлах уместился почти весь секретариат. Из толпы милиционеров, следовавшей позади, наиболее уставшие цеплялись за экипаж, пытаясь взобраться на него. Я быстро вскочил туда. Прежде всего я оказался свидетелем странного разговора между владельцем экипажа и наемным кучером временного правительства. Этот человек умолял пощадить экипаж. Его слабые рессоры не могут вынести такой тяжести, и потому он просил не цепляться на него ни сзади, ни спереди.

Бакунин спокойно стал разъяснять мне, как без малейших потерь совершилось отступление из Дрездена. Рано утром он приказал свалить молодые деревья на Максимилианс-Аллее [Maximilians-Allee], чтобы оградить отступающих от кавалерийской атаки с этой стороны. Его чрезвычайно забавляли жалобы жителей бульвара, оплакивавших «пре-крас-

ные де-е-еревья»¹⁰⁶. Тем временем мольбы владельца экипажа становились все назойливее и перешли в громкий плач. Бакунин молча, с чувством удовлетворения, следил за этой сценой и только однажды произнес: «Филистерские слезы – нектар для богов». Но для Хойбнера и для меня эта сцена была тягостна, он стал думать о том, не лучше ли нам выйти: заставить же сойти усталых людей Хойбнер не решался.

Оказалось, что нам и без того необходимо оставить экипаж, так как прибывшие отряды выстроились вокруг нас на шоссе, чтоб приветствовать временное правительство, и ждали дальнейших приказаний. Хойбнер с большим достоинством прошел по рядам вооруженных граждан, разясняя начальствующим, в каком положении находится дело, приглашая их по-прежнему верить в успех предприятия, ради которого уже пролито столько крови. Он отдал приказание идти во Фрайберг и ждать там дальнейших распоряжений.

Из рядов народного войска вышел тогда некто Мецдорф [Metzdorff], немецко-католический проповедник, серьезный молодой человек, которого я еще в Дрездене успел узнать с лучшей стороны (в одном серьезном разговоре он первый, между прочим, посоветовал мне познакомиться с сочинениями Фейербаха¹⁰⁷). Он просил у временного правительства защиты от насилия со стороны командиров кемницкой муниципальной гвардии. Муниципальная гвардия выступила вооруженная из Кемница в Дрезден в значительной мере под его влиянием, под влиянием устроенной им народной демонстрации. А теперь командиры кемницкой муниципальной гвардии ведут его, как пленного, вместе с марширующими гражданами, позволяя себе при этом дурное с ним обращение. Освободили они его лишь благодаря встрече с другими отрядами, проявившими большее благородство.

Отряд кемницкой муниципальной гвардии расположился вдали на горе. Оттуда пришли посланные за сведениями о положении дел. Узнав о решении временного правительства продолжать борьбу во что бы то ни стало, они пригласили его расположиться главной квартирой в Кемнице. Когда послы вернулись к своему отряду, мы видели, как он стал удаляться обратно к горам. После целого ряда остановок наш поезд кое-как добрался до Фрайберга. На улицах города Хойбнера встретили друзья его и настойчиво просили не устраивать здесь главной квартиры и пощадить Фрайберг от ужасов уличной борьбы. Хойбнер ничего не ответил на это и пригласил Бакунина и меня на совещание.

Здесь мы были свидетелями горестного свидания Хойбнера с женой. В кратких словах он разяснил ей серьезное значение происходящего, указав, что дело идет о судьбе Германии, о борьбе за ее достоинство, которой он решил отдать свою жизнь. Был подан затем завтрак, во время которого между нами царил довольно бодрое настроение. После завтрака Хойбнер обратился с короткой, спокойной, но твердой речью к Бакунину, с которым он до того был настолько малознаком, что даже неправильно произносил его фамилию. «Дорогой Буканин, – сказал он ему, – прежде чем предпринимать какие-нибудь дальнейшие шаги,

¹⁰⁶ В оригинале «scheenen Beeme» вместо «schönen Baum» – каламбур, имитирующий рыдания.

¹⁰⁷ Фейербах Людвиг Андреас фон (von Feuerbach; 1804–1872), немецкий философ. Изучал теологию в Гейдельбергском университете. В 1824 г. отправился в Берлин, где в течение двух лет слушал лекции Гегеля. В 1826 г. вернулся в Баварию и стал брать частные уроки филологии, литературы и истории, а также ботаники, анатомии и физиологии. Написал диссертацию на тему: *Über die Unendlichkeit, Einheit und Allgemeinheit der Vernunft* («О бесконечности, единстве и универсальности разума»). В июне 1828 г. получил степень доктора философии. Несколько недель спустя начал читать лекции по философии в Эрлангене. В начале 1836 г. переехал в Брукберг под Ансбахом. В 1841 г. написал одно из своих главных сочинений, *Das Wesen des Christenthums* («Сущность христианства»), которое было издано в издательстве «Отто Виганда». С 1859 г. жил в Рехенберге (Rechenberg) под Нюрнбергом. Из других трудов Фейербаха следует отметить следующие: *De ratione una, universali, infinita* (1828); *Gesch. d. N. philos. von Bacon bis B. Spinoza* (1833); *Darstellung, Entwicklung und Kritik d. Leibnitzschen Philosophie* (1837); *P. Bayle* (1838); *Über Philosophie und Christenthum in Beziehung auf den der hegelschen Philosophie gemachten Vorwurf der Unchristlichkeit* (1839); *Vorläufige Thesen zur Reform der Philosophie* (1842); *Grundsätze der Philosophie der Zukunft* («Основы философии будущего»; 1843); *Das Wesen der Religion* (1845). Отстаивал антропологическую точку зрения во взглядах на религию. Вагнер был увлечен одним из ранних произведений Фейербаха – «Мысли о смерти и бессмертии» (*Gedanken über Tod und Unsterblichkeit*; 1830).

хочу от тебя самого услышать, верно ли, что твоей политической целью, как мне говорили, является учреждение “красной республики”? Говори открыто, ибо я должен знать, могу ли впредь довериться твоей дружбе». Бакунин объяснил ему с полной откровенностью, что характер политической формы правления его не интересует, что жизнью своей он за это не пожертвует. Его личные стремления и надежды не имеют ничего общего ни с дрезденским уличным восстанием, ни вообще со всем тем, что связано с этим движением для Германии. Он считал это движение глупым и достойным осмеяния, пока не испытал на себе действия мужественного и благородного примера Хойбнера. С тех пор его политические соображения и отрицательное отношение к разыгравшимся событиям отступили на задний план, и он принял твердое решение стать преданным помощником этого превосходного человека, несмотря на то, что знал о принадлежности Хойбнера к умеренной политической партии. В обсуждение ее исторической задачи он не вдавался, потому что еще не имел случая ознакомиться с политическими партиями Германии вообще.

Хойбнер счел себя удовлетворенным этим объяснением и перешел к другому вопросу: что думает Бакунин о положении дел в настоящую минуту, и не будет ли разумнее и честнее распустить отряды восставших, отказавшись от дальнейшей безнадежной борьбы? На это Бакунин с обычными твердостью и спокойствием ответил, что от борьбы может отказаться всякий, кто хочет, только не он, Хойбнер: как первый член временного правительства он призвал народ к оружию. За ним пошли, и сотни жизней принесено в жертву. Теперь распустить людей – значит показать, что жертвы принесены в угоду пустой иллюзии, и если бы остались только он и Хойбнер, они должны были бы стоять на своем посту. В случае поражения они обязаны отдать свою жизнь: честь их должна остаться незапятнанной, чтобы в будущем, при новом революционном призыве, народ не потерял надежду на возможность освобождения.

Эти слова заставили Хойбнера решиться. Он тут же набросал воззвание о выборе представителей от всей Саксонии, об организации учредительного собрания в Кемнице, откуда доходили известия о бодром настроении населения, о постоянном притоке свежих народных сил. Хойбнер полагал, что там удастся прочно обосновать центр временного правительства и выждать, пока выяснится общее положение дел в Германии. Во время нашего совещания пришел Штефан Борн [Born], типограф, который в течение последних трех дней командовал народными силами. Его деятельностью Хойбнер был очень доволен. Борн явился, чтобы отрапортовать, что отступившие отряды прибыли во Фрайберг в полном порядке, без малейших потерь. Этот простой и скромный молодой человек самым характером своего доклада произвел на нас превосходное, ободряющее впечатление. Однако на вопрос Хойбнера, возьмется ли он отстоять Фрайберг в случае нападения на него войск, Борн ответил, что он не военный, в стратегии ничего не понимает, что такое дело можно поручить лишь опытному офицеру. При таких условиях являлось рациональным хотя бы для того, чтобы выиграть время, продолжать отступление далее, до Кемница как более крупного населенного пункта.

Прежде всего необходимо было позаботиться о провианте для стекающихся во Фрайберг многочисленных отрядов. Борн удалился, чтоб немедленно принять необходимые для этого меры. Хойбнер решил поспать с часок, чтобы хоть немного отдохнуть. Мы с Бакуниным остались одни на диване. Но и Бакуниным сейчас же овладел сон, он склонился набок и всей тяжестью своей огромной головы навалился мне на плечо. Я рассудил, что едва ли разбужу его, если освобожусь от этого груза, и потому, с трудом отодвинув его от себя, ушел, чтобы по-прежнему внимательно присмотреться ко всему происходящему.

Так добрался я до ратуши, где граждане Фрайберга заняты были раздачей пищи голодным и возбужденным милиционерам. К моему величайшему удивлению, я уже нашел здесь Хойбнера восставшим от сна, в полном разгаре деятельности. Этот человек не в состоянии был отдыхать спокойно хотя бы час, зная, что в его совете нуждаются. Тотчас же под его руко-

водством было организовано подобие комендантского бюро, и среди общего шума и крика он снова делал распоряжения и отдавал приказания. Скоро появился и Бакунин, который хлопотал лишь об одном: найти хорошего офицера. Но такого не отыскалось. Один уже немолодой, но очень живой человек, явившийся во главе значительного отряда из Фогтланда¹⁰⁸, произвел на Бакунина хорошее впечатление своей энергичной речью. Бакунин предлагал назначить его немедленно главным военачальником. Но среди суматохи нельзя было прийти к определенному решению. Только в Кемнице можно было рассчитывать овладеть положением, и Хойбнер отдал приказание немедленно, как только толпа подкрепитя, выступить туда.

Когда это было решено, я, желая выбраться из хаоса, объявил друзьям, что поспешу в Кемниц, чтобы встретить наши отряды на следующее утро. Я застал еще почтовый экипаж, отправлявшийся обычно в этот час, и занял в нем место. Но так как по той же улице началось движение милиционеров, то из опасения, чтобы дилижанс не попал в водоворот толпы, решено было переждать, пока отряды пройдут. Это затянулось надолго. Я следил за маршировавшими мимо меня милиционерами, за их удивительным строем. Особенно бросился мне в глаза фогтландский отряд, маршировавший даже несколько педантично: впереди шел барабанщик, который искусно вносил элемент разнообразия в монотонные звуки своего инструмента тем, что от времени до времени выбивал трель не по коже барабана, а по деревянному его ободу. Эта неприятная стукотня напомнила мне последнюю часть «Фантастической симфонии» Берлиоза, где слышится щелканье костей во время ночного танца скелетов вокруг лобного места, и во мне с реальной живостью воскресло пережитое в Париже ужасное впечатление. Внезапно захотелось мне вернуться к оставленным друзьям, чтобы, если возможно, с ними вместе отправиться в Кемниц.

У ратуши я их не нашел. Придя на квартиру к Хойбнеру, я узнал, что он спит. Я вернулся обратно на почту. Дилижанс все еще ждал, улицы все еще были полны народу. Долгое время ходил я, огорченный, взад и вперед. Потеряв всякую надежду выбраться отсюда в почтовой карете, я опять отправился к Хойбнеру, чтобы присоединиться к нему в качестве попутчика. Оказалось, что Хойбнер и Бакунин ушли неизвестно куда. В отчаянии я вернулся на почту и нашел дилижанс готовым к отъезду.

Поздно ночью, после целого ряда приключений, прибыл я в Кемниц. Заняв комнату в ближайшей гостинице, я проспал там довольно долго. На другой день, в пять часов утра, я отправился на квартиру к моему зятю Вольфраму, расположенную в стороне от города, в четверти часа ходьбы. По дороге я осведомился у стоявшего на часах муниципального гвардейца, не слышал ли он чего-нибудь о прибытии временного правительства. «Временное правительство? – переспросил он. – Ну, с этим все покончено!» Я его не понял и у родных ничего не мог разузнать о положении дел в Кемнице. Зять не было дома, он стоял в городе на посту. Только когда к полудню он вернулся домой, я узнал, что произошло, пока я спал в гостинице. Тут же невдалеке Хойбнер, Бакунин и вышеупомянутый Мартин прибыли к воротам Кемница в частном экипаже. Их спросили, кто они. Хойбнер с полным авторитетом назвал себя и затем велел пригласить городские власти в указанную им гостиницу. Прибыв туда, все трое свалились от усталости и заснули. Внезапно в их комнату ворвались жандармы и именем королевского правительства арестовали их. Они попросили, чтобы им дали возможность несколько часов спокойно поспать, указав на то, что в том состоянии, в каком они находятся, о бегстве не может быть и речи. Утром под сильным военным эскортом они были отвезены в Альтенбург. Как признался мне мой зять, во всем этом печальную роль сыграли командиры кемницкой муниципальной гвардии: они против воли выступили в Дрезден и

¹⁰⁸ Фогтланд (Vogtlande), горный регион, расположенный между тремя федеральными землями Германии: Баварией, Саксонией и Тюрингией.

таили намерение по прибытии туда перейти на сторону королевских войск. Своим приглашением в Кемниц они обманули Хойбнера и завлекли его в западню. Явившись в Кемниц задолго до него, они заняли посты у городских ворот именно затем, чтобы выследить его прибытие и довести об этом до сведения властей. Зять очень тревожился о моей судьбе, так как командиры муниципальной гвардии с яростью отзывались обо мне как о человеке, которого видели в обществе опасных революционеров.

Во всяком случае казалось чистым чудом, что я не с ними вместе прибыл в Кемниц и не остановился с ними в одной гостинице, иначе меня, конечно, постигла бы та же участь, что и их. Молнией пронеслось в душе моей воспоминание о том, как однажды, будучи студентом, я избег грозившей мне опасности, когда один за другим погибли опытные рубаки, вызвавшие меня на дуэль. Все это произвело на меня такое впечатление, что я не произнес ни слова о том, в какой действительной связи я нахожусь с арестованными. По настойчивому требованию жены, очень за меня боявшейся, зять взял на себя заботу доставить меня ночью в своем экипаже в Альтенбург. Оттуда я мог бы сейчас же отправиться почтой в Веймар, где, собственно говоря, я и должен был бы находиться теперь в отпуску. Я прибыл туда особыми, непредвиденными путями.

239

Я был до такой степени охвачен впечатлениями пережитого, похожими на бред, что при новой встрече с Листом едва мог проявить хоть некоторый интерес к предстоящей в Веймаре постановке «Гангейзера». Он же считал это делом, меня ближе всего касающимся. Объяснить моему другу, что я на этот раз попал в Веймар не совсем обычным путем, не в качестве королевского капельмейстера, представлялось задачей довольно трудной. Я и сам в точности не знал, как относится ко мне официальное правосудие. Не знал, совершил ли я что-нибудь противозаконное или нет? Прийти к какому-нибудь определенному по этому поводу мнению я не мог. Тем временем в Веймар стали проникать ужасающие вести о положении дел в Дрездене. Режиссер Генаст¹⁰⁹ всех взволновал рассказами о деятельности Рёкеля как «поджигателя». Рёкеля в Веймаре хорошо знали.

По некоторым моим замечаниям личного характера Лист скоро должен был догадаться, что между мной и дрезденскими событиями существует какая-то подозрительная связь. Но его сбивало с толку мое поведение. Дело в том, что не из опасений суда, а по совершенно другим мотивам мне было важно не выдавать своей активной роли в происшедших событиях. Таким образом, некоторое время я сознательно оставлял моего друга в неведении.

У княгини Каролины фон Витгенштейн¹¹⁰, с которой я познакомился в прошлом году, когда она на короткое время приехала в Дрезден, мы собирались и оживленно беседовали о

¹⁰⁹ Генаст Эдуард Франц (Genast; псевдоним Франц Нойман [Franz Naumann]; 1797–1866), немецкий актер, оперный певец (бас-баритон) и композитор. Начинал актерскую и певческую карьеру под руководством И. В. Гёте; начал выступать в детских ролях с 1813 г. Настоящий дебют состоялся 23 апреля 1814 г. в партии Осмина в «Похищении из сераля» В. А. Моцарта на сцене Веймарского театра. Одновременно был задействован и в драматических спектаклях. Играл на сценах театров в Штутгарте (1816–1817), Дрездена (1817), Лейпцига (1818). В 1828–1829 гг. занимал должность директора театра в Магдебурге, после чего вернулся в Веймар, где служил до конца карьеры. Вышел в отставку в 1860 г. Являлся последним представителем т. н. веймарской школы. Композиторское наследие Генаста включает оперы *Die Sonnenmänner* («Солнечные люди»; 1828) и *Die Verräter in den Alpen* («Предатель в Альпах»; 1833). Кроме того, он оставил ценные четырехтомные мемуары *Aus dem Tagebuch eines alten Schauspielers* («Из дневника старого актера»; 1862–1866).

¹¹⁰ Фон Витгенштейн (Сайн-Витгенштейн) Каролина (Sayn-Wittgenstein; урожденная Ивановская; 1819–1887), княгиня, подруга и фактически жена Ф. Листа. В 1836 г. Каролина, против собственной воли, была отдана замуж за Николая Петровича Витгенштейна, сына героя войны 1812 года, фельдмаршала и светлейшего князя Петра Христиановича Витгенштейна. В 1837 г. Каролина родила дочь Марию (см. ниже). В 1847 г. в Киеве она встретила и полюбила Ф. Листа. Вскоре она приняла решение навсегда ухать с ним в Европу. На протяжении многих лет Каролина пыталась получить развод, чтобы обвенчаться с Листом. В 1861 г. папа римский наконец позволил им обвенчаться. Было решено провести обряд венчания в

вопросах искусства. Так, однажды после обеда завязался у нас горячий спор о моем плане трагедии «Иисус из Назарета», который я тут же устно изложил. Когда я закончил пересказ сюжета, Лист хранил подозрительное молчание, княгиня же фон Витгенштейн высказалась очень решительно против его разработки для подмостков театра. Я и сам не стал серьезно поддерживать высказанных мной по этому поводу парадоксов. Вот в каком я находился тогда настроении. Незаметно для других я все еще был потрясен пережитыми впечатлениями.

Скоро объявлена была оркестровая репетиция «Тангейзера», и это отчасти воскресило во мне застывшие интересы художника. Впервые я испытал совершенно новое, согревающее душу ощущение. Лист управлял оркестром, и по тому, как он вел музыкальную часть моей драмы, я почувствовал, что понят и воспринят по-настоящему. Несмотря на свое какое-то полубессознательное состояние, я сделал наблюдения над певцами в смысле их способностей, над управляющей ими режиссурой. После репетиции мы вместе с музыкдиректором Штёрм¹¹¹ и певцом Гёце¹¹² отправились по приглашению Листа пообедать в одну гостиницу, не ту, в которой он жил, и здесь впервые я имел случай встретиться лицом к лицу с некоторыми особенностями его темперамента, до той минуты мне неизвестными. Чем-то взволнованный, этот обыкновенно гармонически ровный человек внезапно проявил необычайную ярость. Со скрежетом зубным он стал нападать на то самое, что возмущало до ужаса и меня самого. Пораженный удивительным созвучием наших душ и не зная истинных мотивов овладевшего им гневного пароксизма, я стоял перед этим явлением с чувством глубокого интереса. Эмоциональная вспышка Листа закончилась ночью сильнейшим нервным припадком. Тем более удивило меня, когда на следующее утро я застал его вполне бодрым и собирающимся немедленно отправиться, по неясным опять-таки для меня причинам, в Карлсруэ. Меня и музыкдиректора Штёра он пригласил сопровождать его до Айзенаха. По пути туда нас задержал камергер Болье¹¹³, пожелавший узнать, готов ли я явиться на аудиенцию к Великой герцогине Веймарской¹¹⁴, сестре императора Николая. То, что я сослался на неподходящий для этого дорожный костюм, не было принято во внимание, и Лист дал согласие за меня.

Действительно, вечером я был необыкновенно милостиво, с дружеской симпатией принят герцогиней, рекомендовавшей своим камергерам иметь почтительное обо мне попечение. Впоследствии Лист утверждал, что его высокая покровительница знала уже тогда, что в ближайшие дни меня ждут неприятности со стороны дрезденского правительства, и

Риме 22 октября, в день 50-летия композитора. Но накануне вечером посланник папы Римского принес известие о том, что свадьбу нужно снова временно отложить, чтобы в очередной раз пересмотреть дело о разводе. Для влюбленных это стало страшным ударом. Даже когда в 1864 г. князь Витгенштейн умер и все препятствия к браку были устранены, Каролина приняла тяжелое решение навсегда отказаться от брака с Листом, воспринимая все препятствия как волю Божию.

¹¹¹ Штёр Карл (Stör; 1814–1889), немецкий композитор, дирижер, скрипач; музыкдиректор Веймарского театра. С 1859 г. регулярно проводил абонементные концерты, организованные и возглавляемые им.

¹¹² Гёце Франц Карл (Götze; 1814–1888), немецкий оперный певец (тенор). С февраля 1844 г. выступал с концертами совместно с Ф. Листом (исполнял преимущественно его песни). Кроме того, работал в Веймаре у Листа переписчиком нот. В 1852–1857 гг. являлся преподавателем вокала.

¹¹³ Фон Болье-Марконнэ Карл Генрих Фридрих Оливер (von Beaulieu-Marconnay; 1811–1889), барон, немецкий дипломат, писатель и историк; действительный тайный советник. Получил образование в университетах Гёттингена и Гейдельберга. Был камергером Великого герцога Саксен-Веймар-Айзенахского. В 1851–1857 гг. являлся интендантом придворных театров. С 1853 г. обер-гофмейстер Великой герцогини Саксен-Веймар-Айзенахской Марии Павловны. В 1864–1866 гг. был депутатом Бундестага.

¹¹⁴ Мария Павловна Романова (1786–1859), дочь императора Павла I и императрицы Марии Федоровны, великая герцогиня Саксен-Веймар-Айзенахская. Ее воспитанием и образованием руководила бабушка Екатерина II, от которой она получила прозвище «гвардеец в юбке». В 1804 г. в Петербурге состоялось бракосочетание Марии Павловны с Карлом-Фридрихом Саксен-Веймар-Айзенахским (Sachsen-Weimar-Eisenach; 1783–1853). В конце этого же года Мария Павловна покинула Россию. Прославилась покровительством наук и искусств. И. В. Гёте, принадлежавший к числу друзей Марии Павловны, называл её «одной из лучших и наиболее выдающихся женщин нашего времени». При ней Веймар стал поистине «культурной столицей» Германии.

она поэтому торопилась познакомиться со мной прежде, чем такое знакомство могло бы оказаться для нее сильно компрометирующим. Лист отправился из Айзенаха дальше и оставил меня на попечении Штёра и айзенахского музыкдиректора Кюмштедта¹¹⁵, знающего и опытного контрапунктиста. В сопровождении последнего я впервые посетил еще не реставрированный замок в Вартбурге. Странные мысли о капризах судьбы охватили меня при этом посещении: это духовно мне близкое здание я посетил тогда, когда дни моего пребывания в Германии были уже сочтены.

Когда мы вернулись в Веймар, мы застали здесь дурные вести из Дрездена. На третий день явился и Лист и нашел у себя письмо моей жены, не решавшейся писать прямо по моему адресу. Она сообщала, что у нас дома был произведен обыск, и ее предупреждали, чтобы я не возвращался обратно в Дрезден, так как издано распоряжение о моем задержании и тайная полиция разыскивает меня. С этого момента Лист преисполнился заботы обо мне. Сейчас же он созвал несколько опытных друзей, чтобы обсудить, как избавить меня от грозящей опасности. Министр Вацдорф¹¹⁶, которого я успел посетить, был того мнения, что в случае ареста лучше всего спокойно дать себя отвести в Дрезден: он был уверен, что со мной обойдутся вполне корректно, что меня доставят туда в отдельном экипаже. С другой стороны, сюда доходили слухи о жестокостях осадного положения, введенного в Дрездене пруссаками, и слухи эти были настолько тревожны, что Лист и привлеченные им к совещанию друзья советовали мне как можно скорее покинуть Веймар, где меня защитить будет невозможно. Я, однако, настаивал на том, что, прежде чем покинуть Германию, мне следует повидаться и проститься с перепуганной женой, и просил дать мне возможность укрыться на некоторое время где-нибудь поблизости Веймара.

Мою просьбу уважили, и профессор Зиберт [Siebert] предложил спрятать меня в Магдале¹¹⁷, у одного управляющего имением в трех часах пути от Веймара. Туда я и отправился утром следующего дня с письмом Зиберта, в котором он рекомендовал меня управляющему как профессора финансов Вердера из Берлина, желающего проверить на практике кое-какие положения хозяйственной экономии. Здесь, в деревенской тиши, я провел три дня и, между прочим, присутствовал на одном народном собрании, организованном по случаю возвращения остатков разбитого отряда, отправившегося отсюда для участия в дрезденском революционном движении. Прислушиваясь к речам ораторов, я все время не мог отделаться от странного чувства, носящего даже несколько комичный характер. На вторые сутки моего пребывания в имении из Веймара вернулась жена управляющего и привезла удивительные новости: какой-то композитор, автор оперы, только-то поставленной, должен был бежать из Веймара, спасаясь от преследований секретной дрезденской полиции. Посвященный в тайну профессором Зибертом, управляющий со смехом задал вопрос, как зовут этого композитора. И так как жена его не знала, что сказать, он опять спросил, не Рёкель ли это, имя которого было хорошо знакомо веймарцам. «Да, Рёкель, так его зовут, совершенно верно», – подтвер-

¹¹⁵ Кюмштедт Фридрих Карл (Kühmstedt; 1809–1858), немецкий композитор и органист. С 1837 г. руководил оркестром в Айзенахе. В 1847 г. получил должность музыкдиректора. Композиторское наследие Кюмштедта включает оперу «Королева змей» (Schlangenkönigin); оратории «Преображение Господне» (Des Heilandes Verklärung; 1843); «Победа Божественного» (Der Sieg des Göttlichen; 1843); три симфонии, фуги для органа и песни в сопровождении фортепьяно. Кроме того, им написан «Учебник по теории и практике гармонии и модуляции» (Theoretisch-praktische Harmonie- und Ausweichungslehre; 1838).

¹¹⁶ Фон Вацдорф Кристиан Бернгард (von Watzdorf; 1804–1870), немецкий юрист и государственный деятель. В 1824–1828 гг. изучал юриспруденцию в Лейпцигском университете; получил степень доктора права. Начал юридическую карьеру в Лейпциге. В 1835 г. получил назначение в апелляционный суд в Цвиккау. В августе 1840 г. перешел в Верховный апелляционный суд Дрездена. В 1843 г. подал в отставку, поступив на государственную службу к Великому герцогу Карлу-Фридриху Саксен-Веймар-Айзенахскому и получив портфель министра иностранных дел и юстиции. На этой должности оставался вплоть до своей смерти. В 1850 г. также являлся депутатом Союзного парламента в Эрфурте и его вице-президентом. Почетный гражданин Веймара.

¹¹⁷ Магдала (Magdala), город в Германии, в земле Тюрингия, в южной части района Веймар.

дила она. Мой хозяин громко расхохотался и высказал надежду, что Рёкель не настолько глуп, чтобы попасться и не суметь, несмотря на популярность его имени, скрыться.

Наконец 22 мая, в день моего рождения, приехала Минна. Получив мое письмо, она немедленно отправилась в Веймар и, узнав все, что было нужно, прибыла сюда, чтобы заставить меня как можно скорее совершенно покинуть Германию. Все попытки возвысить ее до понимания моего настроения были безуспешны. Она видела во мне человека, легкомысленно, неразумно давшего себя увлечь, повергшего себя и ее в ужаснейшее положение. Было решено, что в ближайший вечер я отправлюсь пешком в Йену. Она проследует туда же через Веймар, и мы в доме профессора Вольфа¹¹⁸ снова увидимся и окончательно простимся. Я совершил это шестичасовое путешествие и, пройдя дорогу, лежащую между холмами, с закатом солнца впервые увидел университетский городок.

В доме Вольфа, с которым меня познакомил Лист, я действительно встретил жену. При особом сочувствии профессора Видмана¹¹⁹ мы стали совещаться о том, куда мне двинуться дальше. Дрезденская полиция преследовала меня упорно: меня обвиняли в активном участии в восстании, и я не мог рассчитывать найти убежище ни в одном из немецких союзных государств. Лист настаивал на том, чтобы я отправился в Париж, где я мог найти подходящее поле для деятельности. Видман предостерегал ехать туда прямым путем через Франкфурт и Баден, так как восстание там еще в полном разгаре, и полиция особенно зорко следит за путешественниками, чьи паспорта хоть сколько-нибудь внушают подозрение. Вернее всего было ехать через Баварию, теперь совершенно спокойную, а оттуда пробраться в Швейцарию. Из Швейцарии переезд в Париж был совершенно безопасен. Так как для этого нужен был какой-нибудь паспорт, то профессор Видман предложил мне свой, выправленный в Тюбингене, но уже просроченный.

¹¹⁸ Вольф Оскар Людвиг Бернхард (Wolff; 1799–1851), немецкий писатель и педагог. Происходил из еврейской семьи. Получил образование в университетах Берлина и Киля; в Йенском университете получил степень доктора философии. Затем пере ехал в Гамбург, где занимался педагогической деятельностью, а также выступал в печати в качестве музыкального критика. В 1825 г. приехал в Веймар, где познакомился с И. В. Гёте. В 1827 г. стал профессором литературы в Йенском университете. В 1848–1849 гг. сочувствовал революционному движению; состоял в контакте с Г. Гейне, Ф. Листом и Р. Вагнером. Литературное наследие Вольфа включает повести, рассказы, поэтические произведения, переводы с английского, французского, итальянского, испанского, латинского и греческого языков, а также сатирические сочинения, которые он подписывал псевдонимом Plinius der Jüngste (Плиний Самый Младший). Наибольшую известность получили: *Schriften* (14 томов; 1841–1843); *Encyclopädie der deutschen Nationalliteratur: oder, biographisch-kritisches Lexicon der deutschen Dichter und Prosaisten; seit den frühesten Zeiten nebst Proben aus ihren Werken* (8 томов; 1835–1847); *La France poétique* (1843); *Handbuch deutscher Beredsamkeit* (1846); *Allgemeine Geschichte des Romans* (1850); *Klassischer Hausschatz der griech. und röm. Poesie* (2 тома; 1851–1852); *Hausschatz der engl. Poesie* (1852); *Hausschatz der Volkspoesie* (1853); *Hausschatz deutscher Prosa* (посмертное издание 1875 г.); *Poetischer Hausschatz des deutschen Volks* (посмертное издание 1876 г.). Сатирические произведения Вольфа: *Naturgeschichte des deutschen Student* (1842); *Die kleinen Leiden des menschlichen Lebens* (1846); *Die Reise ins Blaue* (1846) и *Eine andere Welt* (1847).

¹¹⁹ Видман Кристиан Адольф Фридрих (Widmann; 1818–1878), немецкий писатель, драматург и политик. В 1837 г. поступил в Тюбингенский университет, где изучал политологию; затем продолжил обучение в университетах Берлина и Гейдельберга; в последнем в 1841 г. получил докторскую степень. Свои политические взгляды изложил в книге *Das Volk und die Parteien* (1843). В течение следующих лет выступал в печати с серией брошюр, поднимая социальные и религиозные вопросы и являясь противником радикализма и сторонником просвещенной монархии. В частности, можно назвать работы *Das Königliche Wort Friedrich Wilhelms III* (1844); *Politische Bedenken wider die evangelische Kirchenzeitung* (1846); *Belgien, Rheinland und Adolf Bartels* и *Marx, Heintzen und Freiligrath* (обе 1846). В 1848 г. поселился в Йене, где стал читать лекции по истории общественного движения и государственного устройства. В Йене им были опубликованы следующие работы: *Die Gesetze der socialen Bewegung* (1851); *Frankreich, Rußland und die vereinte deutsche Großmacht* (1854); *Deutschland eine Eidgenossenschaft* (1859); *Ein Neujahrsgruß zu 1860 an Louis Napoleon von einem Deutschen* (1860). Кроме политических трудов, Видман прославился и как автор художественной прозы и драматических произведений. Им были написаны романы *Der Tannhäuser* (1850) и *Der Bruder aus Ungarn* (1852); сборники новелл *Am warmen Ofen* (1853) и *Für stille Abende* (1854); а также драмы *Nausikaa*; *Don Juan de Maranna* и *Sarah Haßfurter*. Видман серьезно и глубоко интересовался историей масонства (сам являлся масоном с 1844 г.). Им опубликован *Zirkelcorrespondenz unter den St. Joh. Logenmeistern der Großen Landesloge der Freimaurer von Deutschland* (1872–1874 и 1876), а также *Geschichte der freimaurerischen Systeme in England, Frankreich und Deutschland* (1879).

Выехал я в почтовом экипаже, прощанье с женой, находившейся в полнейшем отчаянии, было поистине мучительно. Без особых приключений достиг я, миновав Рудольштадт (место, не лишенное для меня известного интереса), границы Баварии, откуда без перерыва с той же почтой отправился далее, в Линдау. Здесь у ворот города у меня, как и у других пассажиров, отобрали паспорт. Рано утром предстояло отправиться с пароходом по Боденскому озеру, и ночь я провел в лихорадочном возбуждении. Профессор Видман, по чьему паспорту я ехал, говорил на швабском наречии, и я задавал себе вопрос, как я буду объясняться с баварской полицией, если она вздумает осведомиться относительно просроченности паспорта. Всю ночь, мучимый ужасным беспокойством, я упражнялся в швабском диалекте, но справиться с этой задачей, к величайшей собственной потехе, не мог. С волнением я ждал момента, когда утром ко мне в комнату войдет жандарм. Жандарм явился с тремя паспортами в руке и, не зная, кому какой паспорт принадлежит, дал мне самому выбрать свой. С ликующим сердцем исполнил я его просьбу и дружелюбно простился с этим человеком, незадолго перед тем внушавшим мне такой ужас. Взойдя на пароход, я, к великой радости, узнал, что на его борту считаюсь уже находящимся на швейцарской территории. Было великолепное весеннее утро. Перед глазами расстилалось широкое озеро, в отдалении рисовались Альпийские горы. Когда в Роршахе [Rorschach] я вступил на швейцарскую территорию, я немедленно отправил несколько успокоительных строк домой с извещением о том, что благополучно прибыл в Швейцарию и что опасность миновала. Поездка в почтовом экипаже в Цюрих, через приветливую, маленькую область Сен-Галлен¹²⁰, необыкновенно ободрила меня. Когда в последний день мая, в шесть часов вечера, я впервые увидел облитые солнечным светом сияющие вершины Гларнских Альп, окружающих озеро, то тут же, в глубине души не отдавая себе ясного отчета, решил основать для себя прибежище непременно в этих местах.

240

Предложение моих друзей проехать в Париж через Швейцарию я принял главным образом потому, что рассчитывал через одного знакомого добыть в Цюрихе паспорт уже на свое имя, так как не хотел явиться во Францию в качестве политического беглеца. В Цюрихе жил учитель музыки Александр Мюллер, с которым у меня в свое время завязались в Вюрцбурге приятельские отношения. Один из учеников его, Вильгельм Баумгартнер¹²¹, несколько лет тому назад посетил Дрезден и привез мне от него привет. Через Баумгартнера я послал Мюллеру экземпляр партитуры «Тангейзера» на память. Эти знаки внимания с моей стороны пали на плодородную почву: Мюллер и Баумгартнер, которых я немедленно разыскал, познакомили меня с двумя видными местными чиновниками, своими друзьями: Якобом

¹²⁰ Сен-Галлен (Санкт-Галлен) (*нем.* St. Gallen, *франц.* Saint-Gall, *итал.* San Gallo), город на востоке Швейцарии, расположенный недалеко от Боденского озера; является одним из самых высокогорных городов Швейцарии. Назван в честь святого Галла. Знаменит монастырским комплексом Св. Галла, принадлежащим бенедиктинскому ордену; комплекс включен в Перечень всемирного наследия ЮНЕСКО.

¹²¹ Баумгартнер Вильгельм (Baumgartner; 1820–1867), швейцарский композитор, пианист и хормейстер. В 1836–1838 гг. учился в гимназии в Сен-Галлене; в 1839 г. поступил в университет Цюриха, где изучал литературу и философию. Но в итоге решил посвятить себя музыке. В 1839–1841 гг. являлся учеником Александра Мюллера; вскоре стал его заместителем в качестве хормейстера. Одновременно стал давать частные уроки игры на фортепьяно. В 1844 г. совершенствовал свое музыкальное образование в Берлине у Ф. Мендельсона-Бартольди. В 1845 г. познакомился в Дрездене с Р. Вагнером. С 1846 г. жил и работал в Цюрихе, в первую очередь в качестве хормейстера. В этом же году познакомился и подружился с Г. Келлером; в частности, позднее настоятельно советовал ему изучать художественно-теоретические труды Вагнера «Искусство и революция» и «Произведение искусства будущего». В 1859 г. получил должность музидиректора Цюрихского университета. Одной из самых популярных и известных песен Баумгартнера стала песня *Mein Heimatland* («Моя родина»; 1870).

Зульцером¹²² и Францем Хагенбухом¹²³. Именно они могли оказать непосредственное содействие в деле получения паспорта.

Действительно, они и еще несколько человек, посвященных в дело, проявили по отношению ко мне столько внимания и участия, что я почувствовал себя превосходно в их обществе. Привычные республиканцы, они с наивным недоумением слушали рассказ о преследованиях, которым я подвергся, и это сразу ввело меня в совершенно новую сферу гражданственных воззрений на жизнь. Тут ничто не угрожало никакой опасностью, все было твердо, в то время как там, на родине, все соединилось, чтобы окончательно оттолкнуть меня: общее состояние официального искусства, возбуждавшее отвращение, политические дела, поставившие меня почти против воли в положение преступника.

Чтобы особенно расположить в мою пользу обоих чиновников, в особенности Зульцера, получившего прекрасное классическое образование, друзья мои устроили собрание, на котором заставили меня прочитать стихотворный текст «Смерти Зигфрида». Могу поклясться, что никогда еще не встречал среди людей практического дела таких внимательных слушателей, как в тот вечер. В результате я, беглец из Германии, безжалостно преследуемый полицией, получил легальный швейцарский паспорт. С ним, задержавшись несколько дней в Цюрихе, я спокойно двинулся дальше.

Из Страсбурга, воздав должное всемирно знаменитому собору, я с мальпостом, считавшимся самым удобным средством сообщения, отправился в Париж. Припоминаю, что со мной тогда произошел интересный феномен: до сих пор, особенно в полусонном состоянии, меня неизменно преследовали звуки канонады и ружейных залпов. Теперь в шуме быстро вертящихся по шоссе колес мне стало слышаться другое: исполняемая на басовых инструментах мелодия из Девятой симфонии: *Freude schöner Götterfunken*.

241

С минуты вступления на швейцарскую почву до самого приезда в Париж настроение мое резко изменилось: прежнее мое тупое, полубредовое состояние уступило место новому чувству приятного освобождения. Я сам себе казался птицей, парящей в воздухе, птицей, которой не суждено погибнуть в болоте. Но с момента вступления в Париж в начале июня во мне снова наступила заметная реакция. Лист отрекомендовал меня своему бывшему секретарю Беллони¹²⁴, и он, верный полученным предписаниям, счел необходимым войти в пере-

¹²² Зульцер Иоганн Якоб (Sulzer; 1821–1897), швейцарский политический деятель. Получил образование в университетах Цюриха, Бонна и Берлина; изучал филологию, историю, философию и политологию. Начал политическую карьеру в 1847 г. в качестве второго государственного клерка кантона Цюрих. Как представитель Либеральной партии, занимал следующие политические должности: член Совета кантона Цюрих (1850–1884; с 1872 г. президент); финансовый директор правительства кантона Цюрих (1851–1857); мэр города Винтертур (1858–1873); член Национального совета (1866–1869; 1879–1890); член Совета кантонов (1869–1878); президент Совета кантонов (1876–1877). В 1858 г. Университет Берна присвоил Зульцеру степень почетного доктора философии. В 1862 г. Зульцер стал соучредителем Банка Винтертура (предшественник нынешнего USB). В 1865 г. основал Ипотечный банк в Винтертуре, президентом которого был до 1879 г. Не путать с предпринимателем Иоганном Якобом Зульцером (Sulzer; 1806–1883), основателем промышленной компании Gebr. Sulzer.

¹²³ Хагенбух Франц (Hagenbuch; 1819–1888), швейцарский политический деятель. В 1839–1843 гг. изучал право в университетах Цюриха, Гёттингена и Берлина. С 1844 г. жил в Цюрихе. Член Либеральной партии. В 1846–1848 гг. являлся окружным судьей; в 1852–1856 гг. был первым городским секретарем; в 1856–1869 гг. являлся членом Исполнительного совета; в 1869–1872 гг. – членом Городского совета; в 1872–1885 гг. – заместителем директора Швейцарской пенсионной компании. В 1865–1869 гг. и в 1872–1875 гг. входил в Совет директоров Ипотечного банка Винтертура. В 1867–1888 гг. являлся соучредителем и президентом Музыкального общества. В 1876–1888 гг. также был соучредителем и главой Музыкальной школы в Цюрихе (ныне Консерватория).

¹²⁴ Беллони Гаэтано (Belloni; 1810–1887), в 1841–1848 гг. личный секретарь и агент Ф. Листа. До того момента, когда Лист решил отказаться от концертной деятельности, брал на себя заботу об организации его концертов, способствовал рекламе, следил за печатанием афиш и распространением билетов, контролировал финансовую сторону концертов. Является первым в истории музыки концертным агентом, положившим начало современному музыкальному менеджменту.

говору обо мне с неким Гюставом Вэссом [Vaisse], с которым лично мне так и не удалось познакомиться. Дело шло о написании для Парижа оперного текста. Идея мне эта не нравилась, и когда Беллони заговорил на эту тему, я перевел разговор на свирепствовавшую в Париже холеру. Чтобы быть поближе к Беллони, я остановился на улице Нотр-Дам-де-Лоретт [Notre Dame de Lorette]. Здесь я имел возможность чуть не каждый час видеть, как провозили по улице под глухие удары барабана национальной гвардии холерных покойников. При палящем зное было запрещено пить воду, и вообще рекомендовалась строжайшая диета. Уже одно это действовало на меня угнетающим образом, а внешний облик Парижа к тому же производил самое тяжелое впечатление. На всех общественных зданиях, на всем, что носило характер публичности, красовались еще надписи «Свобода, равенство, братство». Но устрашающе подействовал на меня вид первых *garçons caissiers*¹²⁵ Национального банка с их длинными денежными мешками через плечо и огромными портфелями в руках. Никогда не встречал я их в Париже в таком количестве, как теперь, когда, справившись со страшным призраком социализма, капитал, опираясь на вновь приобретенное доверие общества, нагло проходил победным парадом по улицам города.

Совершенно механически зашел я в музыкальный магазин Шлезингера, принадлежавший теперь противному и грязному еврею господину Брандусу¹²⁶. Только старый приказчик месье Анри [Henri] поздоровался со мной радушно. После того как мы довольно громко поговорили с ним в совершенно пустом, по-видимому, помещении, он с некоторой неловкостью в голосе спросил, поздоровался ли я с моим учителем Мейербером. «Разве господин Мейербер здесь?» – «Конечно, – ответил он с еще большим смущением, – здесь в магазине, позади бюро». И действительно, когда я подошел ближе, из-за бюро вышел в полнейшем смущении Мейербер. Услышав мой голос, он скрылся туда и оставался там больше десяти минут. С улыбкой на лице он извинился, ссылаясь на то, что был занят срочной корректурой. Всей этой сцены, этого нового свидания с ним было достаточно: я понял все. Припомнилось многое в его поведении, казавшееся столь подозрительным, в особенности его поведение в Берлине. Так как теперь мне, собственно, не было до него никакого дела, я весело и свободно с ним поздоровался. Меня ободряло то смущение, какое он обнаружил, увидев меня здесь. Он предполагал, что я снова хочу попытаться счастья в Париже, и был чрезвычайно удивлен моим заявлением, что самая мысль что-нибудь предпринять в этом городе внушает мне отвращение. «Однако Лист напечатал в *Journal des Débats* блестящий фельетон о вас!» – «Ах, так! – сказал я. – Я не предполагал, что энтузиазм преданного друга должен быть истолкован как спекуляция». – «Однако статья обратила на себя общее внимание. Было бы странно, если бы вы не постарались извлечь отсюда выгоду». Я был раздражен всеми этими отвратительными соображениями и тут же заявил Мейерберу, что при нынешнем положении вещей, когда весь мир стонет под гнетом реакции, я в состоянии думать о чем угодно, только не о композициях для сцены. «Чего же вы, однако, ждете от революции, – ответил он, – или вы собираетесь писать партитуры для баррикад»? Я уверил его, что вообще не думаю ни о каких партитурах. Мы расстались, не поняв друг друга.

На улице я встретил Мориса Шлезингера, и оказалось, что он тоже под впечатлением блестящей статьи Листа, считает мое появление в Париже вполне естественным. Он думал, что я рассчитываю на что-то, и находил, что у меня хорошие шансы. «Вы хотите сделать

¹²⁵ Помощники казначеев (франц.).

¹²⁶ Парижское музыкальное издательство М. Шлезингера, находящееся на улице Ришелье, в 1846 г. было продано Луи Лазару Брандусу (Brandus; 1816–1887) и стало называться Brandus & Cie. В 1850 г. партнером Брандуса стал его младший брат Жеми Брандус (1823–1873). В 1854 г. еще одним партнером Брандусов стал Селим Франсуа Дюфур (Dufour; 1799–1872), после чего фирма получила название Brandus, Dufour & Cie, просуществовав до 1858 г. В 1858–1872 гг. фирма была известна как Brandus & Dufour. После смерти Дюфура издательство снова стало называться Brandus & Cie. После смерти Луи Брандуса фирма неоднократно меняла владельцев и названия и окончательно прекратила существование в 1971 г.

со мной гешефт? – спросил я его. – Денег у меня нет. Но неужели вы считаете, что постановка оперы неизвестного композитора может быть денежным делом?» – «Вы совершенно правы», – ответил Морис и моментально исчез. От всех этих соприкосновений с зачумленной столицей мира я ушел к моим дрезденским товарищам, из которых некоторые особенно близкие мне находились в Париже.

У Деплешена, художника, исполнившего декорации для «Тангейзера», я нашел Земпера, тоже здесь укрывшегося. Встретились мы радостно и немало смеялись над комизмом нашего положения. Земпер, после того как пруссаки обошли его знаменитую баррикаду, над которой он, как архитектор, имел постоянное наблюдение (чтобы ее взяли – этого он не допускал), от дальнейшего участия в борьбе воздержался. Однако он считал себя настолько скомпрометированным, что, когда было объявлено в Дрездене осадное положение, счел благоразумным оттуда скрыться. Он был счастлив, что, как гольштейнский уроженец, он в паспортном отношении зависел не от германского, а от датского правительства и потому мог спокойно уехать в Париж. Благодаря такому обороту дел он принужден был бросить начатую большую работу по постройке дрезденского музея, и я высказал ему по этому поводу свое сердечное соболезнование. Земпер объяснил мне, что дело это доставило ему много огорчений, что, в сущности, он рад избавиться от него. Несмотря на то что оба мы находились в прескверном положении, мы провели с ним в Париже несколько веселых часов, единственных за этот мой приезд.

Скоро сюда прибыл, тоже в качестве эмигранта, молодой Гейне, намеревавшийся когда-то написать декорации для «Лоэнгринга». Жизнь в Париже его не пугала, так как учитель его Деплешен сам предложил ему работу. Один я чувствовал полную бесцельность моего пребывания здесь и всей душой рвался вон из холерного гнезда. Этому помог Беллони, предложивший поехать с ним и его семьей в деревню возле Ла Ферте су Жуар [La Ferté sous Jouarre]. Пользуясь прекрасным воздухом и абсолютной тишиной, я мог отдохнуть и выждать какой-нибудь перемены в положении моих дел. Оттуда я отправился в Рюэй¹²⁷, пробыв, таким образом, в Париже всего восемь дней. Там я поселился у одного вино торговца, месье Рафаэля [Raphaël], по соседству с деревенским мэром, у которого жила семья Беллони. Я стал ждать, что принесет мне судьба.

Из Германии долгое время не было никаких вестей, и я старался развлечься, насколько это было возможно, чтением. Заинтересовали меня сочинения Прудона, в особенности его книга «О собственности». В ней я нашел необычайно широкие перспективы, вообще говоря, утешительные для моего нынешнего положения. Много удовольствия доставила мне также «История жирондистов» Ламартина¹²⁸. Однажды Беллони принес известие о неудачном вос-

¹²⁷ Рюэй-Мальмезон (Rueil-Malmaison), город во Франции, в департаменте О-де-Сен, западный пригород Парижа, находящийся от него в 14 км.

¹²⁸ Де Ламартин Альфонс (Lamartine; 1790–1869), французский писатель, поэт и политический деятель. В 1820 г. Ламартин издал первый том стихотворений под общим названием «Поэтические и религиозные размышления» (Meditations poétiques et religieuses), в 1823 г. был выпущен второй том «Размышлений». За ним последовали Harmonies (1835); Jocelyn (1835); Chute d'un Ange (1838); Recueils poétiques (1839). В 1829 г. Ламартин был избран членом Французской академии. В 1833 г. он добился своего избрания в парламент, после чего оставался на депутатском посту вплоть до 1851 г. Упомянутая Вагнером «История жирондистов» (Histoire des Girondins) была написана Ламартином в 1847 г. (русский перевод 1871–1872). Во время революции 1848 г. Ламартин занял пост президента временного правительства. В этом же году он написал Trois mois au pouvoir; в 1849 г. – Histoire de la révolution de février. Также следует отметить Histoire de la Russie (1855); Histoire de la Turquie; Histoire des Constituants и Histoire de la Restauration (1851–1863). Показательно, что с детства настольной книгой Ламартина было Евангелие. Земная любовь у Ламартина, это «самое божественное из всех человеческих чувств», одухотворяется либо скорбью, либо смертью, приобретая тем самым трагическо-философский оттенок. При этом именно смерть возлюбленной (возлюбленная Ламартин Жюли Шарль, скончавшаяся от чахотки в 1827 году, была увековечена в его творчестве под именем Эльвиры) приводит человека к безоговорочной вере в бессмертие души. Кроме того, согласно Ламартину, поклоняясь первоначальной природе, человек поклоняется и Богу, который как единое животворящее духовное начало проявляет себя через нее. А женщина-возлюбленная – это некий посредник между жизнью земной и жизнью небесной, что роднит поэзию Ламартина с образом Беатриче у Данте. А также с большинством женских образов

станции республиканцев под предводительством Ледрю-Роллена¹²⁹. Это случилось 13 июня, когда временное правительство развило всю свою реакционную деятельность. Известие вызвало возмущение со стороны моего хозяина и его родственника-мэра, за столом которого мы ежедневно вкушали наш скромный обед. На меня оно произвело слабое впечатление: все мое напряженное внимание было обращено на Германию, главным образом на события в прирейнских странах, особенно в Великом герцогстве Баденском, находившемся под управлением выборных народа. Когда оттуда пришли известия, что пруссаки подавили движение, казавшееся наиболее близким к победе, меня охватило истинное горе.

Мое личное положение обрисовалось мне в самых печальных чертах. То, что было во всех этих событиях необыкновенного, то, что поддерживало и оправдывало мое возбуждение, исчезло бесследно. На первый план выступили самые обыденные, пошлые заботы. Окончательно отрезвили меня письма моих веймарских друзей, особенно же письмо жены. Друзья довольно сухо осудили мое поведение и нашли, что пока не могут для меня ничего сделать ни в Дрездене, ни при дворе Великого герцога, так как бессмысленно стучаться в наглухо заколоченные двери, *«on ne frappe pas à des portes enfoncées»*¹³⁰ (княгиня фон Витгенштейн к Беллони). Я не знал, что на это ответить, так как мне и в голову не приходило ждать чего бы то ни было с этой стороны, и я был доволен тем, что мне прислали кое-какие деньги. Чтобы выйти из затруднительного положения, я решил на эти деньги отправиться в Цюрих и устроиться там у Александра Мюллера, жившего в довольно просторной квартире.

Больше всего опечалило меня письмо жены, от которой я долгое время не получал никаких вестей. Она писала, что считает невозможным дальнейшую нашу совместную жизнь, ибо после того, как я так бессовестно разрушил до основания все устроенное нами здание и пренебрег положением, какого мне не придется уже вновь создать, я не могу рассчитывать, чтобы какая бы то ни была женщина захотела связать свою участь с моей. Письмо это возбудило во мне искреннее сочувствие к ней, к ее чрезвычайно тяжелому положению. Я оставил ее беспомощной. Конечно, я предоставил ей распродать дрезденскую обстановку и, кроме того, просил лейпцигских родных позаботиться о ней. Единственным для меня утешением являлась уверенность, что она сама хотя бы отчасти сочувствовала моему поведению, понимала охватившее меня настроение. Мне казалось, что я даже видел в дни исключительных событий признаки такого к себе отношения. Оказалось, что об этом и речи быть не может: она судила обо мне так, как судила толпа, и находила для меня оправдание только в одном – в моем неслыханном легкомыслии. Я тут же написал Листу, прося хоть немного о ней позаботиться, но, в сущности, столь неожиданное ее решение отчасти успокоило меня. Узнав из ее письма, что писать она мне больше не намерена, я решил со своей стороны впредь не беспокоить ее сообщениями о моем трудном положении.

Вся наша многолетняя совместная жизнь, начиная с первого, бурного и мучительного года нашего брака, прошла в моей памяти. Несомненно, молодые годы нужды и забот, проведенные совместно в Париже, дали много хорошего. Испытания сковали наши души: она проявила удивительное терпение, я боролся с ними трудом. Награду за перенесенное

в музыкальных драмах Рихарда Вагнера.

¹²⁹ Ледрю-Роллен Александр Огюст (Ledru-Rollin; 1807–1874), французский политический деятель. В 1841 г. избран в палату депутатов; входил в группу крайне левых. Был одним из основателей в 1843 г. оппозиционной газеты «Реформа» («La Réforme»). 24 февраля 1848 г. принимал активное участие в революции, выступая против регентства и за республику. После февральской революции 1848 г. вошёл в состав Временного правительства в качестве министра внутренних дел. С мая 1848 г. являлся членом Исполнительной комиссии. Участвовал в подавлении Июньского восстания 1848 г. В мае 1849 г. избран в Законодательное собрание; возглавил июньскую демонстрацию в Париже против внешней политики правительства. Восстание потерпело неудачу, после чего эмигрировал в Великобританию, где написал резкий памфлет *De la Décadence de l'Angleterre* (1850), а также основал т. н. Европейский демократический комитет. В 1870 г. вернулся во Францию. В 1871 г. избран депутатом Национального собрания.

¹³⁰ «Мы не стучимся в закрытые двери» (франц.).

Минна нашла потом в Дрездене, в моем тамошнем успехе и завидном положении. В качестве *Frau Kapellmeisterin*¹³¹ она достигла вершины своих мечтаний и во всем, что отравляло мою капельмейстерскую деятельность, видела угрозу своему благополучию. Новый путь, на который я вступил с момента создания «Тангейзера», лишил меня в ее глазах надежды на дальнейшие театральные успехи, и она потеряла всякую бодрость, всякое доверие к нашей будущности. Мои новые концепции, о которых я говорил с нею все реже и реже, мое отношения к театру и его шефу – все это она оценивала лишь как признак того, что я сбиваюсь с прямого пути. Связь между нами, игравшая такую благодетельную роль в моей прошедшей карьере, совершенно ослабела. Мое участие в дрезденской катастрофе она рассматривала как заблуждение. Она объясняла его дурным влиянием бессовестных людей, в особенности несчастного Рёкеля: они льстили моему тщеславию и увлекли меня к гибели. Все это скорее внешним образом разделяло нас. Но гораздо глубже влияли, как я теперь ясно сознал, внутренние раздоры, не прекращавшиеся с момента, как мы сошлись вторично. Между нами постоянно происходили резкие, страстные стычки, и никогда они не сглаживались с ее стороны мирным признанием собственной вины. Стремление после каждого такого взрыва сохранить домашнее спокойствие, сознание несходства наших характеров и, в особенности, разницы в нашем развитии постоянно побуждали меня брать на себя инициативу примирительного поведения, брать на себя вину за резкость наших ссор. Я стремился смягчить Минну тем, что высказывал ей свое раскаяние. К сожалению, я пришел в конце концов к убеждению, что именно благодаря такой политике потерял всякую власть над ее душой, всякое влияние на ее характер. Когда дело коснулось вещей, исключавших возможность такого рода примирения, так как дело касалось сущности моих убеждений, моих поступков, я благодаря моей прежней уступчивости встретил такое закаленное женское упрямство, что о сознании с ее стороны своей неправоты по отношению ко мне не могло быть и речи. Словом, дрезденскому краху, равнодушному взгляду на всю мою дрезденскую карьеру немало содействовал развал моей семейной жизни. У себя дома я не только не встречал поддержки и утешения, но, напротив, постоянно ощущал бессознательное со стороны Минны сочувствие моим врагам. Все это я понял именно теперь, когда улеглось первое потрясение, вызванное ее жестким письмом.

Вспоминаю, что письмо это не причинило мне страданий. Я чувствовал себя покинутым, но зато отчетливо уразумел, что строил свою жизнь на песке. Это дало мне высокое успокоение. Я почерпнул его в сознании полной своей заброшенности, и самое нищенство мое доставило мне укрепляющую отраду. Поэтому присланные мне в последний раз из Веймара деньги я с пылом решил употребить не на бессмысленное торчание в Париже, где предстояло бы стремиться к целям, которые я сам считал ложными, а на подыскание другого убежища. Таким убежищем могло быть место, ничем не наталкивающее на деятельность в прежнем духе. Я решил отправиться в Цюрих, где не было атмосферы официального искусства, в Цюрих, где я впервые встретил несколько простых людей, ничего не знавших о моих художественно-артистических работах, но с дружеской симпатией отнесшихся к моей человеческой личности.

242

В Цюрихе я обратился прямо к Александру Мюллеру, прося его уступить мне комнату в его квартире, и показал ему весь остаток моего состояния: 20 франков. Конечно, я скоро заметил, что проявленное мной доверие стесняло моего старого знакомого. Его стала, естественно, заботить мысль, что ему предпринять по отношению ко мне. Увлеченный порывом,

¹³¹ Госпожа капельмейстерша (нем.).

он предложил мне пользоваться большой комнатой, в которой стоял рояль. Но я сам отказался от этого, удовольствовавшись спальней. Очень неприятно было обедать у него – не потому что его обеды были мне не по вкусу, а потому что они расстраивали желудок. Зато вне его дома меня встречали по здешним условиям с распростертыми объятиями. Те самые молодые люди, которые при первом проезде через Цюрих проявили ко мне такое участие, продолжали и теперь искать моего общества. Из их среды особенно выделился Якоб Зульцер. По молодости лет Зульцер не мог официально стать членом цюрихского правительства: для этого необходим был тридцатилетний возраст. Но все же он производил на окружающих впечатление вполне зрелого человека. Когда меня в последующие годы спрашивали, встречал ли я в жизни вполне безукоризненного в моральном отношении человека, с установившимся характером, абсолютно честного, то по добросовестном размышлении я мысленно останавливался только на нем. Призвание его в столь молодые годы на выдающийся пост городского секретаря кантона Цюрих объяснялось тем, что оказавшаяся тогда у власти Либеральная партия с Альфредом Эшером¹³² во главе, не желая оставлять крупных официальных должностей в опытных руках приверженцев старой консервативной группы, принуждена была искать способных людей среди молодежи. Взоры всех обратились тогда на Зульцера. Он только что вернулся на родину по окончании Боннского и Берлинского университетов, чтобы устроиться здесь в качестве доцента филологии. Когда новое правительство предложило ему занять видный пост, он, чтобы чувствовать себя на месте в новой должности, отправился на полгода в Женеву для практического изучения французского языка. При своих усердных занятиях филологией Зульцер оставлял до сих пор эту сторону своего образования без внимания. Проницательный ум, необыкновенная работоспособность, самостоятельный и твердый характер, не гнувшийся под давлением каких бы то ни было партийных маневров, выдвинули его в короткий срок на одно из первых мест в правительстве. В качестве директора финансов и в особенности члена союзного швейцарского школьного совета он развил необыкновенно значительную и плодотворную деятельность.

Неожиданное знакомство со мной, по-видимому, несколько взбудоражило его. Общественная деятельность оторвала его от любимых занятий филологией и гуманитарными науками, и теперь, при возникших отношениях с новым человеком, он как бы стал раскаиваться в сделанном шаге. «Смерть Зигфрида» показала ему, человеку сведущему, мой интерес к немецкой средневековой истории. Как филолог он тоже изучал ее с гораздо большей, впрочем, полнотой, чем я. Когда некоторое время спустя он ближе познакомился с характером моих музыкальных интерпретаций, эта столь отдаленная от его практической деятельности область настолько увлекла его и вызвала в нем, серьезном и сдержанном человеке, такой глубокий интерес, что он стал с сознательной резкостью бороться против новых искушающих влияний. Однако к моему появлению на местном горизонте он относился с истинно дружескими чувствами. В официальной квартире первого городского секретаря

¹³² Эшер Иоганн Генрих Альфред (Escher vom Glas; 1819–1882), швейцарский политический деятель, промышленник и «отец швейцарского железнодорожного транспорта». В 1844 г. был избран членом Большого совета кантона Цюрих. В 1846 г. стал членом Собрания депутатов Швейцарии. 6 ноября 1848 г. был избран вице-президентом Национального совета, членом которого оставался до своей смерти. Являлся одним из соучредителей Швейцарской пенсионной компании (Schweizerischen Rentenanstalt; в настоящее время крупнейшая страховая компания Швейцарии Swiss Life). Приоритетной задачей для Эшера являлось строительство железных дорог. Во многом благодаря его стараниям 28 июля 1852 г. Национальный совет принял Закон о железных дорогах, гарантирующий права частных компаний. Сам Эшер стал президентом компании Zurich-Bodensee-bahn, получившей федеральную концессию 28 января 1853 г. Эта компания, объединенная со Швейцарской северной железной дорогой (Schweizerischen Nordbahn), образовала Швейцарскую северо-восточную железную дорогу (Schweizerischen Nordostbahn). На учредительном собрании 12 сентября 1853 г. Эшер был выбран председателем правления компании. С 1860 г. он выступал за прокладывание железной дороги через Альпы. В 1872 г. возглавил правление Сен-Готтардской железной дороги (Gotthardbahn). Ее строительство началось в середине 1873 г. Но трудности строительства и проблемы финансирования заставили Эшера в 1878 г. уйти в отставку. На торжественном открытии Сен-Готтардской железной дороги 1 июня 1882 г. он не присутствовал и в конце этого же года скончался.

чаще, чем это казалось приличным для чиновника маленького филистерского городка, собиралось общество, в котором я являлся центральной фигурой. Многих, особенно музыканта Баумгартнера, привлекали сюда продукты зультеровских виноградников в Винтертуре, которые хозяин предлагал гостям в изобилии. Мною лично в то время владело веселое, разнузданное настроение. Под влиянием складывавшихся во мне тогда художественно-артистических и житейских воззрений я предавался на наших собраниях необузданным вакхическим излияниям. Слушатели отвечали мне нередко с таким необыкновенным подъёмом, что его приходилось объяснять не столько действием моих вдохновенных речей, сколько винными парами. Когда однажды мы проводили охмелевшего профессора Эттмюллера¹³³, германиста и знатока «Эдды», пришедшего по приглашению Зультера на чтение «Зигфрида», воцарилось необыкновенно бурное настроение. Мне пришла в голову идея снять все тяжелые двери в доме господина городского секретаря с петель. Хагенбух, другой городской секретарь, убедившись, что одному справиться с этой задачей трудно, пришел на помощь со своей необыкновенной физической силой. С легкостью мы сняли все двери, причем Зулцер не проявил никакого неудовольствия, а глядел на нашу возню с благожелательной улыбкой. Только на следующий день на наши вопросы, как при своей физической слабости он справился с задачей развесить двери по местам, он признался нам, что всю ночь до утра хлопотал над этим делом, так как ему хотелось, чтобы женщина, приходящая утром для уборки комнат, не застала никаких следов бурно проведенной ночи.

243

Я чувствовал себя свободным, как птица, и это ощущение действовало на меня возбуждающим образом. Часто мне самому бывало неловко от чрезвычайной экзальтации, охватившей мое существо. Нередко я перед первым встречным готов был изливаться в самых странных парадоксах. Уже вскоре по прибытии в Цюрих мне захотелось письменно изложить свои взгляды на общее состояние дел, как они сформировались под влиянием моего художественно-артистического опыта и политических событий того времени. Так как не оставалось ничего другого, как искать заработка пером, я решил написать для большого французского журнала, вроде тогдашнего *National* («Насьональ»), ряд статей и высказываний с революционной точки зрения, некоторые идеи о современном искусстве и его роли в жизни общества. Шесть таких очерков я отправил старому моему знакомому Альберту Франку, брату Германа Франка, тогдашнего владельца немецко-французского книжного дела, основанного моим зятем Авенариусом в Париже. Я просил заказать перевод и поместить статьи в журнал. Скоро я получил их обратно со справедливым замечанием, что парижская публика их не поймет, да и не обратит на них внимания особенно в настоящее время. Тогда я объединил все шесть статей под общим заглавием «Искусство и революция»¹³⁴ и отправил книгопродавцу Отто Виганду¹³⁵ в Лейпциг, который и взялся издать их отдельной брошюрой, послав мне

¹³³ Эттмюллер Эрнст Мориц Людвиг (Ettmüller; 1802–1877), немецкий филолог и поэт. В 1823–1826 гг. учился в Лейпцигском университете. В 1830 г. читал в университете Йены лекции по истории старонорвежской поэзии. Три года спустя переехал в Цюрих, где преподавал немецкий язык и литературу в местной гимназии. В 1863 г. получил место профессора Цюрихского университета. Ему принадлежит перевод «Эдды» и «Песни о Нибелунгах» (1837), «Беовульфа» (1840), а также составление *Lexicon Anglo-Saxonicum* (1851). Он автор *Handbuch der deutschen Literaturgeschichte* (1847) и *Herbstabende und Winternächte: Gespräche über Dichtungen und Dichter* (1865–1867). Кроме того, ему принадлежат собственные поэтические сочинения: *Deutsche Stammkönige* (1844) и *Das verhängnisvolle Zahnweh, oder Karl der Grosse und der Heilige Goar* (1852).

¹³⁴ Статья «Искусство и революция» (*Kunst und Revolution*) была написана Вагнером в течение двух недель июля 1849 г. в Цюрихе. Существовали две редакции: одна предназначалась для парижской газеты «Насьональ», другая – для Теодора Улига. В Париже статья была отклонена. Осенью 1849 г. вышла отдельной брошюрой в издательстве Отто Виганда (см. ниже).

¹³⁵ Виганд Отто Фридрих (Wigand; 1795–1870), немецкий издатель и политический деятель. Псевдоним Отто Фридрих

при этом 5 луидоров в качестве гонорара. Эта необыкновенная удача заставила меня подумать о дальнейшем использовании своих писательских способностей. Я разыскал между своими бумагами очерк, набросанный при изучении саги о Нибелунгах, дал ему заглавие *Die Wibelungen. Weltgeschichte aus der Sage*¹³⁶ и опять попытал счастья у Виганда. Радикально настроенный Виганд рассчитывал, что возбуждающий заголовок «Искусство и революция», а также тот необыкновенный интерес, который вызывал я лично как бывший королевский капельмейстер, ставший политическим эмигрантом, создадут известный шум в обществе и обратят внимание на мои статьи. И действительно, скоро я узнал, что брошюра «Искусство и революция» вышла вторым изданием, причем мне Виганд не сообщил об этом ничего. Мою новую рукопись он тоже принял и вновь прислал мне 5 луидоров. Впервые, таким образом, я стал извлекать выгоду из публикации моих работ. Очевидно, я напал на верный путь, которым активно мог идти навстречу судьбе. Я стал думать о том, чтобы ближайшей зимой прочесть в Цюрихе несколько публичных лекций по вопросам искусства и вообще надеяться на скромно доходную деятельность, не прибегая ни к каким должностям, особенно к музыке.

Мне казалось необходимым обеспечить себе таким путем какой-нибудь доход, ибо дела мои стали складываться так, что без постороннего заработка я совершенно не знал бы, как просуществовать. В Цюрихе я увидел остатки разбитой баденской армии и сопровождавшую их толпу беглецов, и зрелище это произвело на меня в высшей степени горестное впечатление. Известие о пленении Гёргея¹³⁷ в битве при Вилагоше отняло всякую надежду на благоприятный исход общеевропейской борьбы за свободу. И лишь с этого момента, пережив огромное, тяжелое потрясение, я от внешних событий обратил свой взор на самого себя, на свою внутреннюю жизнь. Ежедневно после обеда, в тягостном настроении, я заходил в «Литературное кафе» [Café littéraire]. Там, среди тупой человеческой толпы, играющей в домино и азартные игры, я пил свой кофе и мечтательно рассматривал на стенах незамысловатые рисунки с античными сюжетами. В памяти моей выплывали виденные в ранней юности у зятя Брокгауза акварели Дженелли¹³⁸, изображавшие воспитание Диониса музами.

Раммлер (Otto Friedrich Rammler). В возрасте четырнадцати лет начал обучаться книгоиздательскому делу в Гёттингене. Оттуда, ненадолго задерживаясь в Лейпциге, Дрездене и Праге, переехал в Пресбург (Братиславу), где его старший брат Карл с 1811 г. являлся совладельцем книжного магазина. В Пресбурге завершил свое образование. В 1827 г. основал в Пеште собственное издательство, имевшее филиал в Лейпциге. Главным детищем издательства Виганда стала подготовка *Ungarische Konversationslexikon* («Венгерского универсального лексикона»), что явилось важным вкладом Виганда в венгерскую литературу. В 1833 г. в связи с активной поддержкой оппозиции Л. Кошута Виганд вынужден был покинуть Пешт и переехал в Лейпциг. Здесь он продолжил выпуск венгерских книг, а также обратился к публикациям авторов «Молодой Германии» и младогегельянцев. Являлся издателем работ А. Руге, Л. Фейербаха, И. Якоби и К. Маркса. В 1846–1852 гг. занимался выпуском 15-томного *Konversations-Lexicon* («Универсального лексикона»). После революционных событий 1848–1849 гг. был избран членом Городского совета Лейпцига и членом Второй палаты ландтага. В 1864 г. оставил книгоиздательский бизнес, передав управление своему сыну Хуго Карлу Виганду (1822–1873). Само издательство «Отто Виганд» просуществовало до начала XX в.

¹³⁶ Напомним, что работа «Вибелунги. Всемирная история на основании сказания» была написана Вагнером в 1848 г.

¹³⁷ Гёргей Артур (Görgei; 1818–1916), венгерский военачальник и революционер. В 19 лет начал военную карьеру, но в 1845 г. оставил службу и поступил в Пражский университет, где изучал химию. После начала Венгерской революции вернулся в армию в чине капитана и вскоре возглавил национальную гвардию. 4 мая 1849 г. захватил столицу Венгрии. Принял пост военного министра революционного правительства. Однако после вступления в войну России венгерская революционная армия стала терпеть поражения. 13 августа 1849 г. в битве при Вилагоше (Világos; ныне Ширия [Şiria] на территории Румынии) основные силы венгров под командованием Гёргея капитулировали перед войсками И. Ф. Паскевича; сам Гёргей был вынужден сдаться в плен. В 1867 г. он был помилован и вернулся в Венгрию. Долгое время считалось, что жизнь он купил ценой предательства, что не соответствует действительности. В 1885 г. была предпринята попытка реабилитации его честного имени; ныне его заслуги перед родиной сомнений не вызывают.

¹³⁸ Дженелли Бонавентура (Genelli; 1798–1868), немецкий художник итальянского происхождения. Родился в Берлине. В 1814 г. поступил в Берлинскую академию художеств. В 1822–1832 гг. жил в Риме, где глубоко изучал искусство эпохи Возрождения. В 1832 г. переехал в Лейпциг, а в 1836 г. – в Мюнхен. В 1859 г. Дженелли принял приглашение Великого герцога Карла Александра Саксен-Веймар-Айзенахского (1818–1901) и уехал в Веймар, который не покидал до конца жизни. В своем творчестве отдавал предпочтение графике и акварели. Создал несколько циклов иллюстраций, в частности к произведениям Гомера (48 листов), к «Божественной комедии» Данте (36 листов), а также цикл «Жизнь ведьмы» (Leben einer Hexe; 10 листов) и «Жизнь художника» (Leben eines Künstlers; 24 листа). Кроме того, им созданы многочисленные отдельные

Здесь в голове моей сложились идеи, вылившиеся впоследствии в статье «Произведение искусства будущего». Мне показалось особенно знаменательным событием, когда из моих мечтаний я был однажды вырван известием о том, что в Цюрихе находится Шрёдер-Девриент. Я побежал в расположенную напротив гостиницу *Zum Schwerte*, чтобы повидаться с ней, и почти испугался, услышав, что она только что с пароходом уехала. Больше я ее не видел. Впоследствии я получил от жены, изредка встречавшейся с ней в Лейпциге, горестное известие о ее смерти.

244

Так, без почвы под ногами, беспорядочно провел я два летних месяца, пока не получил утешительного известия от Минны из Дрездена. Несмотря на то что она обошлась со мной грубо и оскорбительно, я все-таки не мог в глубине души считать себя совершенно свободным от забот о ней. Я с участием справлялся о ней у одного из ее родственников, причем рассчитывал, что она об этом узнает. Кроме того, я неоднократно просил Листа по мере возможности не оставлять ее без своего внимания. Теперь я получил письмо от нее самой. По письму я убедился, как умело эта деятельная женщина справлялась со своим трудным положением, и, кроме того, она тут же дала мне доказательство того, что искренно желает снова со мной соединиться. Минна выражала презрительное недоверие к моим планам, связанным с Цюрихом, но при этом заявляла, что считает себя обязанной как жена еще раз попытаться связать наши две жизни. Она высказала предположение, что Цюрих я предложу ей лишь в виде временного местопребывания и постараюсь устроиться в качестве оперного композитора в Париже.

Наконец, она объявила мне, что в сентябре, такого-то числа, она в сопровождении Пепса, попугая Папо и Натали, мнимой сестры своей, приедет в Швейцарию. Я снял две комнаты и пешком отправился из Рапперсвилля [Rapperswil] через знаменитый своей красотой Тоггенбург [Toggenburg] и Аппенцелль [Appenzell] на Сен-Галлен и Роршах. Когда в Роршахе я встретил свою странную семью, наполовину состоявшую из животных, то почувствовал себя растроганным. Признаюсь, особенно обрадовали меня собачка и птица. Жена же не замедлила расхолодить меня, пригрозив тут же, при первом свидании, что немедленно вернется в Дрезден, если встретит с моей стороны неподходящее обращение. Друзья приготовили ей на этот случай приют и поддержку. Но уже первый взгляд на Минну, постаревшую за короткий срок, наполнил меня состраданием к ней, и это помогло мне справиться с горечью обиды. Я постарался ободрить ее и представить ей наши нынешние злоключения как нечто преходящее. Сначала это удавалось мне с трудом. Уже внешний вид Цюриха произвел на нее дурное впечатление: Дрезден был и красивее, и больше. Друзей моих, с которыми я ее познакомил, она ни во что не ставила. Городского секретаря Зульцера она считала простым писцом: в Германии «такие люди не играют никакой роли». Особенно возмутила ее жена моего хозяина Александра Мюллера. Когда Минна стала горько жаловаться на то, что я довел себя до такого жалкого положения, госпожа Мюллер ответила, что, не пощадив жену, я этим проявил величие характера.

Мне было очень приятно услышать из уст жены, что она сохранила кое-что из нашей дрезденской обстановки: она рассчитывала, что эти вещи нам понадобятся. Это были довольно плохой рояль фирмы «Брейткопф и Гертель» и заглавный лист Корнелиуса к «Нибелунгам» в готической раме, висевший над моим письменным столом. С этой основой нашего будущего хозяйства мы решили устроиться, сняв маленькую квартирку в так называемых «Последних домах Эшера» [Hinteren Escherhäusern], расположенных на Цельтвеге

[Zeltweg]. С большим успехом ей удалось совершить трудную во многих отношениях продажу нашей мебели и сберечь при этом около 100 талеров для теперешних надобностей. Мою небольшую, но тщательно составленную библиотеку ей тоже посчастливилось, как она думала, прекрасно сохранить. Она передала ее брату моего зятя, книготорговцу и саксонскому депутату Генриху Брокгаузу, который настойчиво ее об этом просил. Как же была она поражена, когда, обратившись к нему с просьбой прислать книги, получила от смышленного родственника ответ, что он оставляет их у себя в обеспечение взятых у него в тяжелую минуту 500 талеров, и вернет тогда, когда я уплачу весь долг. Так как в течение многих лет я не был в состоянии вернуть 500 талеров, то моя библиотека, заботливо составленная применительно к моим личным потребностям, пропала для меня навсегда. Зульцер, звание которого ввело в заблуждение мою жену, несмотря на свое весьма незначительное состояние, нашел возможным выручить меня, и мы устроились в нашей маленькой квартирке так уютно, что могли вполне соответствовать вкусам моих здешних друзей с их скромными привычками. Талант моей жены проявился в полном блеске. Вспоминаю в особенности гениальное употребление, которое она сделала из ящика с рукописями и нотами: из него вышла прекрасная этажерка.

245

Возникал, однако, вопрос, где найти средства для нашего пропитания. Моя идея читать публичные лекции в Цюрихе встретила решительный протест со стороны Минны. Она признавала только один план, а именно предложенный Листом: выступить в Париже в качестве оперного композитора. Чтобы ее успокоить и не видя перед собой никаких перспектив, я вступил в переписку с моим большим другом Листом и с его секретарем Беллони. Необходимо было немедленно что-нибудь предпринять, и я согласился на предложение Цюрихского музыкального общества взять на себя управление его оркестром. Оркестр был маленький, бедный, и я положил много труда, чтобы разучить с ним [Седьмую] симфонию A-dur Бетховена. Исполнили мы ее, однако, с большим успехом. Гонорара я получил 5 наполеондоров. Жену мою этот концерт очень расстроил, так как напомнил ей о богатых средствах и блестящей обстановке недавних дрезденских концертов, которые требовали небольших усилий с моей стороны и давали известный доход. При всяком удобном случае, не обращая внимания на вопрос артистической щепетильности, она возвращалась все к одному и тому же: к возможной блестящей карьере в Париже. Оставалось неясным, откуда я добуду средств для путешествия в Париж, для жизни в нем, и я снова погрузился в размышления на занимавшие меня в то время художественно-эстетические темы. Приходилось бороться с жесточайшей нуждой, мерзнуть в маленькой квартире, лишенной солнца. И вот при этих условиях в течение зимних месяцев ноября и декабря я закончил довольно крупное сочинение «Произведение искусства будущего»¹³⁹. Минна не протестовала против моих занятий, так как я мог

¹³⁹ Работа «Произведение искусства будущего» (Das Kunstwerk der Zukunft) была написана Вагнером в октябре – ноябре 1849 г. Это первое теоретическое сочинение Вагнера, где он исчерпывающе излагает идеи музыкальной драмы. Книга вышла в 1850 г. в издательстве «Отто Виганд». На первом издании стояло посвящение (при последующих переизданиях было снято): «Людвигу Фейербаху посвящается с благодарностью и уважением». Многие биографы Вагнера настаивают на бесспорном влиянии Фейербаха (см. ниже) на композитора, которое на самом деле сильно преувеличено. К моменту написания того же «Произведения искусства будущего» Вагнер, по его собственному признанию, был знаком лишь с одной работой Фейербаха, а именно «О смерти и бессмертии», которую ему принес для ознакомления его друг Баумгартнер. Вагнеру «казалось прекрасной и утешительной идеей, что истинно бессмертным является лишь возвышенное деяние и одухотворенное произведение искусства». Это утверждение в первую очередь отвечало идеалам, которые исповедовал сам Вагнер. Говорить же о каком-либо серьезном влиянии философа на основании прочтения всего лишь одного его труда, мягко говоря, несерьезно. Отсюда можно сделать вывод, что Вагнер не столько писал «Произведение искусства будущего» под влиянием идей Фейербаха, сколько в его идеях находил подтверждение своим собственным.

сослаться на успех первой брошюры и надеяться, что труд, более крупный по объему, будет соответственным образом оплачен.

Таким образом, я пользовался некоторое время относительным спокойствием, причем сильнее всего занимало меня в это время чтение главнейших произведений Людвига Фейербаха. Уже издавна жило во мне стремление проникнуть в глубины философии наподобие того, как мне удалось под мистическим влиянием Девятой симфонии Бетховена проникнуть в глубокие основы музыки. Первые попытки в этом отношении были решительно неудачны. Ни один из лейпцигских профессоров не сумел удовлетворить меня своими лекциями по философии и логике. По рекомендации Густава Шлезингера¹⁴⁰, друга Лаубе, я добыл книгу Шеллинга «О трансцендентальном идеализме», но напрасно ломая голову над первыми ее страницами, я неизменно возвращался к Девятой симфонии. В последний период моего пребывания в Дрездене снова воскресло во мне старое стремление к философии на почве занятий историей, все сильнее и глубже меня увлекавших. Я обратился к «Философии истории» Гегеля. Здесь мне импонировало многое, и этим путем я надеялся проникнуть в святилище отвлеченной мысли. Чем непонятнее для меня были отдельные философские обобщения этого знаменитого, могучего мыслителя, слывшего создателем теоретического познания, тем сильнее мне хотелось понять суть «абсолюта» и всего, что с ним связано. Тем временем произошла революция. Практические планы о переустройстве общества отвлекли меня в сторону от философских занятий, и, как я уже упомянул, некто Мецдорф, бывший теолог, а теперь немецко-католический проповедник и политический агитатор, с калабрийской шляпой на голове, первый указал мне на Людвига Фейербаха как на «истинного и единственного философа современности».

Мой новый цюрихский друг, учитель музыки Вильгельм Баумгартнер, принес мне его книгу «О смерти и бессмертии». Особый, всеми оцененный лирический стиль автора произвел на меня, человека философски совершенно необразованного, чрезвычайно приятное впечатление. Еще со времен знакомства в Париже с Лерсом меня, как и всякого серьезного человека с богатой фантазией, занимали те замысловатые вопросы, которые изложены в этом сочинении с такой свежестью, с такой подкупающей обстоятельностью. Но в общем я до сих пор удовлетворялся мыслями, которые высказывались на эту значительную тему нашими великими поэтами. Откровенность, с какой Фейербах подходил в наиболее зрелых частях своей книги к интересным проблемам, вся его трагическая и социально-радикальная концепция, глубоко привлекали меня. Мне казалось прекрасной и утешительной идея, что истинно бессмертным является лишь возвышенное деяние и одухотворенное произведение искусства.

Несколько труднее удавалось мне сохранить интерес при чтении «Сущности христианства». Беспомощная расплывчатость в развитии основной мысли, взгляды на религию с субъективно-психологической точки зрения – все это ощущалось при чтении как известный недостаток. Тем не менее Фейербах являлся в моих глазах представителем решительного, радикального освобождения личности от тисков религиозного авторитета, от всех представлений, создавшихся на этой почве. Отсюда, я полагаю, ясны побуждения, под влиянием которых я снабдил свое «Произведение искусства будущего» посвящением Фейербаху и предисловием, обращенным к нему.

¹⁴⁰ Ошибка. Имеется в виду Густав Шлезир (Schlesier; 1811–1853 (?)), немецкий писатель и журналист. Родился в Дрездене; получил образование в Лейпцигском университете. В 1832–1834 гг. вместе с Г. Лаубе являлся редактором *Zeitung für die elegante Welt*. После 1834 г. поселился в Штутгарте, где в 1836 г. опубликовал труд *Deutsche Studien, auch unter dem Titel Oberdeutsche Staaten u. Stämme vom Standpunkt der Politik beleuchtet* («Верхненемецкие государства и племена с точки зрения политики»). Известность получили также написанные им «Воспоминания о Вильгельме фон Гумбольдте» (*Erinnerungen an Wilhelm Von Humboldt*; 1843–1847).

Друга моего Зульцера, ярого гегельянца, вовсе не признававшего Фейербаха как философа, очень, конечно, огорчило мое увлечение им. Во всем этом, говорил он, хорошо лишь одно, а именно то, что Фейербах возбудил во мне кое-какие мысли, хотя у него самого никаких идей нет. Меня же в пользу Фейербаха настроили главным образом следующие его выводы, благодаря которым он и отпал от Гегеля. Во-первых, лучшая философия – это не иметь никакой философии (этим он значительно мне облегчил задачу, ранее меня пугавшую), и, во-вторых, действительно лишь то, что дано в ощущении. В эстетическом восприятии чувственного мира Фейербах видел лишь рефлекс духа. Вот мысли, которые вместе с признанием ничтожества философии оказали огромную поддержку моей собственной концепции искусства, всеобъемлющего и доступного самому простому ощущению человека, концепции совершенной драмы, «произведения искусства будущего», дающего оплот нашим художественно-артистическим стремлениям. Вот на какие идеи, по-видимому, намекал Зульцер, пренебрежительно отзываясь о Фейербахе. Через короткое время я уже не мог больше интересоваться его сочинениями. Вспоминаю даже, что заголовок его новой книги «О сущности религии» произвел на меня впечатление настолько монотонное, что когда Гервег раскрыл ее при мне, я тут же захлопнул ее.

Тем временем я с большим интересом продолжал работать над своим трудом. Прибывший случайно в Цюрих Эдуард фон Бюлов, отец моего молодого друга, новеллист и последователь Тика, посетил меня в моей квартирке, и мне доставило истинное удовольствие прочитать ему главу о поэзии. Высказанные мною с радикальной решительностью идеи о литературной драме, о том, что каждое время должно непременно родить своего Шекспира, сильнейшим образом поразили его. Тем лучше, думал я: это заставит Виганда купить мое новое революционное творение и оплатить его соответственно объему. Я потребовал 20 луидоров, и он их мне обещал.

246

Ожидаемый гонорар должен был помочь мне выполнить принятое под влиянием нужды решение еще раз съездить в Париж и попытаться счастья в качестве оперного композитора. Дело складывалось самым подозрительным образом: мне лично не только была ненавистна самая мысль об этом, но я отчетливо сознавал, что, давая обещания, поступаю нечестно, так как никогда не буду в состоянии серьезно отнестись к их выполнению. Но все соединилось против меня и заставило предпринять новый шаг в этом направлении. В особенности Лист настаивал, чтобы я возобновил переговоры, начатые прошлым летом через Беллони. Делал он это из наилучших побуждений, твердо веря, что этим я выйду на достойную меня дорогу, ведущую к славе. Как серьезно я отнесся к своей задаче, видно из того, что я подробно разработал сюжет предполагаемой оперы и хотел поручить французскому автору переложить его в стихи. Мне и в голову не приходило в выборе и обработке темы положиться на него, а себе оставить лишь задачу музыкальной композиции. Я остановился на саге о Виланде-кузнеце, которой я в восторженных словах коснулся на последних страницах «Произведения искусства будущего». Она была мне известна по обработке сюжета, взятого Зимроком из *Wilkyna-Saga*¹⁴¹. Я сделал подробный сценический набросок, основательно разработал диалог трех актов и со вздохом решился все это переслать французскому автору.

¹⁴¹ Вилькина-сага или Тидрек-сага (Wilkinasaga, Thidhrekssaga), собрание северных саг; источник германской героической саги. Относится ко второй половине XIII в.; написано в Норвегии на основе нижнегерманских преданий. В середине XV в. появился шведский пересказ этого цикла. Название «Вилькина-сага» было дано шведским издателем Йоханом Перингскёльдом (Peringskiöld; 1654–1720) в 1715 г., исходя из того, что в повествовании неоднократно упоминается Вилькиналанд. В основном саге цикла группируются вокруг фигуры Дитриха Бернского. Также сюда вошли саги об искусном кузнеце Виланде, о Зигурде и бургундцах и т. д.

Чтобы предварительно познакомить парижскую публику с моей музыкой, Лист стал общаться с Сегером¹⁴², дирижером концертов Общества Сен-Сесиль [Concerts de St. Cécile]. В январе должна была быть исполнена увертюра к «Тангейзеру», причем мое присутствие считалось необходимым. Для этой поездки требовались средства, которых у меня не было, что причинило мне неожиданную тревогу. Тщетно обращался я за помощью к друзьям на родине – не выходило ничего. О том, как отнеслись к моей просьбе в семье моего брата Альберта, я узнал от его дочери, сделавшей в то время блестящую театральную карьеру: меня боялись и сторонились, как заразы. Зато совершенно неожиданно я встретил восторженно трогательное к себе отношение со стороны семьи Риттер, оставшейся в Дрездене. Я был знаком с нею через Карла Риттера, который однажды меня посетил. Узнав от друга моего Гейне о моем положении, госпожа Юлия Риттер, почтенная мать семейства, сочла себя обязанной предоставить в мое распоряжение через поверенного 500 талеров. В то же время я получил из Бордо письмо от г-жи Лоссо, которая в прошлом году посетила меня в Дрездене: она трогательно заверяла меня в своем неизменном сочувствии. Это были первые симптомы новой фазы, в которую отныне вступала моя жизнь. Зависимость моей судьбы от родственных связей постепенно падает, и вся моя жизнь складывается под влиянием внутренних, интимных отношений к людям посторонним.

В настоящую минуту эта неожиданная помощь заключала в себе некоторый элемент горечи: деньги как бы толкали к исполнению ненавистного парижского предприятия. И когда я попытался объяснить жене, что при новой поддержке мы можем пробиться и в Цюрихе, она пришла в величайшее негодование и жестоко напала на меня за слабость и нерешительность. Она заявила, что если я не приложу всех усилий, чтобы добиться чего-нибудь путного в Париже, она махнет на меня рукой, не желая быть свидетельницей того, как я стану влачить существование жалкого писаки и дирижера захудалых концертов. Так начался для нас 1850 год.

Ради собственного спокойствия я обещал уехать в Париж, и если пока еще медлил, то только из-за очень расстроенного здоровья. Пережитые волнения отразились на моих нервах, и возбуждение прежних дней, тяжелое и продолжительное, сменилось полной разбитостью. Я постоянно простужался в нашей нездоровой квартире, проводя все время за работой. Появились угрожающие симптомы. Я чувствовал боль в груди, и один врач, политический эмигрант, лечил меня смоляными пластырями. От действия этих пластырей я надолго потерял способность громко говорить. Но жена находила, что я должен ехать. Когда пришлось наконец идти на почту покупать билет, я чувствовал себя настолько обессиленным, что, обливаясь потом, не устоял на ногах. Я вернулся домой и еще раз заговорил с женой о том, не разумнее ли отказаться от путешествия. Она нашла, что в моем состоянии нет ничего угрожающего, что здесь большую роль играет мое воображение и что, когда я прибуду на место, сразу почувствую себя лучше. Невыразимо горькое чувство охватило меня, нервы мои болезненно напряглись, и с отчаянием, решительными шагами я отправился на почту, чтобы взять роковой билет. В начале февраля я уехал в Париж. Странные ощущения овладели мной, и если в глубине души таились кое-какие надежды, я должен сказать, что они шли из другого источника и во всяком случае не имели ничего общего с извне навязанной мне верой в возможный парижский успех.

¹⁴² Сегер (Зегерс) Франсуа Жан Батист (Seghers; 1801–1881), бельгийский скрипач и дирижер. Получил музыкальное образование в Парижской консерватории. Являлся одним из основателей Концертного общества Парижской консерватории (Société des concerts du Conservatoire). В 1848 г. основал Общество Сен-Сесиль (Société St. Cécile), концертами которого дирижировал до 1854 г. (вскоре после его ухода Общество прекратило свое существование). Название Общества происходит от названия зала Сен-Сесиль (salle Sainte-Cécile), который находился по адресу: улица Шоссе д'Антен, 49 bis (rue de la Chaussée d'Antin), где и проходили в основном концерты Общества. Зал славился своей акустикой, а его размеры позволяли проводить большие симфонические и хоровые концерты, на которых присутствовал цвет музыкальной жизни Парижа.

Первой заботой моей было найти тихую квартиру. Вообще с того времени я стал искать тишины везде, где бы ни устраивался. Извозчик вез меня с улицы на улицу, по самым глухим кварталам, которые все же казались мне чересчур шумными, и, раздосадованный, он наконец заметил мне: чтобы жить, как в монастыре, надо ехать не в Париж. Наконец мне пришлось в голову поискать квартиру в одном из *Cités*¹⁴³, где вовсе нет движения экипажей. И действительно, я нанял на *Cité de Provence* две небольших комнаты. Согласно настойчивым указаниям друзей я прежде всего отправился к Сегеру, чтобы переговорить с ним по поводу предполагаемого исполнения увертюры к «Тангейзеру». Оказалось, что своим запоздалым приездом я ничему не помешал, так как здесь даже не знали, где найти расписанные по инструментам партии для оркестра. Мне предстояло написать Листу, просить его заказать копии и ждать ответа. Беллони в Париже не было. Нечего было пока делать, и у меня оказалось достаточно времени, чтобы под тягостный вой шарманок поразмыслить о цели моего пребывания в Париже. Скоро ко мне пришел агент министерства внутренних дел, чтобы расспросить о причинах моего приезда (я казался очень подозрительным, как политический эмигрант), и мне стоило труда убедить его, что привели меня сюда интересы музыкального характера. К счастью, ему понравились партитура, которую я ему показал, и прошлогодняя статья Листа об увертюре к «Тангейзеру» в *Journal des Débats*. Уходя, он успокоил меня и уверил, что полиция не будет препятствовать моим мирным стремлениям.

Снова разыскал я моих старых парижских знакомых. Земпера я нашел в гостеприимном доме Деппешена. Он добывал себе сносный заработок исполнением различных заказов несамостоятельного характера. Семья его оставалась в Дрездене, откуда к нам приходили ужасающие вести. Каторжные тюрьмы были переполнены несчастными жертвами последнего саксонского восстания. О Рёкеле, Бакунине и Хойбнере сообщали, что, обвиняемые в государственной измене, они будут приговорены к смертной казни. Известия о жестокостях, проявляемых войсками по отношению к арестованным, заставляли нас считать наше собственное положение сравнительно счастливым.

С Земпером я встречался часто, и мы проводили с ним время довольно весело. Он надеялся устроиться вместе со своей семьей в Лондоне, где у него были виды на некоторые заказы. Мои последние писательские опыты и идеи, которые я в них проводил, интересовали его чрезвычайно. Мы много спорили, и в наших беседах нередко принимал участие Китц, что сначала забавляло Земпера, а потом стало его тяготить. Китца я нашел буквально в тех же условиях, в каких некогда покинул его. Он все еще не мог справиться со своими кистями и мечтал лишь об одном: чтобы революция и связанный с нею общий разгром помогли ему разделаться как-нибудь с квартирным хозяином. Тем не менее он нарисовал с меня очень недурной портрет в своей юношеской манере, цветными карандашами. Во время сеансов я, к сожалению, должен был разъяснить ему, что я разумею под искусством будущего. Это создало большую путаницу в его понятиях. Даже в буржуазных семьях, где он столовался даром, он вздумал вести живейшую пропаганду в мою пользу. Китц был тем же старым, верным, сердечно преданным другом, как и прежде. Даже Земпер научился мириться с ним.

Разыскал я тоже и моего значительно постаревшего друга Андерса. Встречаться с ним было очень трудно. С раннего утра он работал в библиотеке, где ему было запрещено кого бы то ни было принимать, затем отдыхал в кабинете для чтения, а обедал в тех домах, где давал

¹⁴³ Имеются в виду кварталы старого Парижа с узкими средневековыми улочками, не приспособленными для проезда экипажей. После 1854 г. все они, в том числе и упоминаемый Вагнером *Cité de Provence* (Сите де Прованс), были полностью уничтожены в ходе перестройки Парижа под руководством барона Жоржа Эжена Османа (Haussmann; 1809–1891).

уроки музыки. Здоровье его за это время сильно поправилось. Мне казалось раньше, что он идет навстречу верной смерти. Как это ни странно, ему помогло несчастье: он сломал себе ногу и попал в водолечебницу. Это оказалось для него спасением: здоровье его значительно окрепло. Он мечтал лишь об одном – быть свидетелем моего триумфа в Париже – и взял с меня слово, что на первом представлении моего нового творения я доставлю ему удобное место в театре, так как давки он не переносил. От моих литературных писаний он не ждал никакой пользы.

Тем не менее я снова занялся исключительно ими, так как выяснилось, что надеяться на исполнение увертюры к «Тангейзеру» не приходится. Лист своевременно изготовил оркестровые партии и переслал их сюда. Но Сегер заявил, что его оркестр представляет собой «демократическую республику», все члены которой пользуются одинаковым правом голоса. На совещаниях музыкантов было почти единогласно решено завершить зимний сезон без моей увертюры. Этого было достаточно, чтобы понять весь ужас моего положения. Писательство тоже давало малоутешительные результаты. Наконец в мои руки попал экземпляр «Произведения искусства будущего», отвратительно изданный у Виганда, с бездной грубых ошибок. Издатель сообщал мне, что может заплатить пока только половину моего гонорара. Он был введен в заблуждение бойким успехом «Искусства и революции» и чересчур высоко оценил рыночную стоимость моего литературного труда. Полнейший же неуспех моей второй брошюры «Вибелунги» раскрыл ему глаза. В это время некто Адольф Колачек¹⁴⁴, тоже эмигрант, задумал издавать в Париже ежемесячный немецкий журнал как орган прогрессивной партии и предложил мне участвовать в нем, причем назначил приличный гонорар. Чтобы пойти навстречу его приглашению, я написал большую статью под заглавием «Искусство и климат»¹⁴⁵. В ней некоторые из идей, только задетых в «Произведении искусства будущего», получили дальнейшее развитие. Кроме того, я окончательно обработал «Виланда-кузнеца». С материальной стороны труд этот оказался совершенно бесполезным. Последние полученные мной деньги были истрачены, и я с ужасом думал о том, что напишу теперь жене.

О возвращении в Цюрих и о дальнейшем пребывании в Париже я думал с одинаковой тоской. Это настроение усилилось после того, как я впервые услышал новое произведение Мейербера, его «Пророка». Все надежды на благородный подвиг в искусстве, которые еще год тому назад одушевляли лучших людей, лежали во прахе. А на их обломках, как результат промышленной сделки временного республиканского правительства, произведение Мейербера: заря того позорного дня отрезвления, который настал для мира. Мне было так противно присутствовать на этом спектакле, что я ушел в середине спектакля, несмотря на то что сидел в самом центре партера. Обычно я не позволил бы себе произвести шум во время представления. Но когда знаменитая «Мать» пророка¹⁴⁶ принялась изливать свое горе в пошлых руладах, мною овладело настоящее бешенство. Никогда я не мог заставить себя прослушать несколько тактов из этого произведения.

¹⁴⁴ Колачек Адольф (Kolatschek; 1821–1889), австрийский журналист и политический деятель. В 1848–1849 гг. являлся членом Франкфуртского национального собрания. В 1850–1851 гг. издавал журнал *Deutsche Monatschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben* («Немецкий ежемесячный журнал о политике, науке, искусстве и жизни»); в 1858–1862 гг. *Stimmen der Zeit* («Голоса времени»). Кроме того, в 1862 г. основал газету *Botschafter* («Посол»).

¹⁴⁵ В статье «Искусство и климат» (Kunst und Klima) Вагнер отстаивает идеи, близкие И. Г. Гердеру (см. ниже), о том, что искусство находится в прямой зависимости от условий климата.

¹⁴⁶ Премьера «Пророка» состоялась 16 апреля 1849 г. в Париже. Судя по описанию Вагнера, он ушел с первой картины четвертого действия, когда Фидес (Fidès), мать Иоанна Лейденского, со слезами рассказывает, как нашла в своем доме окровавленное платье сына и теперь считает его мертвым. Партию Фидес Мейербер писал специально для Полины Виардо-Гарсиа.

Но что предпринять дальше? Во время первого моего пребывания в Париже в тисках нужды я мечтал бежать в какую-нибудь из южноамериканских республик. Теперь я думал о Дальнем Востоке, где мог бы сохранить человеческое достоинство и, порвав с современным миром, в неизвестности закончить свои дни. В таком настроении находился я, когда получил письмо от г-жи Лоссо, в котором она спрашивалась о моем настроении. Содержание моего ответа побудило ее энергично просить меня отправиться в Бордо и отдохнуть в ее доме, забыв на время о всех своих злключениях. Поездка на юг, в новые места, к людям, хотя и незнакомым, но серьезно ко мне относящимся, меня привлекала. Я рассчитался с хозяином и отправился с дилижансом через Орлеан, Тур и Ангулем вниз по Жиронде. Там меня с почетом, с величайшей приветливостью, встретили молодой виноторговец Эжен Лоссо и его жена.

Ближайшее знакомство с этой семьей, с госпожой Тейлор, матерью г-жи Лоссо, помогло мне понять причину того участия, какое оказывали мне эти люди, стоявшие от меня столь далеко. Жесси – так звали молодую женщину в семье – прожила довольно долго в Дрездене, где подружилась с семьей Риттер. Под влиянием этой семьи, интересовавшейся моими произведениями, моей судьбой, сложилось и ее отношение ко мне. Я не имел никаких оснований не доверять этому. Когда я принужден был бежать из Дрездена и известия о моем положении дошли до семьи Риттер, между Дрезденом и Бордо завязалась переписка о том, как мне прийти на помощь. Жесси приписывала инициативу в этом деле госпоже Юлии Риттер. Однако у Юлии Риттер не было средств, чтобы одной выполнить свой план, и она вступила в переговоры с матерью Жесси, довольно богатой женщиной, вдовой английского адвоката. Молодая пара в Бордо была, собственно, ей обязана своим материальным благоустройством. Дамы пришли к соглашению, и теперь, когда я прибыл в Бордо, оказалось, что обе семьи решили предложить мне ежегодную субсидию в 3000 франков, пока обстоятельства мои не изменятся к лучшему. Мне оставалось только рассказать моим благодетелям, в каком положении находятся мои дела и каковы мои планы.

На мои успехи в качестве оперного композитора в Париже и вообще где бы то ни было надеяться более не приходится, я и сам не знаю, что мне остается предпринять. Во всяком случае я твердо решил охранить себя от позора, не добиваться успехов путями, могущими запятнать мою честь. Едва ли не одна только Жесси поняла меня, и хотя остальные члены семьи были со мной очень приветливы, я скоро заметил, какая пропасть отделяет меня и молодую женщину от ее мужа и матери. Муж, красивый молодой человек, был всегда занят делами, мать, плохо слышавшая, не могла принимать живого участия в наших беседах. Таким образом, между нами скоро установилась большая близость взглядов, установились доверчивые отношения. Жесси было тогда двадцать два года, она совершенно не походила на мать и была, по-видимому, вся в покойного отца. О нем я узнал много хорошего. Он оставил своей дочери большую, очень разнообразную библиотеку, что свидетельствовало о необычайных склонностях этого человека. Занятый адвокатской деятельностью, он уделял много внимания литературе и наукам. Благодаря ему Жесси еще в детстве хорошо овладела немецким языком и бегло на нем говорила. На сказках братьев Гримм она воспиталась и затем последовательно знакомилась с немецкими поэтами. Нечего говорить о том, что она в совершенстве знала английский язык. Кроме того, она владела французским языком соответственно требованиям образования и жизненных обстоятельств, но языка этого она не любила. Ее способности были изумительны: чего бы я ни коснулся, она сейчас же быстро и отчетливо схватывала суть вещей. То же было и с музыкой. Она легко читала ноты и настолько хорошо и бегло играла, что в состоянии была целиком исполнить, к моему вели-

кому изумлению, необыкновенно трудную сонату B-dur Бетховена¹⁴⁷, в то время как в Дрездене я не мог найти пианиста, способного справиться с этой вещью.

Все это было чрезвычайно приятно, но тем резче было разочарование, когда она однажды запела. У нее оказался острый, резкий фальцет. Она пела с большим азартом, но без всякого чувства. Она напугала меня этим до такой степени, что я не удержался и стал просить ее на будущее время больше не петь. При исполнении сонат она охотно принимала к сведению мои указания относительно верности выражения, но я чувствовал, что духа моих слов она все-таки не улавливала. Я познакомил ее с моими последними литературными работами, и она легко овладела даже самыми смелыми из моих идей. «Смерть Зигфрида» понравилась ей чрезвычайно, но предпочтение она отдавала «Виланду-кузнецу». Позднее она признавалась мне, что жребий самоотверженной невесты Виланда был ей ближе, чем отношение Гутруны к Зигфриду.

Скоро выяснилось, что окружающие являлись помехой в наших занятиях, в наших беседах. Оба мы прекрасно понимали, что госпожа Тейлор никогда не уразумеет настоящего смысла оказываемой мне поддержки, и это нас очень тяготило. Особенно же меня беспокоило то обстоятельство, что молодые супруги Лоссо совершенно друг друга не понимают. Очевидно, Лоссо чувствовал, что жена уже давно перестала его любить. Однажды он совершенно забылся и при всех с горечью заявил, что она не любила бы и ребенка, от него рожденного, и потому считает счастьем, что она не стала матерью. Как это часто бывает в таких случаях, это была внешне счастливая пара, но в действительности супругов разделяла пропасть, в которую я заглянул с ужасом и огорчением.

Протекли полных три недели, мое пребывание в Бордо уже близилось к концу, когда я получил письмо от жены, еще сильнее испортившее мое тягостное настроение. Она ничего не имела против моих новых друзей, но объявила, что если я немедленно не вернусь в Париж и не добьюсь исполнения увертюры и связанных с этим делом успехов, она откажется понимать меня. Если же, ничего не добившись, я вздумаю вернуться в Цюрих, она и вовсе махнет на меня рукой.

В то же время меня потрясло и патетически настроило газетное известие о том, что Рёкель, Бакунин и Хойбнер приговорены к смертной казни, которая и будет скоро приведена в исполнение. Рёкелю и Бакунину я написал лаконическое, но энергичное прощальное письмо, и так как был уверен, что прямым путем оно не проникнет к заключенным в крепость Кёнигштайн, я решил послать его госпоже фон Люттихау для передачи заключенным. Сделал я это, исходя из следующих соображений. Госпожа фон Люттихау была единственным лицом, которое имело возможность исполнить мое поручение. Кроме того, я предполагал, что при возможном разногласии во взглядах она благородно и независимо отнесется к моему желанию. Впоследствии мне рассказывали, что письмо попало в руки господина фон Люттихау, и он бросил его в печь¹⁴⁸.

Болезненное потрясение еще сильнее поддержало назревшее решение порвать со всем прошлым, уйти от искусства, от жизни, уединиться от всего мира ценой каких угодно лишений. Из небольшой ренты, предложенной моими новыми друзьями, я половину решил отда-

¹⁴⁷ Соната для фортепьяно № 29 (B-dur), op. 106. Крупнейшая и одна из наиболее сложных для исполнителя фортепьянных сонат Бетховена. Сочинялась с конца 1817 г.; была опубликована в сентябре 1819 г. под названием «Большой сонаты для клавира с молоточками», или «Большой сонаты для хаммерклавира». Иногда встречается упрощенное название «Хаммерклавиер» (Hammerklavier). Соната писалась в расчете на исполнение на т. н. хаммерклавиере (буквально «молоточковом клавиере»). Генрих Нейгауз называл это произведение «сокрушительным духовным взрывом».

¹⁴⁸ Письмо сохранилось. Перевод на русский язык можно найти в четырехтомном издании: Вагнер Р. Избранные письма и дневники. Обращение к друзьям. Т. I–IV. СПб., 1911–1912. Т. IV. С. 548. В частности, в письме есть следующие строки: «... Во сне и наяву – всегда вы были и оставались мне близки и дороги: в обаянии силы и страданий, достойные одновременно зависти и слез». Следовательно, в лице его друзей перед Вагнером был идеал самопожертвования, который он воспевал в своем творчестве.

вать жене, а сам думал укрыться куда-нибудь в Грецию, Малую Азию, заняться там чем попадется, лишь бы не помнить ничего и быть забытым навсегда. О моих планах я сообщил Жесси как единственному моему другу, прося ее объяснить моим покровителям, как намерен я употребить предложенную ренту. Она была всем этим очень обрадована. Недовольство собственным личным существованием заставляло ее мечтать в том же направлении. Понял я это из ее намеков и беглых замечаний. Не отдавая себе отчета, к чему все это должно повести, скорее взволнованный, чем успокоенный, не имея никаких определенных планов, я покинул в последних числах апреля Бордо. Выбитый из колеи, не зная совершенно, что предпринять, я отправился в Париж.

249

Больной, возбужденный, разбитый постоянной бессонницей, я пробыл восемь дней в гостинице *Valois* [«Валуа»], стараясь как-нибудь разобраться в необычайно странных обстоятельствах, в каких я очутился. Если бы я и хотел приняться за выполнение планов, насильственно мне навязанных друзьями, то здесь добиться чего-нибудь пока нельзя было. Недовольство, вызванное неразумными посягательствами на меня со стороны других людей, стремлением использовать мои силы в ненавистном мне направлении, разрослось в душе моей в яростный протест. Надо было ответить жене. Обсуждая нашу прошедшую жизнь в просторном, благожелательно откровенном письме, я сообщил ей, что пришел к твердому решению освободить ее от непосредственного участия в моей дальнейшей судьбе, так как считаю себя неспособным подчиниться ее желаниям и взглядам. Все, что я теперь и в будущем заработаю, я готов делить с ней пополам. Пришел тот случай, о котором она говорила при нашем первом свидании в Швейцарии, угрожая новой разлукой: она может его использовать немедленно. Я расставался с ней окончательно.

Об этом я тут же сообщил Жесси в Бордо. Предпринять какие-нибудь определенные шаги в смысле полного удаления из мира, как я называл это, я еще не мог – не хватало средств. Жесси ответила, что решила сделать то же самое и намерена отдаться под мою защиту, как только получит полную свободу. Я употребил все усилия, чтобы разъяснить ей, что далеко не одно и то же, если доведенный обстоятельствами до отчаяния человек, как я, бросается очертя голову в неизвестность, или если это делает молодая женщина, находящаяся в сравнительно недурных внешних условиях жизни. Притом же никто, кроме меня, не поймет ее настоящих побуждений. Она успокоила меня относительно эксцентричности своего поведения и объяснила, что выполнит свой план с соблюдением приличий, что прежде всего она собирается отправиться в Дрезден в дружественную ей семью Риттер. Все это взволновало меня до такой степени, что мне захотелось уйти в одиночество немедленно, хотя бы недалеко от Парижа.

В середине апреля я отправился в Монморанси, о котором слышал много хорошего. Там я решил найти для себя скромное убежище. С трудом пробираясь я среди еще совершенно зимнего пейзажа по окрестностям маленького городка и зашел наконец в садик одного вино торговца [*marchand de vin*], посещаемый обыкновенно только по воскресеньям. Чтоб подкрепиться, я велел подать хлеба, сыру и бутылку вина. Вокруг меня собрался целый курятник, и я стал кормить кур хлебом. Особенно тронул меня своей самоотверженной воздержанностью петух, отдававший курам даже те куски, которые я бросал специально ему. Постепенно куры становились смелее, забрались на стол и набросились бесцеремонно на мой завтрак. Забрался сюда и петух и, заметив, что порядок нарушен окончательно, набросился на мой сыр с жадностью, которую долго подавлял в себе. Скоро я был совершенно оттиснут от стола клокочущим хаосом. Это рассмешило меня, и впервые после долгого промежутка времени я сердечно рассмеялся.

Тут я заметил на вывеске дома, что имя хозяина Хомо [Homo]¹⁴⁹. В этом я увидел указание судьбы: здесь я должен найти себе комнату. Комната нашлась, маленькая и узкая, и я немедленно поселился в ней. Кроме кровати, в ней стояли некрашенный стол и два плетеных стула. Один из них я превратил в умывальник, а на столе я разложил книги, письменные принадлежности и партитуру «Лоэнгрин». В этой крайне жалкой обстановке я мог наконец вздохнуть полной грудью. Погода была скверная, по голым еще рощам совершать прогулки было трудно. Но я был совершенно одинок, чувствовал себя окончательно забытым и мог предать забвению все, что в последнее время так тревожило меня и мучило. Проснулось старое стремление к искусству. Я стал перелистывать партитуру «Лоэнгрин» и быстро решил отослать ее Листу и предложить ему как-нибудь поставить эту оперу в Веймаре. Когда я избавился от партитуры, я почувствовал себя свободным, как птица, и беззаботным, как Диоген. В таком настроении я пригласил к себе Китца разделить со мной радости деревенской жизни. Он действительно приехал, как некогда приехал в Мёдон, но обстановку мою нашел еще беднее, чем в тот раз. С удовольствием он разделил со мной обед, устроил себе на ночь импровизированное ложе из досок и, отправляясь назад в Париж, решил восстановить между мной и миром разорванную связь.

Но внезапно я был испуган известием, что жена разыскивает меня в Париже. Я пережил мучительный час, прежде чем предпринять что-нибудь. И я решил не давать ей повода думать, что мое последнее письмо объясняется поспешностью или простительным порывом. Я немедленно отправился из Монморанси в Париж, вызвал Китца к себе в гостиницу и просил его ничего не говорить жене, которая обращалась к нему: он знает обо мне только одно, что я покинул Париж. Бедный малый, относившийся к Минне, как и я, очень сердечно, был страшно огорчен. Чувствуя крайнюю неловкость своего положения, он заявил мне, что сознает себя как бы «осью, вокруг которой вертится все горе мира». Но он понял все значение и тяжесть моего решения и сумел исполнить свою нелегкую задачу умно и мягко.

В ту же ночь я покинул Париж и уехал по железной дороге в Клермон–Тоннер [Clermont-Tonnerre]¹⁵⁰. Там я хотел пробыть некоторое время и затем пробраться в Женеву и дожждаться известий от госпожи Риттер. Я был до того истощен, что не мог и мечтать о сколько-нибудь значительном путешествии, даже если бы для этого у меня были необходимые средства. Чтобы выиграть время, я перебрался на ту сторону Женевского озера в Вильнёв [Villeneuve], где легко нашел комнату в гостинице *Vuiron* [«Байрон»], пустующей в это время года. Здесь я узнал, что в Цюрих прибыл Карл Риттер, чтобы, как он еще раньше извещал, погостить у меня. Под условием строжайшей тайны я вызвал его к себе на Женевское озеро, где мы и встретились в середине мая в той же гостинице «Байрон». Мне понравилась его безусловная преданность. Я оценил, как быстро он понял мое положение, всю необходимость принятых мной решений, как легко, без лишних разговоров, одобрил он тот шаг, который я совершил по отношению к нему самому. Он был в полном восторге от моих последних литературных произведений, говорил о сильном впечатлении, какое они произвели на его знакомых, и тем побудил меня использовать немногие дни покоя и приготовить к печати «Смерть Зигфрида». Я написал небольшое предисловие, в котором объяснял друзьям, что это произведение является реликвией из той эпохи, когда я еще считал себя призванным заниматься чисто художественными работами, в частности музыкальными композициями. Рукопись я отослал в Лейпциг Виганду, который скоро вернул мне ее обратно. При этом он сообщал, что если вещь будет напечатана латинским шрифтом, как я на этом настаиваю, он не продаст ни одного экземпляра. Впоследствии я узнал, что те 10 луидоров, которые он

¹⁴⁹ Человек (нем. и франц.).

¹⁵⁰ Имеется в виду коммуна Ширан (Chirens), находящаяся в регионе Рона – Альпы; департамент Ширана – Изер; входит в состав кантона Вуарон. В Ширане находится замок Клермон – с XI в. «родовое гнездо» представителей дворянского рода Клермон-Тоннеров; отсюда и название, употребленное Вагнером.

остался мне должен за «Произведение искусства будущего» и которые я просил его передать жене, он упрямо отказывался уплатить.

250

В материальном отношении мое положение было крайне печально – следовало немедленно приняться за какую-нибудь работу. Однако это оказалось невозможным: через несколько дней по прибытии Карла реальная жизнь начала опять трепать меня самым неожиданным и мучительным образом. Госпожа Лоссо написала мне крайне тревожное письмо, где сообщала, что открыла свои намерения матери. Та немедленно заключила, что это интрига с моей стороны, и рассказала обо всем господину Лоссо, который поклялся, что разыщет меня, где бы я ни был, и убьет. Я решил поехать в Бордо, чтобы объясниться со своим противником. Я написал ему пространное письмо, где представил все дело в истинном свете, причем не умолчал о моем недоумении относительно того, как это возможно удерживать при себе женщину, которая вас знать не хочет. В конце я сообщал, что одновременно с письмом лично прибуду в Бордо и немедленно извещу, в какой гостинице он меня может найти. Я прибавил, что жена его о моем поступке не знает ничего, и поэтому он свободен в своих действиях. Не скрыл я также, что совершаю это путешествие с большими затруднениями, так как у меня нет времени, необходимого для визирования паспорта во французском посольстве. Госпоже Лоссо я в то же время написал несколько строк, прося ее успокоиться и взять себя в руки. О том, что я еду во Францию, я умолчал совершенно, согласно принятому решению (Лист, когда я впоследствии рассказал ему всю эту историю, нашел, что я поступил весьма глупо, не уведомив о своем шаге госпожу Лоссо).

В тот же день я простился с Карлом, чтобы на следующее утро отправиться в Женеву, а оттуда во Францию. Путешествие это по тому времени было нелегкое. В Женеве я почувствовал себя так скверно, что не мог отделаться от мысли о близкой смерти. В таком настроении я ночью написал письмо госпоже Риттер в Дрезден, где, между прочим, рассказал, в какую попал нелепую историю. На французской границе начались неприятности с моим паспортом. Меня настойчиво расспрашивали о цели поездки, и власти в виде исключения разрешили мне въезд во Францию, так как я энергично настаивал на том, что меня туда призывают неотложные семейные дела. Через Лион вниз по Оверни ехал я дилижансом. Путешествие длилось полных три дня и две ночи. В Бордо был пожар, когда рано утром я с вершины холма увидел его перед собой. Я остановился в гостинице *Quatre sœurs* [«Четыре сестры»] и отправил записку господину Лоссо, в которой сообщал свой адрес и обещал не выходить, пока он не явится. Было девять часов утра, когда я отправил эту записку. Весь день я напрасно ждал ответа, пока не получил довольно поздно, после обеда, приглашение немедленно явиться в полицию. Там меня спросили, в порядке ли мой паспорт. Я откровенно объяснил затруднение, в котором нахожусь, прибавив, что только серьезные семейные дела могли заставить меня предпринять путешествие сюда. Мне ответили, что как раз из-за этих-то семейных дел мне запрещается дальнейшее пребывание в Бордо. Я стал добиваться объяснений, и оказалось, что этого требует самым решительным образом заинтересованная семья. Сделанное мной открытие положительно развеселило меня. Я заявил полицейскому комиссару, что после утомительного путешествия нуждаюсь в отдыхе и потому прошу разрешения остаться здесь два дня. Он охотно дал мне его, так как заинтересованная в моем отъезде семья покинула нынче утром Бордо, и нам не грозит опасность встречи.

Эти два дня я действительно посвятил отдыху, написав лишь обстоятельное письмо Жесси, в котором изложил подробно все, что произошло, и заявил в заключение, что поведение ее мужа, прибегнувшего к доносу и отдавшего честь своей жены в руки полиции, считаю недостойным. Кроме того, я прибавил, что отказываюсь от каких бы то ни было отношений

с ней до тех пор, пока она не вырвется из этой позорящей ее обстановки. Оставалось только доставить письмо по назначению. По сведениям, полученным от полицейского комиссара, я не мог судить, надолго ли семья Лоссо оставила Бордо. Я решил поэтому пробраться в их дом. Придя туда, я нажал ручку дверей, и они открылись. Дом был совершенно пуст, и я беспрепятственно прошел по всем комнатам первого этажа в комнату Жесси. Там я нашел ее рабочую корзину, положил туда письмо и спокойно удалился, никем не замеченный.

По прошествии двух дней, не потревоженный никем, я отправился обратно в Женеву. Был май, стояла прекрасная погода. Я любовался прозрачной водой Дордони [Dordogne], чудесной реки со столь милым именем, вдоль которой вез меня дилижанс. По дороге меня забавляла беседа с моими попутчиками – священником и офицером: оба решительно высказывались за необходимость покончить с французской республикой, причем священник проявлял гораздо более мягкости и либерализма, чем военный, у которого был один припев: *Il faut en finir*¹⁵¹. По пути я воспользовался случаем ближе познакомиться с Лионом и, прогуливаясь по улицам города, старался воскресить в воображении сцены, так живо описанные Ламартином в «Истории жирондистов». Наконец я вернулся в Женеву, а затем и в гостиницу «Байрон», где Карл Риттер ждал меня с приятными вестями от его семьи. Мать успокоила его насчет состояния моего здоровья, объяснив, что людям с расстроенными нервами свойственны мрачные размышления о близости смерти, что серьезно за меня опасаться нечего. Кроме того, она сообщила, что в скором времени намеревается посетить нас в Вильнёве вместе с дочерью Эмилией. Эти известия подействовали на меня ободряющим образом. Кажется, эта семья послана небом, чтобы поддержать меня и повести к новой жизни, к которой я так стремился.

В самом деле, через несколько дней приехали обе женщины отпраздновать со мной 22 мая – тридцать седьмую годовщину моего рождения. Наиболее сильное впечатление произвела на меня фрау Юлия. В Дрездене я видел ее всего один раз, когда Карл от ее имени просил меня присутствовать при исполнении его квартета. Меня приятно поразила та почтительность, с какой относились ко мне члены этой семьи. Мать мало со мной разговаривала, но когда я уходил, она со слезами благодарила меня за посещение. В ту минуту меня это просто удивило, теперь же, спрошенная о причине ее тогдашних слез, она объяснила, что была тронута вниманием, оказанным ее сыну. Дамы пробыли у нас около недели. Мы старались развлечься, совершали прогулки в прекрасную Валлийскую долину. Но госпожа Риттер оставалась глубоко озабоченной происшедшими со мной в последнее время событиями, с которыми она подробно ознакомилась только сейчас, как равно и тем, что ждет меня впереди. Впоследствии я узнал, что этой женщине, больной, страдающей нервами, пришлось напрячь все силы, чтобы совершить настоящее путешествие, и только когда я стал настойчиво предлагать ей переселиться в Швейцарию, где мы могли бы все вместе прекрасно устроиться, она объяснила мне, что на основании ее теперешней, с исключительными целями предпринятой поездки я не должен судить о ее физических силах: в действительности она разбитый человек. Уезжая, она передала на мое попечение своего сына и вручила необходимые нам обоим средства. О своих материальных возможностях она сообщила мне, что они ограничены, а так как о прежнем плане совместной с семьей Лоссо заботы обо мне теперь не может быть и речи, она серьезно занята мыслью, как ей одной справиться с этой задачей и обеспечить мне свободу. По истечении недели мы с глубоким волнением простились с этой почтенной женщиной. Она отправилась обратно с дочерью в Дрезден, и я более с ней никогда не встречался.

¹⁵¹ «Этому должен быть положен конец» (франц.).

Я продолжал думать о том, куда укрыться от мира. Наконец я остановился на одной довольно пустынной горной местности, куда мы и удалились с Карлом. Это была уединенная Висперская долина [Visper-Tal] в Валлийском кантоне. С довольно большим трудом добрались мы по малопроезжим дорогам до Церматта [Zermatt]. Там, у подножия колоссального и дивно прекрасного Маттерхорна [Matterhorns], мы могли себя чувствовать удаленными от всего света. В этой пустыне я постарался кое-как устроиться, но скоро заметил, что Карл чувствует себя довольно плохо при новых условиях нашей жизни. Уже на второй день он признался мне, что ему здесь не по себе, что на берегу одного из крупных швейцарских озер ему было бы легче. Мы стали изучать карту Швейцарии и остановились для первого опыта на Тунском озере. К сожалению, я опять почувствовал полный упадок сил. Нервы мои настолько ослабели, что при малейшем телесном напряжении я весь обливался потом. С напряжением всех сил выбрался я из этой долины. Мы доехали до Туна и, несколько ободрившись, наняли две небольших, скромных, но веселых комнаты у самой дороги – здесь мы решили сделать попытку обосноваться. Беседы с моим молодым приятелем, несмотря на его молчаливость и робость, были мне очень приятны и действовали на меня освежающе, особенно с тех пор как он перед сном заимел привычку усаживаться поуютнее на моей постели и оживленно делиться со мной на приятном, чистом диалекте остзейских провинций своими впечатлениями. Я развлекался в эти дни чтением «Одиссеи», случайно попавшей в мои руки впервые после долгих юношеских лет. Этот тоскующий по родине, вечно странствующий, бодро преодолевающий всевозможные препятствия герой Гомера был необыкновенно близок душе моей.

Но внезапно мир мой был нарушен письмом, полученным Карлом от г-жи Лоссо. Он не решался мне его показать, так как думал, что Жесси просто сошла с ума. Я силой вырвал у него письмо и прочел его. Молодая женщина считала себя обязанной сообщить моему другу, что теперь она совершенно разгадала меня и намерена окончательно порвать всякие отношения со мной. Впоследствии я с помощью г-жи Риттер узнал следующее. Получив письмо с извещением о выезде в Бордо, Лоссо, посоветовавшись с госпожой Тэйлор, немедленно уехал оттуда со всей семьей в деревню, чтобы переждать, пока я не покину Бордо. В полицию он обратился с просьбой ускорить мой отъезд. В деревне от молодой женщины утаили суть событий. Ей ничего не сказали ни про мое письмо, ни про мою поездку в Бордо, уговорив спокойно выждать один год и отложить путешествие в Дрезден. С нее взяли слово не поддерживать со мной никакой корреспонденции. Так как ей обещали по истечении года дать полную свободу, то она и согласилась. Тем временем оба заговорщика приложили все усилия оклеветать меня в ее глазах. Сами они были уверены, что я намеревался ее похитить. Госпожа Тейлор обратилась с письмом к моей жене, где, сообщая о затеянной мной попытке создать в чужой семье «супружескую измену», выразила ей свое глубочайшее сочувствие и предложила материальную поддержку. Бедная Минна немедленно решила, что вот где кроется причина моего отказа от совместной с ней жизни, и ответила госпоже Тейлор слезным письмом. Во всей этой истории удивительное какое-то недоразумение сочеталось с намеренной ложью. Как-то раз в одном несерьезном разговоре Жесси сказала мне, что она не принадлежит ни к одной из существующих религий, так как отец ее был членом особой секты, не признающей крещения ни по протестантскому, ни по католическому обряду. Я утешил ее тем, что мне случалось сталкиваться с представителями еще более странных сект. Так, например, вскоре после моего венчания я узнал, что обряд был над нами выполнен в Кёнигсберге

одним священником, принадлежавшим к секте мукеров¹⁵². Бог знает, в каком виде Жесси передала этот разговор своей матери, но в результате госпожа Тейлор сообщила Минне, что я считаю наш брак недействительным. Дальнейшие письма моей жены к Жесси подлили масла в огонь. Жена постаралась выставить меня в настоящем свете, что и побудило Жесси написать моему молодому другу это странное письмо. Признаюсь, больше всего меня возмутило поведение Минны. Что обо мне думают супруги Лоссо и госпожа Тэйлор, было для меня совершенно безразлично. Поэтому я охотно принял предложение Карла отправиться в Цюрих, разыскать там мою жену и дать ей необходимые разъяснения.

Пока я ждал его возвращения, я получил письмо от Листа. Он писал мне о том огромном впечатлении, какое произвела на него партитура «Люэнгрин», и сообщал, что это впечатление решительным образом изменило его взгляды на меня и на мое будущее. Пользуясь данным мной разрешением, он готов напрячь все силы и поставить оперу в Веймаре к предстоящему торжеству в честь Гердера¹⁵³. Почти одновременно пришло письмо от госпожи Риттер. Она прекрасно понимала сущность всех разыгравшихся событий и просила не принимать их близко к сердцу. Вернулся наконец из Цюриха и Карл. Он с большой теплотой отозвался о поведении моей жены. Не найдя меня в Париже, она не растерялась, а напротив, с редкой энергией принялась устраивать свою жизнь по-новому. Соответственно моим желанием, она сняла подходящую квартиру в уединенном тихом месте на берегу Цюрихского озера в надежде услышать что-нибудь обо мне. Кроме того, он сообщил мне много похвального о Зульцере, о его сердечном отношении к Минне. Неожиданно у Карла вырвалось восклицание: «Ах, столкнуться с этими людьми, во всяком случае, можно! Но с сумасшедшей англичанкой ничего не поделаешь!» Я не сказал ничего, но с улыбкой спросил его, не тянет ли его в Цюрих? Он вскочил: «О, да! И чем скорее, тем лучше!» – «Будь по-твоему, – ответил я, – давай укладываться. И тут, и там для меня одинаково бессмысленно». Не говоря ни слова, мы на следующий день отправились в Цюрих.

¹⁵² Мукеры (Muckers; более правильное название Königsberger Mucker), мистико-пиелистское братство, основанное в Кёнигсберге Иоганном Генрихом Шёнорром (Schönherr; 1770–1826) и священником Иоганном Вильгельмом Эбелем (Ebel; 1784–1861). В 1835 г. члены братства были обвинены в безнравственных действиях во время молитвенных собраний. Следствие закончилось обвинением Эбеля, лишением его пасторского звания и к заключению в исправительном доме. Впоследствии обвинения кёнигсбергского религиозного движения в безнравственности не получили доказательств.

¹⁵³ Гердер Иоганн Готфрид (Herder; 1744–1803), немецкий мыслитель, поэт, историк культуры. Окончил богословский факультет Кёнигсбергского университета. В 1764 г. переехал в Ригу, где начал литературную деятельность. В 1776 г. благодаря И. В. Гёте переселился в Веймар, где получил должность придворного проповедника. Считал, что каждый народ должен иметь литературу, проникнутую национальным духом. Плодом изучения народной поэзии стала антология Гердера «Народные песни» (Völklieder, 1778–1779), известная также как «Голоса народов в песнях» (Stimmen der Völker in Liedern). Кроме того, Гердер доказывал, что литература зависима от естественной и социальной среды: климата, языка, нравов, определенных условий исторического периода. Носителем подлинного искусства является «естественный», близкий к природе человек. Гердер являлся апологетом идеи единства человеческой культуры; общей целью всего человечества, по его мнению, является обретение «истинной гуманности». Основные сочинения Гердера: «Фрагменты по немецкой литературе» (Fragmente zur deutschen Literatur; 1766–1768); «Критические роши» (Kritische Wälder; 1769); монументальный труд «Идеи к философии истории человечества» (Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit; 1784–1791); «Письма для споспешествования гуманности» (Briefe zur Beförderung der Humanität; 1793–1797).

Часть третья. 1850–1861

252

Минне посчастливилось найти вблизи Цюриха домик, действительно соответствовавший тем желаниям, которые я настойчиво просил перед отъездом иметь в виду при найме квартиры. В поселке Энге¹⁵⁴, четверть часа ходьбы от Цюриха, у самого озера стоял старинный бюргерский дом, носивший название *Abendstern* [«Вечерняя звезда»] и принадлежавший симпатичной старой даме, фрау Хирцель [Hirzel]. Здесь жена моя совершенно недорого сняла верхний этаж, обособленный от остальной части дома и представлявший все минимальные удобства, необходимые для жизни. Я прибыл рано утром и застал Минну еще в постели. Понимая, что ее мучит мысль, не возвратился ли я к ней из одного только чувства сострадания, я постарался разубедить ее в этом, причем сумел настолько успокоить, что она обещала никогда больше не упоминать о случившемся. Впрочем, она чувствовала себя в своей стихии, показывая мне результаты своей умелой распорядительности. Так как наши материальные дела за последние годы стали постепенно улучшаться, то, несмотря на тяжелые затруднения, с которыми приходилось иногда бороться, в доме нашем все же создалась атмосфера, не лишенная уютности. Однако я не мог победить в себе желания, иногда очень сильного, раз навсегда порвать с привычной для меня обстановкой.

Прежде всего мои собака и попугай, Пепс и Паппо, вносили приятное оживление в наш домашний обиход. Оба до такой степени любили меня, что чувство их было мне иногда в тягость. Пепса я всегда брал к себе на рабочее кресло, где он располагался позади меня, а Паппо, когда я слишком долго не приходил в гостиную на его настойчивые призывы «Рихард!», обыкновенно прилетал в мой кабинет на письменный стол и весьма непринужденно распоряжался перьями и бумагой. Он был так хорошо дрессирован, что никогда не издавал неприятных криков, а всегда или говорил, или пел. Заслышав на лестнице мои шаги, он встречал меня, насвистывая главную маршеобразную тему заключительной части с-молл-ной симфонии¹⁵⁵, начало Восьмой симфонии F-dur или торжественный мотив увертюры «Риенци». Собачка Пепс отличалась необычайной нервностью, за что мои друзья прозвали ее «сумасшедший Пепс». По временам нельзя было сказать ей ласкового слова без того, чтобы она не принималась тотчас же выть и всхлипывать. Оба они заменяли нам детей, и моя жена чувствовала к ним привязанность, почти граничившую с материнской любовью, что, к радости моей, служило для нас источником взаимной симпатии.

Но зато отношение Минны к несчастной Натали вызывало постоянные пререкания между нами. До самой смерти в силу какой-то непонятной стыдливости она не открывала девочке, что она ее мать. Та всегда считала себя сестрой Минны и не понимала, почему с ней обращаются не как с равной. Присваивая себе авторитет матери, Минна постоянно сердилась на Натали за ее непонятливость. Правда, в том возрасте, когда формируется характер, девочка была предоставлена сама себе и совершенно заброшена. Вследствие этого она очень сильно отстала в своем умственном и физическом развитии. При маленьком росте, с склонностью к полноте она была неповоротлива и бестолкова. Вспыльчивость Минны, резкость ее обращения и постоянные насмешки с течением времени сделали эту девочку, в сущности очень добродушную, строптивой и озлобленной, так что ссоры мнимых сестер

¹⁵⁴ В 1893 г. Энге (Enge) вошел в состав Цюриха

¹⁵⁵ Пятая симфония Бетховена.

часто самым неприятным образом нарушали тишину и спокойствие в доме, и только совершенное безразличие, с каким я относился к окружающим, давало мне возможность терпеливо переносить все эти неприятности.

253

На первых порах наш небольшой домашний кружок приятно оживился переселением к нам моего молодого друга Карла [Риттера]: он занял маленькую комнатку под крышей, над нашей квартирой, разделял наши трапезы, мои прогулки и одно время казался вполне этим довольным. Но вскоре я стал замечать какую-то тревогу в его поведении. На его настроении сказывались те резкие сцены, которые составляли неотъемлемый атрибут моей совместной жизни с Минной, и ему нетрудно было уловить болезненность наших отношений, которые по его же инициативе я с таким добродушием, с такою уступчивостью решился восстановить. Он не нашелся, что сказать, когда однажды, воспользовавшись подходящим случаем, я напомнил ему, что мое решение вернуться в Цюрих было вызвано не надеждой на восстановление семейного счастья, а иными побуждениями. Но я заметил, что его странное поведение вызывается и другими причинами. Он стал часто опаздывать к столу, ел без аппетита. Сначала это приводило меня в смущение, так как я думал, что наш стол ему не по вкусу. Наконец, я узнал, что мой юный друг питал чрезмерное пристрастие к пирожным, и я прямо стал беспокоиться, как бы любовь к сладостям не отразилась печально на его здоровье. Мои замечания на этот счет, по-видимому, ему очень не понравились. А так как его отлучки из дому делались все продолжительнее, то я решил, что он недоволен своей скромной комнаткой, и потому не стал удерживать его от приискания другой квартиры в городе.

Заметив, что его стесняет наша домашняя обстановка, я с радостью воспользовался случаем, чтобы предложить ему уехать на время из Цюриха, так как пребывать у нас не доставляло ему, очевидно, особой радости. Я уговорил его поехать в Веймар на первое представление «Лоэнгрина», которое должно было состояться в августе нынешнего года. После его отъезда я предложил Минне совершить прогулку на Риги¹⁵⁶, куда мы оба поднимались обыкновенно пешком. При этом я в первый раз с огорчением подметил появившиеся у моей жены вследствие утомления от продолжительной ходьбы в гору симптомы сердечной болезни, развивавшейся довольно быстро. Вечер 28 августа, вечер первой постановки «Лоэнгрин» в Веймаре, мы провели в Люцерне, в гостинице *Zum Schwan* [«У лебедя»], следя по часам за временем начала и предполагаемого конца спектакля. Как я ни старался провести эти часы с женой в приятной оживленной беседе, какое-то ощущение натянутости, раздражения и внутренней несвободы мешало моим лучшим намерениям. Известия об этом спектакле, в самом скором времени до меня дошедшие, не заключали в себе ничего ясного, ничего успокоительного. Карл Риттер, вскоре вернувшийся в Цюрих, сообщил мне о разных сценических недочетах постановки, о неудачном исполнителе главной партии. Но он говорил, что в общем опера произвела на публику хорошее впечатление. Более всего заслуживали доверия отзывы, которые мне прислал сам Лист. Он считал излишним распространяться о скудных художественных средствах веймарского театра, недостаточных для выполнения его необычайно смелой попытки, и сообщал мне только о том впечатлении, какое произвела моя опера на многих выдающихся людей, приглашенных на спектакль, о том общем настроении, каким была одухотворена постановка.

Такое крупное событие в моей жизни должно было, конечно, оказать огромное влияние на мою дальнейшую судьбу. Но в данный момент оно ничего не меняло в положении моих

¹⁵⁶ Риги (Rigi), относящаяся к Альпам гора в Центральной Швейцарии. Высота 1797 м. Расположена на границе кантонов Люцерн и Швиц.

дел, и потому я живее всего интересовался вопросом, что думает предпринять мой молодой друг, предоставленный моему попечению. Проездом в Веймар он повидался в Дрездене со своей семьей. Возвратившись, он заявил мне о своем пламенном желании выбрать в качестве практической карьеры музыкальную деятельность и, если возможно, занять при театре место музыкдиректора. До тех пор я не имел еще случая ознакомиться в этом отношении с его способностями. При мне он не решался играть на фортепьяно, но он показал мне композицию на собственный текст, написанный аллитерационным стихом¹⁵⁷ под заглавием «Валькирия», и хотя она произвела на меня впечатление чего-то крайне беспомощного, я все же имел возможность убедиться в том, что он прекрасно знает композиторскую технику. В этом знании теории, несомненно, сказывались преимущества школы Роберта Шумана. Последний говорил мне, что он считает Риттера чрезвычайно одаренным юношей, что ему никогда еще не приходилось встречать у кого-либо из своих учеников такого тонкого слуха, такой прекрасной музыкальной памяти. У меня не было поэтому никаких оснований отнестись недоверчиво к дирижерским способностям моего молодого друга, в наличие которых он сам твердо верил.

Ввиду приближения зимнего сезона я постарался разузнать, кто станет во главе труппы, которая будет играть в Цюрихе. Мне было сообщено, что в данный момент она находится в Винтертуре. Тогда я обратился за помощью и советом к Зульцеру, который всегда был готов оказать мне дружескую поддержку, и он устроил мне свидание с Крамером¹⁵⁸, директором театра, на одном торжественном обеде в местной гостинице *Wilder Mann* [«Дикарь»]. Было решено, что Карл Риттер, которому Крамер на основании моей рекомендации предложил довольно приличное жалованье, вступит с октября в должность музыкдиректора при Цюрихской опере. Так как рекомендуемый мной юноша был новичком в оперном деле, то я должен был дать за него поручительство, которое состояло в том, что я брал на себя обязательство заменить за дирижерским пультом Риттера, если вследствие недостаточной его подготовки к капельмейстерской деятельности произойдут какие-либо задержки в ходе театральных дел. Карл, по-видимому, был очень доволен.

Когда наконец стал приближаться октябрь и вместе с ним день открытия театрального предприятия Крамера, который объявил, что в его опере будет обращено особое внимание на художественность постановок, я счел необходимым серьезно переговорить с моим другом относительно предстоящего в ближайшем будущем его выступления перед публикой в качестве дирижера. Чтобы дать ему возможность дебютировать в хорошо знакомой вещи, я выбрал для него «Фрейшютца». Карл несколько не сомневался, что он одолеет такую легкую партитуру. Но когда, победив застенчивость и нежелание играть в моем присутствии на фортепьяно, он стал разбирать вместе со мной клавирауспуг оперы, я, к ужасу моему, убедился, что Риттер не имеет ни малейшего представления о том, что значит аккомпанировать, и с характерной для всех дилетантов беззаботностью насчет точности исполнения совершенно спокойно удлинял, например, на лишнюю четверть такт, если ему нелегко было справиться с техническими трудностями при передаче партитуры. О ритмической точности, о темпе, которые так важны для дирижера, он не имел ни малейшего понятия. Я был поражен и даже не нашелся, что сказать моему молодому другу. Ошеломленный таким неожиданным

¹⁵⁷ Аллитерационный стих, прием стихосложения, основанный на аллитерации: в каждой строке по меньшей мере два слова должны начинаться с одного и того же звука. Характерен в первую очередь для древнегерманской и кельтской поэзии. В качестве примера произведений, написанных аллитерационным стихом, можно назвать «Беовульфа» и «Старшую Эдду».

¹⁵⁸ Крамер Филипп Вальбург (Kramer; 1815–1899), немецкий актер и театральный деятель. Дебютировал в 1834 г. в Городском театре Майнца (Stadttheater Mainz); с 1835 г. выступал в Вюрцбурге, Дюссельдорфе, Гейдельберге и Ульме. В конце 1830-х гг. переехал в Швейцарию. В 1840 г. получил ангажемент в Базель. В 1842 г. основал собственную труппу. В 1846 г. открыл театр в городе Кур (Chur), которым руководил в течение 21 года. Кроме того, в 1861–1862 гг. являлся директором Немецкого театра в Амстердаме. Репертуар театра Крамера отличался богатым разнообразием; его труппа гастролировала как в Швейцарии, так и в Германии. В 1872 г. ушел в отставку. Последние годы жизни провел в Кёльне.

открытием, я не стал его уговаривать отказаться от дирижирования, и когда дело дошло до оркестровой репетиции, все еще надеялся на внезапное обнаружение таланта. Единственное, о чем я позаботился, это купить для него пару очков, так как вследствие своей близорукости, о которой он совершенно не подозревал у себя, он так близко наклонялся к нотам, что уже не мог видеть ни певцов, ни оркестра.

Но стоило мне только раз увидеть, как Риттер держится за дирижерским пультом, к которому, несмотря на свои большие очки, он почти прикасался лицом, боясь отвести глаза от партитуры, стоило мне увидеть, как, точно во сне, он вырисовывал в воздухе палочкой какой-то фантастический такт, чтобы понять, что мне немедленно придется самому заменить его согласно обещанию, данному директору театра. Только с трудом удалось мне объяснить молодому Риттеру, что ему необходимо уступить свое место за дирижерским пультом мне. Делать было нечего, мне пришлось продирижировать первым спектаклем Крамеровского театра, «Фрейшютцем», и вследствие успеха, выпавшего на мою долю, я был поставлен в такое положение, что не мог отказаться от дальнейшего участия в его делах, так как этого требовала публика.

254

Очевидно, нечего было и думать о том, чтобы место дирижера при опере осталось за Карлом. По странному стечению обстоятельств одновременно с этим неприятным для меня открытием я узнал, что другой мой друг, Ганс фон Бюлов, с которым я познакомился еще в бытность свою в Дрездене, тоже решил избрать музыкальную карьеру. За год до этого я встретился с отцом его, Эдуардом фон Бюловым, в Цюрихе, куда он приехал сейчас же после вторичной своей женитьбы. Бюлов поселился у Боденского озера, и оттуда я получил письмо от Ганса, в котором он извещал меня, что, к величайшему огорчению, не может исполнить своего пламенного желания посетить меня в Цюрихе, о чем он писал мне раньше. Зная положение дел в семье Бюловов, я объяснял себе это письмо влиянием разведенной жены Бюлова, которая старалась удержать Ганса от артистической карьеры и уговаривала его, так как он был юрист по образованию, поступить на государственную службу или в дипломатический корпус. Но склонности и способности влекли его к музыке. Разрешив сыну повидаваться с отцом, она взяла с него слово, что он не заедет ко мне. С другой стороны, мне было известно, что и отец Ганса, вообще говоря, относившийся ко мне хорошо, тоже не разрешает своему сыну посетить меня. Мне оставалось поэтому предположить лишь одно, что Бюлов делает все это в угоду своей разведенной жене, не желая после всех столкновений, вызвавших их разрыв, дать ей новый повод к конфликту, несмотря на то что в данном случае решалась судьба их сына. Такое предположение настраивало меня в высшей степени враждебно по отношению к Эдуарду фон Бюлову. Быть может, я и ошибался, но тон письма Ганса, в котором он жаловался на то, что жестокая необходимость заставляет его выбрать карьеру, совершенно не соответствующую его склонностям, и обречь себя, таким образом, на вечную борьбу с самим собой, сразу внушил мне решимость помочь моему другу и сделать для него все, что я считал в данном случае необходимым.

При крайней экспансивности, какой я отличался в те годы, и ненависти ко всякой духовной тирании я принял такое решение, не колеблясь ни минуты. Я ответил Гансу подробным письмом, в котором указывал на то, какой серьезный шаг он собирается сделать. Что дело шло не только о выборе карьеры, но о решительном перевороте во всей его внутренней жизни, было ясно из полного отчаяния, растерянного тона его письма. Протягивая ему руку помощи, я написал, что на его месте никогда бы не отказался от дружеской поддержки, если бы почувствовал стихийное, непреодолимое желание избрать карьеру артиста, что я предпочел бы самые тяжелые лишения, лишь бы не идти путем, который не отвечает моим

склонностям. Поэтому я советую ему принять окончательное решение. Если, вопреки запрещению отца, он хочет приехать ко мне, то пусть по получении настоящего письма исполнит свое намерение, не считаясь ни с чем.

Карл Риттер был прямо счастлив, когда я передал ему письмо с поручением отвезти его в усадьбу Бюловов, где жил Ганс. Прибыв туда, он вызвал своего друга и, отправившись с ним на прогулку, передал ему письмо. Прочтя его, Ганс с места в карьер, в отвратительную, суровую, холодную погоду, решил пешком отправиться в Цюрих, так как ни у него, ни у его друга не было совершенно денег. И вот в один прекрасный день, промокшие и забрызганные грязью, они явились ко мне, совершив путешествие, полное разных приключений. Риттер сиял радостью по поводу удавшегося побега Ганса из дома отца, а молодой Бюлов казался потрясенным до глубины души. Я понял, что на мне лежит глубокая и серьезная ответственность. Болезненная возбужденность Ганса вызвала во мне искреннее сочувствие, и отныне наша дружба была скреплена на долгие годы.

255

Прежде всего я постарался вселить в Бюлова бодрость и светлые надежды на будущее. Материальные затруднения были скоро устранены. На тех же условиях, как и Карл, Ганс заключил контракт с дирекцией театра. Оба получали отныне небольшое жалованье, мое же поручительство за молодых музыкантов оставалось в прежней силе. Бюлову сразу пришлось взяться за дирижирование каким-то фарсом с музыкой. Не просмотрев ни разу нот, он с таким одушевлением и уверенностью повел за собой оркестр, что, к великому моему удовольствию, я сразу убедился в несомненной талантливости нашего новоиспеченного дирижера. Зато мне было очень трудно рассеять угнетенное состояние духа Карла, вызванное сознанием своей полной непригодности к практической музыкальной деятельности, на которую, по-видимому, он возлагал большие надежды. С тех пор я стал замечать какую-то робкую сдержанность и скрытую антипатию по отношению ко мне у этого юноши, замечательно одаренного во всем, что не касалось музыки. Но было совершенно невозможно сохранить за Карлом его пост капельмейстера и поручить ему дирижировать каким-либо спектаклем.

С другой стороны, возникли неожиданные затруднения и для Бюлова. Дело в том, что директор оперы, которому очень хотелось, чтобы я и впредь выступал в его театре дирижером, всячески старался заставить меня появиться за капельмейстерским пультом. Действительно, я дирижировал у него еще несколько раз, отчасти из желания возбудить интерес публики к сравнительно недурной труппе, отчасти для того, чтобы на собственном примере показать юным друзьям, особенно богато одаренному Бюлову, в чем заключается искусство оперного капельмейстера. Вскоре Ганс так хорошо стал справляться со своей задачей, что с чистой совестью я мог сложить с себя обязательство заменять его в случае каких-либо музыкальных неудач, о чем я и заявил директору театра. Одна молодая певица, избалованная моими похвалами, различными придирами старалась довести Бюлова до того, чтобы он сам передал свою капельмейстерскую палочку мне. Когда мы разобрались, в чем дело, и мне немало пришлось по этому поводу сердиться и нервничать, мы после двухмесячной деятельности Ганса в качестве дирижера по соглашению с дирекцией расторгли контракт, сделавшийся для нас источником величайших неприятностей. Так как в это время Бюлову было предложено место музикадиректора в Сен-Галлене, то в надежде на будущее я отпустил обоих молодых людей искать счастья в соседнем городе.

Эдуард фон Бюлов благоразумно покорился решению сына, сохраняя в душе тяжелое чувство по отношению ко мне. На мое письмо, в котором я оправдывался перед ним в своем поведении, он не ответил, но приехал, как я узнал, на свидание с сыном в Цюрих с целью

помириться с ним. В течение немногих зимних месяцев, которые молодые люди провели в Сен-Галлене, я несколько раз приезжал туда, чтобы повидаться с ними. Карл снова потерпел неудачу с глюковской увертюрой к «Ифигении». Я нашел его погруженным в мрачные мысли, совершенно ушедшим от всякой практической работы, охваченным тяжелыми чувствами, тогда как Ганс был весь поглощен своей деятельностью, несмотря на отвратительный состав труппы, ужасный оркестр, плохое театральное помещение и вообще, несмотря на отталкивающие условия, среди которых ему приходилось работать. Когда я увидел печальную обстановку Сен-Галленского театра, мы решили, что Ганс вполне доказал свою способность капельмейстера, что он обладает всеми качествами, необходимыми для практической деятельности дирижера. Теперь необходимо было найти для него такой пост, который давал бы возможность плодотворно применить его музыкальные дарования. Бюлов сообщил мне, что отец имел в виду снабдить его рекомендациями к барону фон Пойслею¹⁵⁹, тогдашнему интенданту Мюнхенского придворного театра. Но в дело опять вмешалась его мать, настаивая на том, чтобы для дальнейшего усовершенствования сын был послан в Веймар к Листу, чему я только мог от души сочувствовать. С искренней радостью я написал моему другу письмо, в котором горячо рекомендовал молодого Бюлова, дальнейшая судьба которого чрезвычайно меня волновала. На Пасхе 1851 года он покинул Сен-Галлен и на долгое время переехал в Веймар, выйдя, таким образом, из-под моей опеки. Риттер остался в своем меланхолическом уединении, не решаясь возвратиться в Цюрих, с которым у него были связаны неприятные воспоминания о первых его неудачах. Он продолжал жить в Сен-Галлене.

256

Более интересные художественные впечатления доставил мне приезд обоих друзей на зиму в Цюрих, где Бюлов выступил в качестве виртуоза на рояле на одном из концертов Музыкального общества. На этом концерте, к своему личному удовольствию и радости друзей, я дирижировал бетховенской симфонией. Дело в том, что дирекция общества вновь обратилась ко мне с просьбой принять участие в устраиваемых ею концертах. Так как постоянный оркестр был очень слаб, то я дал согласие лишь при условии, что будут дополнительно приглашены хорошие музыканты, главным образом для усиления группы струнных; причем мое участие в концертах обыкновенно ограничивалось дирижированием какой-либо бетховенской симфонией. На разучивание с оркестром выбранной мной для концерта симфонии я требовал каждый раз предоставления мне не менее трех репетиций. На эти репетиции съезжались музыканты из соседних городов, и потому все концерты общества при моем участии приобретали особенную торжественность. Кроме того, для прохождения одной только симфонии в мое распоряжение была предоставлена вся репетиция, и я имел достаточно времени, чтобы добиться тонкой нюансировки при исполнении Бетховена, произведения которого не представляли для музыкантов каких-либо особых затруднений в техническом отношении.

¹⁵⁹ Фон Пойсль Иоганн Непомук (von Poßl, 1783–1865), барон, немецкий композитор и театральный деятель. С декабря 1800 года учился на философском факультете университета Людвиг-Максимилиана (Ludwig-Maximilians-Universität) в Ландсхуте. Одновременно брал уроки вокала и композиции. В 1805 г. переехал в Мюнхен. Первый успех в качестве оперного композитора пришел к нему в 1808 г. с постановкой оперы «Антигона» (Antigonus). В 1812 г. была с успехом поставлена следующая опера, «Оттавиано в Сицилии» (Ottaviano in Sicilia). В июне 1814 г. опера фон Пойсля на сюжет трагедии Ж. Расина «Аталиа» (Athalie) была признана «национальной большой оперой». Следующий успех принесла композитору опера «Состязание в Олимпии» (Der Wettkampf zu Olympia), поставленная в апреле 1815 г. В сентябре 1823 г. Пойсль занял должность второго интенданта Придворного театра в Мюнхене; в мае 1824 г. – интенданта королевских придворных и национальных театров; в июне 1825 г. – интенданта Придворного музыкального театра. Среди других произведений Пойсля следует отметить оперы: *Dir wie mir* (1816); *Nittetis* (1817); *Issipile* (1818); *Die Prinzessin von Provence* (1825); *Der Untersberg* (1829); *Zayde* (1843).

Благодаря этому я достиг полной свободы в передаче оркестру своих намерений, чего мне до тех пор за все время моей дирижерской карьеры ни разу не удалось добиться.

То неожиданно сильное впечатление, какое произвели в моем исполнении симфонии, наполнило меня особенным энтузиазмом. В самом оркестре я открыл несколько действительно талантливых музыкантов, которые охотно подчинялись моим указаниям и скоро научились исполнять их совершенно так, как я этого от них требовал. Среди них упомяну о Фрисе [Fries], которого я посадил на место первого гобоя. С ним я разучил его чрезвычайно важную в бетховенских симфониях партию так тщательно, как если бы дело шло о вокальном соло. Действительно, на концерте, когда исполнялась *c-moll*'ная симфония, он провел адажио первой части с таким проникновенным выражением, какого я никогда не слышал при передаче этого места. Впоследствии, когда я отказался от дальнейшего участия в концертах общества, этот странный человек бросил свою деятельность оркестрового музыканта и открыл нотную торговлю.

Затем в лице Отт-Имхофа¹⁶⁰ мы имели одного из видных и богатых граждан Цюриха, любителя искусства и дилетанта, прекрасного кларнетиста, обладавшего, правда, небольшим, но очень нежным и мягким звуком. Кроме того, я должен указать еще на превосходного валторниста Бэра [Bär], поставленного мной во главе медных духовых. Благодаря ему эта группа музыкантов стала играть с особенной артистичностью. Не припомню, чтобы мне когда-либо пришлось услышать такой интенсивный и равномерный звук аккордов духовых в последней части *c-moll*'ной симфонии, как на концертах в Цюрихе. Такое впечатление произвела на меня в свое время передача Девятой симфонии оркестром Парижской консерватории.

Исполнение *c-moll*'ной симфонии возбудило энтузиазм публики, в особенности одного из моих друзей, государственного секретаря Зульцера, до тех пор совершенно равнодушного к музыке. Последний вдохновился настолько, что в ответ на какую-то враждебную мне заметку в местной газете написал целую поэтическую сатиру в духе Платена¹⁶¹ на моего непризванного критика.

Для участия во втором концерте общества, в котором я согласился выступить этой зимой и продирижировать «Героической симфонией», был приглашен, как уже сказано выше, в качестве пианиста Бюлов. Со свойственной ему смелостью, даже неосмотрительностью, он выбрал чрезвычайно остроумную, но трудную фортепьянную обработку увертюры к «Тангейзеру», приготовленную Листом. Своим исполнением Бюлов вызвал бурю восторгов. Меня поразила его блестящая виртуозная игра, на которую я раньше не обратил должного внимания, и она внушила мне самые прекрасные надежды на его будущее. В замечательных дирижерских и аккомпаниаторских способностях Бюлова я уже имел возможность убедиться во время его скитаний минувшей зимой, о которых я говорил коротко выше.

¹⁶⁰ Отт-Имхоф Ганс Конрад (Ott-Imhof; 1796–1859), швейцарский промышленник и дирижер. С 1845 г. один из концессионеров железной дороги Цюрих – Базель. В 1846–1856 гг. директор Швейцарской северной железной дороги (с 1853 г. – Северо-Восточная железная дорога). Дирижер и член правления Музыкального общества Цюриха в 1843–1849 гг.

¹⁶¹ Фон Платен-Халлермюнде Карл Август Георг Максимилиан (von Platen-Hallermünde; 1796–1835), граф, немецкий поэт и драматург. Начиная карьеру военного; в 1814 г. получил чин лейтенанта Баварской лейб-гвардии. В 1818 г. поступил в Бюргербургский университет, где изучал философию и филологию. В 1819 г. перешел в университет Эрлангена, где начал литературную деятельность. В 1821 г. издал первый сборник стихов Ghaselen («Газели»). В этом же году вышли в свет *Lyrische Blätter* («Лирические листки»). В 1823 г. – *Neue Ghaselen* («Новые газели»); в 1825 г. – *Sonette aus Venedig* («Сонеты из Венеции»). Одновременно писал сатирические драмы, такие как *Der gläserne Pantoffel* («Хрустальный башмачок»; 1823); *Der Schatz des Rampsinit* («Сокровища Рампсинита»; 1824); комедию *Der Turm mit den Sieben Pforten* («Башня с семью воротами»; 1825). В 1826 г. Платен уехал в Италию. В 1829 г. ему принесла успех новая драма *Der romantische Ödipus* («Романтический Эдип»). В 1831 г. выпустил новый стихотворный сборник *Polenlieder* («Польские песни»). В 1832 г. вернулся в Германию, где написал драму *Die Liga von Cambrai* («Камбрейская лига»; 1833). Однако в 1834 г. вновь уехал в Италию; умер на Сицилии. Музыка на стихи Платена писали многие композиторы, в том числе Р. Шуман, Ф. Шуберт, И. Брамс, Х. Вольф, Э. Хумпердинк, П. Хиндемит. Сатира Платена была направлена в первую очередь против различных романтических штампов.

В Цюрихе у меня часто собирались знакомые. В конце концов мои друзья основали целый музыкальный клуб для развлечений, которые стали возможными благодаря присутствию Ганса [фон Бюлова]. На его вечерах я сам исполнял подходящие отрывки из моих опер, причем Ганс брал на себя обязанности аккомпаниатора и справлялся с ними блестяще. Пользуясь случаем, я приступил к чтению своих рукописей. В продолжение целого ряда вечеров я читал все увеличивающемуся, чрезвычайно внимательному кругу слушателей написанную мной за зиму большую книгу «Опера и драма»¹⁶².

257

Несколько успокоившись и собравшись с мыслями, я стал думать о возобновлении серьезных работ. Но мне очень не хотелось приступать к композиции «Смерти Зигфрида». Не было настроения работать над партитурой, заведомо обреченной лежать в портфеле. Меня привлекала мысль как-нибудь, хотя бы окольными путями, добиться постановки моего произведения на сцене. Для этого я считал необходимым прежде всего объяснить немногочисленным друзьям моим, которые со всех сторон выказывали серьезный интерес к моей работе, задачи, так просто разрешавшиеся в моем уме, так отчетливо мне рисовавшиеся, но казавшиеся им едва намеченными. К этому представился вскоре особенно удобный случай. Зульцер показал мне статью «Опера» в «Универсальном лексиконе» Брокгауза, думая, что высказанные в ней мысли могут послужить подготовительным материалом для моего труда. При первом же беглом взгляде на эту работу я убедился в ошибочности высказанных в ней положений. Я старался обратить внимание Зульцера на основное различие между общепринятыми мнениями, которых держались даже весьма образованные люди, и моими взглядами на сущность искусства. Так как, естественно, каким бы даром слова я ни обладал, устно я не мог бы дать широкого распространения своим идеям, то немедленно по возвращении домой я принялся набрасывать план систематического и подробного их изложения. Так приступил я к составлению этой книги, которую выпустил в свет под заглавием «Опера и драма». Книга эта стоила мне нескольких месяцев напряженной работы и была закончена к февралю 1851 года.

Мне пришлось дорого поплатиться за увлечение, с каким я заканчивал этот труд. По моему расчету оставалось еще несколько дней усиленной работы над рукописью, как вдруг опасно заболел мой милый попугай, обыкновенно усаживавшийся на моем письменном столе и следивший за моим писанием. Так как это с ним случалось уже не раз и он всегда оправлялся от подобных заболеваний, то я не стал особенно беспокоиться. Жена просила меня сходить за рекомендованным нам ветеринаром, жившим в отдаленном квартале. Но я откладывал это дело со дня на день, не желая отрываться от письменного стола. Наконец однажды вечером в поздний час я окончил роковой манускрипт, а на другое утро славный Папо лежал мертвым на полу. Я был безутешен. Печаль мою искренно разделяла Минна, и

¹⁶² Книга «Опера и драма» (*Oper und Drama*) была написана в течение осени 1850 – зимы 1851 гг. Изначально, в сентябре 1850 г., Вагнер собирался написать развернутую статью о состоянии современной ему оперы. В процессе работы он пришел к решению не ограничиваться рамками статьи, а написать целую книгу под названием «Сущность оперы» (*Das Wesen der Oper*). В итоге в середине декабря Вагнер уже дал своей книге новое название «Опера и драма». По мере готовности Вагнер отсылал части книги Т. Улигу. Первая часть была выслана 20 января; вторая часть, озаглавленная Вагнером *Das Schauspiel und das Wesen der dramatischen Dichtkunst* (Драма и сущность драматической поэзии), – 2 февраля, третья под заголовком *Dichtkunst und Tonkunst im Drama der Zukunft* («Поэзия и музыка в драме будущего») – 15 февраля. Впервые отрывки из второй части под названием «О современной драматической поэзии» (*Über moderne dramatische Dichtkunst*) были напечатаны А. Колачеком в *Deutsche Monatsschrift für Politik, Wissenschaft, Kunst und Leben* в мартовском и майском номерах за 1851 г. Наконец в полном объеме «Опера и драма» вышла в свет в издательстве Вебера в сентябре 1851 г. (годом издания значился 1852-й).

наша общая привязанность к домашним животным должна была служить связующим симпатическим звеном между нами в дальнейшей совместной жизни.

Кроме домашних животных, нам оставались верными и преданными также и более старые цюрихские друзья, не обращавшие внимания на катастрофу наших семейных отношений. Из них наиболее ценным и выдающимся был Зульцер. Резкое различие наших природных интеллектуальных дарований, склонностей и темпераментов, казалось, лишь способствовало нашей дружбе. Мы постоянно открывали друг в друге неожиданные грани наших характеров, которые в силу глубоких оснований, на которых они зижились, являлись для нашего общения плодотворным и поучительным опытом. Зульцер был необыкновенно раздражителен и крайне хрупкого здоровья. Он поступил на государственную службу вопреки своим врожденным склонностям, которые принес в жертву строгому и добросовестному исполнению долга в широком смысле этого слова. Знакомство со мной погрузило его глубже, чем он считал это для себя дозволенным, в сферу эстетических наслаждений. Быть может, он разрешил бы себе этого рода увлечение с большей легкостью, если бы я относился к искусству менее серьезно. Тот факт, что художественно-артистической деятельности я придавал необычайное значение, несравненно большее, чем задачам государственности, выбивал его из нормальной колеи. Но именно глубоко серьезное отношение к вопросам искусства влекло его ко мне, к моим воззрениям на этот предмет. Так как наши беседы носили далеко не всегда мирный характер, то при обоюдной повышенной раздражительности споры наши часто разрешались бурными взрывами. Случалось иногда, что губы его начинали судорожно подергиваться, он хватал шляпу и палку и, не простившись, стремительно убежал. На следующий день он снова, как ни в чем не бывало, являлся в обычный час, и оба мы чувствовали себя так, как если бы между нами ничего не произошло. Тяжело было навещать его только в те дни, когда обычное мучительное физическое недомогание вынуждало его сидеть взаперти. Вопрос о здоровье приводил его в бешенство. И было только одно средство вернуть ему хорошее настроение: стоило лишь заявить, что вы пришли просить о дружеской услуге. Приятно изумленный, он сейчас же высказывал полную готовность сделать все, что угодно. Лицо его мгновенно прояснялось и становилось приветливым.

258

Резко отличался от него музыкант Вильгельм Баумгартнер. Это был жизнерадостный весельчак без малейшей склонности к самоугублению, изучивший фортепьянную игру как раз настолько, чтобы быть хорошим учителем и зарабатывать уроками ту сумму денег, которая ему нужна была на расходы. Он чувствовал прекрасное горячо, пока оно не принимало слишком возвышенных форм. Это было верное, доброе сердце, глубоко преданное Зульцеру. Но и влияние Зульцера не спасло этого человека от пристрастия к вину. К нам с самого начала присоединились еще два человека, связанных с Зульцером и Баумгартнером дружескими отношениями: дельный и почтенный второй государственный секретарь Хагенбух и удивительно добродушный, умственно не особенно одаренный и потому беспощадно третируемый Зульцером адвокат и редактор *Eidgenössischen Zeitung* [«Швейцарской газеты»] Бернгард Спири¹⁶³. Александр Мюллер, которого все более и более засасывали домашние неприятности, физические страдания и ремесленное занятие уроками, вскоре окончательно исчез из нашего кружка. К музыканту Абту¹⁶⁴, несмотря на его «Ласточек», я не чувствовал

¹⁶³ Спири Иоганн Бернгард (Spiri; 1821–1884), швейцарский юрист и редактор. В 1852 г. женился на Иоганне Луизе Хойссер (Heusser; 1827–1901), известной швейцарской писательнице, авторе книг для детей.

¹⁶⁴ Абт Франц Вильгельм (Abt; 1819–1885), немецкий композитор и дирижер. В 1838 г. поступил в гимназию Святого Фомы в Лейпциге, где изучал богословие и музыку. В 1841 г. получил должность капельмейстера в Придворном театре

ни малейшего влечения. К тому же он вскоре покинул нас для блестящей карьеры в Брауншвейге.

259

Цюрихское общество особенно обогащалось приливом различных лиц, потерпевших политическое кораблекрушение. По моем возвращении в январе 1850 года я уже застал там довольно элегантного с буржуазной точки зрения, но в достаточной мере скучного Адольфа Колачека. Он чувствовал призвание к издательству и основал *Deutsche Monatschrift* [«Немецкий ежемесячный журнал»]. Для всех побежденных в последнем восстании орган этот должен был служить ареной духовной борьбы. Мне несколько льстило, что он считал меня писателем. Он уверял, что союзу умственных сил, выступающему под флагом предприятия, недоставало как раз «такого человека», как я. Уже из Парижа я выслал ему статью «Искусство и климат». Теперь он охотно взял несколько крупных отрывков из неизданной еще «Оперы и драмы» и уплатил за них весьма приличный гонорар. Этот человек навсегда остался в моей памяти как образец тактичного редактора. Он дал мне однажды для прочтения рукопись рецензии на мое «Произведение искусства будущего» некоего господина Паллеске¹⁶⁵ и объявил, что без моего специального согласия, на котором он отнюдь не настаивает, он ее не опубликует. Я нашел, что если бы этот поверхностный, бессмысленный, составленный в самом высокомерном тоне отзыв появился на страницах журнала, я был бы вынужден дать на него обстоятельное возражение. Мне пришлось бы снова тратить время на утомительное изложение моих воззрений, их основных теорем. К этому я совершенно не был расположен. Потому и согласился с решением Колачека вернуть рукопись автору, рекомендуя поместить ее в каком-либо другом журнале.

Колачеку я обязан своим знакомством с Рейнгольдом Зольгером¹⁶⁶, действительно превосходным и интересным человеком. Этому последнему, с его беспокойным и несколько авантюристическим характером, стало нестерпимо заточение в маленьком, тесном цюрих-

в Бернбурге (Bernburg Saale), но вскоре переехал в Цюрих на должность хормейстера. В 1852 г. получил назначение в Придворный театр в Брауншвейге, где служил капельмейстером и хормейстером в течение 30 лет. Основал Певческую академию; являлся дирижером Брауншвейгского мужского певческого общества (Braunschweiger Männergesangverein). В качестве композитора написал более 3000 сочинений, среди которых подавляющее большинство занимают песни, которые были широко популярны, в том числе и в России. Кроме того, перу Абта принадлежат три оперы: *Des Königs Scharfschütz*; *Die Hauptprobe*; и *Reisebekanntschaften*, но, в отличие от песен, они не получили известности. Абт много гастролировал, в частности во Франции, Англии и России. В 1872 г. совершил гастрольный тур по США, выступая со своим хором во многих крупных американских городах. Одной из наиболее известных песен Абта являлась упоминаемая Вагнером *Wenn die Schwalben heimwärts ziehn* («Когда ласточки на родину вернутся»).

¹⁶⁵ Паллеске Эмиль (Palleske; 1823–1880), немецкий писатель, актер и чтец. Получил образование в Берлинском и Боннском университетах, где изучал филологию и историю; кроме того, серьезно занимался сценическим мастерством, решив посвятить себя сцене. Освоив профессию актера, играл в театрах Познани, Щецина. В 1845–1851 гг. был занят на характерных ролях в Придворном театре Ольденбурга. В 1851 г. оставил сцену и отправился в Берлин. Еще в конце 1840-х гг. завоевал популярность в качестве чтеца-декламатора. Его репертуар включал произведения Софокла, Шекспира, немецких классиков. После Берлина жил в Арнштадте и Веймаре, а затем в курортном местечке Таль (Thal) недалеко от Айзенаха. В это время написал три драмы: *Achilles* (1847); *König Monmouth* (1853); *Oliver Cromwell* (1857). Кроме того, его перу принадлежит двухтомник *Schillers Leben und Werke* («Жизнь и произведения Шиллера»; 1858–1859), а также *Die Kunst des Vortrags* («Искусство исполнения»; 1880).

¹⁶⁶ Зольгер Рейнгольд Карл Эрнст Фридрих (Solger; 1817–1866), немецкий государственный деятель, ученый и писатель. Изучал математику и философию в университетах Галле (1837–1840) и Грайфсвальда (Greifswald; 1840–1842). После революционных событий 1848–1849 гг. был вынужден бежать из Германии (принимал участие в Баденском восстании). В 1849–1852 гг. жил в Швейцарии. В 1852 г. уехал в Лондон; в 1853 г. переехал в Бостон. В 1859 г. вступил в Республиканскую партию; был профессором истории и математики в Американской Военной академии в Вест-Пойнте. В 1861 г. переехал в Нью-Йорк. В 1862 г. был амнистирован в Германии, но на родину не вернулся, а уехал в Вашингтон, где вступил в должность госсекретаря Департамента казначейства. Тогда же написал свое самое известное произведение *Anton in Amerika. Nouvelle aus dem deutsch-amerikanischen Leben* (*Anton in America. A novel from German American life*; «Антон в Америке. Роман из немецко-американской жизни»; 1862).

ско-швейцарском мирке. Он вскоре покинул нас и отправился в Северную Америку. Оттуда до меня доходили потом известия о его громких выступлениях и лекциях по поводу европейских событий. Жаль, что этот талантливый человек не прославил своего имени какими-нибудь значительными работами: все написанное им для нашего ежемесячника за короткое время его пребывания в Цюрихе принадлежит к числу превосходнейших вещей, когда-либо созданных в этой области немцем.

В новом 1851 году к этой компании присоединился еще Георг Гервег, которого я в один прекрасный день, к величайшему изумлению, встретил в квартире Колачека. Обстоятельства несколько неприятного для меня характера, приведшие его в Цюрих, сделались мне известны гораздо позже. Гервег приобрел изысканные манеры и держался в обществе с надменностью избалованного аристократа своего века. Речь его, уснащенная французскими восклицаниями, еще резче подчеркивала изысканность его внешнего облика. Но тем не менее вся его наружность, его живые глаза и приветливое обращение производили в высшей степени приятное впечатление и сразу привлекали к нему людей. Я почувствовал себя почти польщенным, когда он охотно принял приглашение на мои простые деревенские вечеринки. Правда, на них бывало иногда очень мило, в особенности когда Бюлов оживлял их своей игрой. Должен заметить, что от Гервега я не дождался никакого ответного приглашения. Когда я приступил к чтению своих рукописей, то, по уверениям жены, Колачек заснул, а Гервег сосредоточил все свое внимание исключительно на пунше. Когда впоследствии – о чем уже было упомянуто – в течение двенадцати вечеров кряду я читал моим цюрихским друзьям и знакомым «Оперу и драму», Гервег отсутствовал. Он считал ниже своего достоинства смешиваться с теми, которые книги моей понять не могли. Мало-помалу мы с Гервегом сблизились. Этому способствовали не только мое уважение к новопрославленному поэтическому таланту, но и сочувствие к его действительно нежной, богато одаренной натуре. Наконец, я в самом Гервеге заметил потребность общения со мной. Привычка постоянно затрагивать глубокие и серьезные вопросы, страстно меня тогда интересовавшие, по-видимому, оказывала облагораживающее влияние на этого человека. Упоенный своей быстро растущей поэтической славой, он погрузился, во вред себе, в столь чуждые его душе пошлые и мелочные заботы о внешности. Успеху моего влияния на него много способствовали стесненные обстоятельства, в которые он себя поставил, стараясь всегда одеваться с притязаниями на блеск. Как бы то ни было, в нем я впервые нашел тонкое сочувственное понимание самых смелых моих планов и замыслов, и вскоре я оказал ему свое полное доверие. Он говорил, что занят только моими мыслями, которыми никто еще не увлекался так искренне, как он.

260

Сердечная, почти нежная дружба упрочилась между нами, когда я сообщил Гервегу о новой драматической поэме, которой предполагал заняться наступающей весной. Осуществленная Листом в конце прошлого лета постановка «Лоэнгрина» на сцене веймарского театра дала результаты, которых никак нельзя было ожидать при ограниченных средствах, какими он располагал. Задача эта могла быть успешно разрешена только таким разносторонне и богато одаренным, дружески ко мне расположенным человеком, как Лист. Если не в его силах было сейчас же привлечь в веймарский театр выдающихся певцов, подходящих для «Лоэнгрина», если относительно многого ему пришлось ограничиться лишь намеками, то зато он приложил все усилия к тому, чтобы вдохновенно осветить все недоговоренное в этой постановке. Прежде всего он написал обстоятельную статью о значении «Лоэнгрина». Редко когда литературное толкование художественного произведения доставляло последнему столько внимательных и до энтузиазма убежденных друзей, сколько доставила «Лоэнгрину» детально разработанная статья Листа. Карл Риттер обнаружил прекрасные

литературные дарования, сделав великолепный немецкий перевод французского оригинала, помещенный в *Illustrierten Zeitung* [«Иллюстрированной газете»]. Вскоре после этого Лист издал французский оригинал, снабженный такой же пояснительной статьей о «Тангейзере». Эта брошюра долгое время вызывала, особенно за границей, часто неожиданное сочувствие по моему адресу. По ней публика гораздо обстоятельнее знакомилась с моими работами, чем изучая их по клавираусцугам. Далеко не удовлетворенный этим, Лист старался привлечь новых просвещенных артистов к веймарским постановкам моих опер. Этим способом он хотел обратить на них внимание тех, которые способны были слышать и видеть. Если по отношению к Францу Дингельштедту¹⁶⁷ благие намерения его не привели ни к чему – последний с явной неохотой согласился дать лишь туманный отзыв о «Лоэнгрине» в *Allgemeine Zeitung*, – то его вдохновенному красноречию удалось окончательно привлечь на мою сторону Адольфа Штара. Подробный отчет о «Лоэнгрине», помещенный в берлинской *National Zeitung*, признававший за оперой огромное значение, явно оказал серьезное воздействие на немецкую публику. В тесных кругах музыкантов-специалистов, по-видимому, не прошло бесследно и то обстоятельство, что Роберт Франц¹⁶⁸, которого Лист чуть не насильно заинтересовал постановкой «Лоэнгриня», отзывался потом о ней с истинным восторгом. Эти примеры оказались заразительными, и некоторое время можно было думать, что тупоумная музыкальная пресса решила заняться мной энергично и серьезно. В свое время я расскажу, почему это движение очень скоро и уже навсегда приняло совершенно противоположное направление.

В настоящий же момент дружелюбное отношение ко мне печати окрылило дух Листа, и он стал поощрять меня к дальнейшим работам на поприще прерванной мной за последние годы творческой деятельности. Справившись с «Лоэнгрином», он отважился на еще более смелое предприятие и предложил мне написать для Веймара музыку к тексту «Смерти Зигфрида». По его внушению интендант веймарского театра, господин фон Цигезар¹⁶⁹, от имени Великого герцога должен был предложить мне настоящий ангажемент: я обязывался окончить работу в годичный срок, и за это мне уплачивалось 500 талеров. Странное совпадение:

¹⁶⁷ фон Дингельштедт Франц (von Dingelstedt; 1814–1881), немецкий писатель, драматург и театральный деятель. В 1831–1834 гг. изучал богословие в университете Марбурга. В 1835–1850 гг. сотрудничал в качестве журналиста в различных литературных журналах. В 1840 г. переехал в Кассель, где работал учителем и одновременно был первым редактором журнала *Der Salon*. Кроме того, активно занимался литературной деятельностью. В 1840 г. вышли в свет (правда, анонимно) «Песни международного ночного сторожа» (*Lieder eines kosmopolitischen Nachtwachters*), в которых он с едкой иронией критиковал современный ему общественный строй. В 1841 г. Дингельштедт уехал в Аугсбург и стал сотрудничать с *Augsburger Allgemeine Zeitung*, куда писал многочисленные статьи. В качестве корреспондента газеты ездил в Париж, Лондон, Вену, а также в Голландию и Бельгию. В Париже был тепло принят Г. Гейне. В 1843 г. переехал в Штутгарт, где стал придворным советником и королевским библиотекарем. С 1846 г. писал пьесы для Придворного театра в Штутгарте. В 1851 г. получил должность интенданта Придворного театра в Мюнхене. В 1857 г. переехал в Веймар при посредничестве Ф. Листа, где также являлся театральным интендантом. В 1867 г. уехал в Вену, где стал директором Венской Придворной оперы. С 1870 г. управлял венским Хофбургтеатром (*Hofburgtheater*). В 1876 г. император Франц Иосиф возвел его в баронское достоинство. Литературное наследие Дингельштедта включает поэтические сборники *Gedichte* (1845) и *Zeitgedichte*. *Nacht und Morgen* (1851), а также романы *Unter der Erde* (1840); *Heptameron* (1841); *Sieben friedliche Erzählungen* (1844); *Novellenbuch* (1856); *Die Amazone* (1868). Драматические произведения Дингельштедта имели в свое время большой успех, особенно *Das Haus der Barneveldt*. Его *Sämtliche Werke* были опубликованы в 1877 г.

¹⁶⁸ Франц Роберт (Franz; настоящее имя Роберт Франц Юлиус Кнаут [Knauth]; 1815–1892), немецкий композитор, дирижёр и органист. В 1835–1837 гг. изучал композицию в Дессау у Ф. Шнайдера. В 1841 г. стал органистом в церкви Святого Ульриха в родном городе Галле. В 1842–1867 гг. также являлся дирижером Певческой академии Галле. В 1859 г. получил должность музидиректора Университета Галле-Виттенберг. В 1868 г. вышел в отставку в связи с развившейся у него глухотой. Большую часть композиторского наследия Франца составляют песни (начал публиковать песенные тетради с 1843 г.; общее количество написанных им песен составляет более 350), высоко оцененные Р. Шуманом и Ф. Листом. Кроме того, написал около 30 хоровых сочинений.

¹⁶⁹ Фон Цигезар Фердинанд (von Ziegesar; 1812–1854), немецкий государственный и театральный деятель. Был камергером при дворе Великого герцога Карла Александра Саксен-Веймар-Айзенахского. В 1847–1851 гг. являлся интендантом Придворного театра в Веймаре; получил эту должность по рекомендации Ф. Листа.

приблизительно в это же время и при содействии Листа герцог Кобургский¹⁷⁰ предложил мне 900 талеров за инструментовку сочиненной им оперы, причем мой великодушный заказчик, невзирая на мое положение опального, приглашал меня приехать в свой замок, где, отделенный от внешнего мира, я вместе с ним, композитором и поэтессой госпожой Бирх-Пфайфер¹⁷¹ должен был заняться его произведением. Лист молил меня под каким-нибудь предлогом отклонить это предложение, причем советовал сослаться на «физическое и умственное нерасположение» к такого рода работам. Позднее мой друг сообщил мне, что желание герцога заручиться моим сотрудничеством для своей партитуры возникло у него благодаря сделанному мной удачному применению тромбонов. Когда он просил Листа сообщить ему мою теорию на этот счет, тот ответил, что весь секрет заключается в следующем: я сажусь писать для тромбона не раньше чем в моей голове созреет какая-нибудь идея.

261

Но мне сильно улыбалась мысль принять веймарское приглашение. Измученный долгой работой над «Оперой и драмой», удрученный многими событиями последнего времени, я после длинного перерыва снова сел за свой вышедший целым и невредимым из дрезденской катастрофы гертелевский рояль, чтобы испытать, как пойдет у меня музыкальная композиция тяжеловесной героической драмы. Я набросал вчерне музыку едва намеченной песни Норн в ее первой редакции. Когда я облек в звуки обращенное к Зигфриду приветствие Брюнгильды, дух мой охватило уныние. Невольно я задал себе вопрос, какая певица будущего сезона создаст этот героически-женственный образ. Тут я вспомнил про свою племянницу Иоганну, которую еще раньше, в Дрездене, зная ее прекрасные внешние данные, я мысленно предназначал для этой роли. Она начала в Гамбурге свою карьеру примадонны, но все отзывы о ней других, бесцеремонное отношение ее самой и всей ее семьи ко мне убеждали меня в том, что всякая надежда использовать ее талант потеряна для меня навсегда. В то же время меня преследовала мысль, что заменой Иоганне может явиться вторая дрезденская примадонна, госпожа Шпацер-Джентилуомо, та самая, которая некогда вдохновила Маршнера на дифирамбы Доницетти.

¹⁷⁰ Эрнст II; полное имя Эрнст Август Карл Иоганн Леопольд Александр Эдуард (1818–1892), герцог Саксен-Кобург-Готский; старший брат Альберта Саксен-Кобург-Готского (1818–1861), супруга королевы Виктории, родоначальника ныне царствующей в Великобритании Виндзорской династии. Получил образование в Боннском университете. Вступил на престол в 1844 г. Благодаря его в целом либеральной политике, в 1848 г. герцогство не было затронуто революционным движением. В 1867 г. вступил в Северогерманский союз. Получил известность не только как политик, но и как композитор, автор опер *Zaire*; *Casilda*; *Santa Chiara*; *Diana von Solanges* и др. музыкальных произведений. В 1862 г. в Кобурге герцог основал Немецкое певческое общество (*Deutsche Sängerbund*). Эрнст был другом и покровителем «короля вальсов» Иоганна Штрауса. Кроме того, при содействии герцога развивался спорт: в июле 1860 г. в Кобурге был проведен Первый фестиваль молодых гимнастов; в 1862 г. организовано Немецкое общество стрелков (*Deutsche Schützenbund*). Эрнст был близко знаком с зоологом Альфредом Бремом. С февраля по май 1862 г. вместе с ним предпринял поездку в Африку – в Египет и Абиссинию, – которую описал в своей книге *Reise des Herzogs Ernst von Sachsen-Coburg-Gotha nach Aegypten und den Ländern der Nabab, Mensa und Bogos* (1864). Коллекция произведений искусства, хранящаяся в замке Фриденштайн (*Friedenstein*) в Кобурге, благодаря стараниям Эрнста была значительно обогащена. В 1887–1889 гг. в Берлине были опубликованы чрезвычайно интересные мемуары герцога Эрнста II под названием *Aus meinem Leben und meiner Zeit*.

¹⁷¹ Бирх-Пфайфер Шарлотта Иоганна (*Birch-Pfeiffer*; 1799–1868), немецкая писательница и актриса. При поддержке баварского короля Максимилиана I Иосифа в 1818–1826 гг. имела ангажемент в Мюнхенском Придворном театре. В 1827–1830 гг. играла на сцене театра «Ан дер Вин». В 1837–1842 гг. являлась директором Городского театра в Цюрихе. С 1844 г. до конца жизни была связана с Придворным театром в Берлине. Тем не менее получила известность не как актриса, а как автор драматических произведений (более 74). Литературную деятельность начала в 1828 г. с драмы *Herma* (по мотивам романа Ф. ван дер Вельде). Затем перерабатывала для сцены романы Виктора Гюго, Жорж Санд, Александра Дюма и др. Ее перу принадлежат такие произведения, как *Weitere W Das Pfefferrösel* (1828); *Hinko* (1829); *Der Glöckner v. Notre Dame* (1847); *Dorf u. Stadt* (1847); *Die Waise von Lowood* (1855); *Die Grille* (1856). В 1863–1865 гг. вышли в свет 3 тома *Novellen und Erzählungen*, а в 1863–1880 гг. опубликованы 23 тома драматических сочинений Бирх-Пфайфер.

Однажды я вскочил, взбешенный, от рояля и объявил, что писать для таких деревяшек я не намерен. Как только я мысленно представлял себя в соприкосновении с каким-нибудь театром, мной тотчас овладевало совершенно не поддающееся описанию раздражение, с которым я никак не мог совладать. Меня несколько успокоило открытие, что тяжелое нравственное состояние, в котором я находился, было до некоторой степени вызвано физическим нездоровьем. Этой весной у меня неожиданно появилась какая-то кожная сыпь, распространившаяся по всему телу. Врач прописал мне серные ванны, которые я должен был принимать регулярно каждое утро. Хотя это лечение действовало очень возбуждающим образом на мои нервы и заставило меня впоследствии прибегнуть к радикальнейшим мерам для восстановления здоровья, регулярные утренние прогулки в город и обратно в цветущие майские дни сильно подняли мое настроение.

Я задумал «Юного Зигфрида», которого хотел предпослать трагедии «Смерть Зигфрида» в качестве героической комедии. Увлеченный этой идеей, я старался убедить себя, что эту вещь будет легче поставить, чем серьезную и мощную «Смерть Зигфрида». Свой план я сообщил Листу. Затем я предложил веймарскому театральному начальству задуманную мной стихотворную и музыкальную композицию «Юного Зигфрида» за то же вознаграждение в 500 талеров, которое я раньше принял с такой серьезностью. В Веймаре без колебания согласились на мое предложение, и я удалился в комнатку на чердаке, покинутую в прошлом году Карлом Риттером, чтобы в промежутках между серными ваннами и прогулками на свежем воздухе, пользуясь хорошим настроением, скорее написать задуманный текст «Юного Зигфрида».

262

Теперь я должен упомянуть о теплых сердечных отношениях, которые после отъезда из Дрездена я поддерживал с Теодором Улигом, молодым музыкантом дрезденского оркестра (о нем я уже и раньше упоминал), и которые с течением времени превратились в настоящую плодотворную дружбу. Его самостоятельный, несколько резкий склад ума и характера не мешал ему питать ко мне горячую, почти безграничную преданность. Я встретил в нем большое сочувствие к моей судьбе и глубокое понимание моих произведений. Он был в числе зрителей на веймарском представлении «Лоэнгрин» и прислал мне весьма дельный отчет о нем. Так как музыкальный издатель Гертель в Лейпциге охотно согласился на мое предложение издать «Лоэнгрин», не выплачивая мне за это гонорара, то я поручил Улигу составление клавираусцуга. Но особенно сошлись мы на почве теоретических вопросов, которые я возбудил своими сочинениями и которые мы обсуждали с ним в оживленной переписке. Меня трогало, что, будучи по образованию узким специалистом-музыкантом, он, как человек непредубежденный, сумел с отчетливостью понять идеи, которые приводили в ужас и отчаянье других музыкантов, казавшихся разносторонне образованными: последние усматривали в них опасность для избитых путей искусства.

Улиг вскоре обнаружил и незаурядный литературный талант. В ряде превосходных крупных статей об инструментальной музыке, помещенных в «Немецком ежемесячнике» Колачека, засвидетельствовал он полное свое единомыслие со мной в вопросах искусства. Кроме того, он познакомил меня с одной своей до сих пор не опубликованной, строго теоретической работой о построении музыкальных тем и форм. Работа эта показывала как оригинальность его взглядов, так и основательное знакомство с приемами Моцарта и Бетховена, особенно в точке их взаимного расхождения, чрезвычайно для них характерного. По своей исчерпывающей полноте и точности она могла служить основанием новой теории высших музыкальных форм. Теория эта проливала свет на самые загадочные приемы Бетховена и при дальнейшем развитии могла вырасти в целую систему. Статьи этого даровитого моло-

дого человека обратили на него вполне заслуженное внимание издателя *Neue Zeitschrift für Musik* Франца Бренделя¹⁷². Приглашенный в качестве сотрудника этого издания, Улиг без всякого труда сбил Бренделя с нерешительной позиции, которую он занимал до тех пор. Этому человека честных и серьезных взглядов ему удалось навсегда привлечь на сторону так называемого нового направления, которое стало уже обращать на себя внимание музыкального мира.

И я также счел необходимым отдать в это издание статью, оказавшуюся роковой. Я подметил частое употребление некрасиво звучащих словечек, вроде «иудейские мелизмы», «синагогиальная музыка» и т. д., служивших орудием пустого подстрекательства. Мне хотелось разобрать поглубже вопрос о роли современных евреев в области музыки, об их влиянии на нее и вообще отметить характерные особенности явления в целом. Я сделал это в довольно обширной статье «Еврейство в музыке»¹⁷³. Хотя я и не намерен был отречься от своего авторства, я все-таки счел за лучшее подписать статью псевдонимом. Я не хотел, чтобы вопрос, к которому я относился очень серьезно, обратился в предлог для сведения личных счетов, чтобы истинное значение его чем-либо было заслонено. Шум, который произвело появление этой статьи, ужас, который она вызвала, не поддаются описанию. Вся тревога печати, все неслыханные враждебные выходки, которые до сих пор позволяет себе по моему адресу пресса Европы, понятны лишь тому, кто, внимательно ознакомившись с моей статьей, вспомнит момент ее появления, вспомнит, что все газеты Европы находятся почти исключительно в руках евреев. Но тот, кто захочет искать причины этой беспощадной ненависти и травли в теоретическом или практическом несочувствии моим взглядам, моим работам по искусству, будет далек от истины. Появление этой статьи вызвало бурю негодования,

¹⁷² Брендель Карл Франц (Brendel; 1811–1868), немецкий музыковед и музыкальный критик. В 1844 г. стал преемником Р. Шумана в качестве главного редактора и издателя *Neue Zeitschrift für Musik* («Нового музыкального журнала») в Лейпциге. С его приходом журнал стал главным рупором музыкального направления, олицетворяемого именами Ф. Листа и Р. Вагнера. Именно Бренделю принадлежит термин «новонемецкая школа» (более известная в русском музыковедении как «новоемарская школа»). С тех пор сам Брендель и *Neue Zeitschrift für Musik* стали основным объектом агрессивных нападок консервативно настроенной музыкальной общественности (в частности, критика Э. Ганслика (см. ниже)). Кроме того, Брендель опубликовал статью Вагнера «Еврейство в музыке» (*Das Judenthum in der Musik*), получившую впоследствии скандальную известность. В 1856–1861 гг. совместно с Р. Полем (см. ниже) Брендель издавал в Лейпциге ежемесячный журнал *Anregungen für Kunst, Leben und Wissenschaft* («Рекомендации для искусства, жизни и науки»). В 1861 г. совместно с Ф. Листом основал *Allgemeiner Deutscher Musikverein* (Всеобщий немецкий музыкальный союз). Кроме издательской и общественной деятельности, Брендель занимался преподаванием: читал лекции по истории музыки в Лейпцигской консерватории. Автор следующих книг: *Geschichte der Musik in Deutschland, Italien und Frankreich* (1852; перевод на русский язык осуществлен в 1877 г. под названием «Основания истории западноевропейской музыки»); *Die Musik der Gegenwart* (1854); *Grundzüge der Geschichte der Musik* (1861), *Die Organisation des Musikwesens durch den Staat* (1866); *Geist und Technik im Klavierunterricht* (1867) и др.

¹⁷³ Статья «Еврейство (иудейство) в музыке» (*Das Judenthum in der Musik*) была написана Вагнером в 1850 г. Хотелось бы обратить особое внимание на то, что Вагнер не был *источником* антисемитизма, не был «основателем» и «первопроходцем». Если во всем остальном Вагнер – лидер, страстный реформатор и оригинальный мыслитель, то в данном случае он – *жалкий эпитом*, если не сказать *плагиатор*. Во времена Вагнера была своеобразная мода публично выступать с подобными «лекциями» в среде творческой интеллигенции, причем далеко не только в Германии. Мало найдется философов-современников Вагнера, которые обходили бы молчанием эту болезненную тему. Одним из ярких и показательных примеров служит в данном вопросе статья социального философа и экономиста, создателя доктрины «научного» социализма Карла Маркса (1818–1883), тем более что сам он принадлежал как раз к кругам еврейской интеллигенции и выражал, скажем так, «взгляд изнутри». Эта статья, так и названная «К еврейскому вопросу», была написана Марсом еще в 1843 г. и напечатана в журнале «*Deutsch-Französische Jahrbücher*» («Немецко-французский ежегодник»). Можно предположить с почти стопроцентной уверенностью, что со статьей Маркса Вагнер к моменту написания собственной статьи уже был давно знаком. Читая обе статьи, невозможно не заметить, что Вагнер совершенно не оригинален и во многом лишь приспособливает статью Маркса к своим интересам. Причем в данном «диалоге» Маркс выступает, пожалуй, еще более непримиримым антисемитом, нежели Вагнер, у которого довольно большой объем статьи вообще занимает субъективный анализ композиторского творчества Мендельсона и Мейербергера. Ни одной цельной работы на тему еврейского вопроса у Вагнера больше нет. Есть отдельные, и многочисленные, разрозненные ксенофобские высказывания (кстати, не только по отношению к евреям, а, например, и по отношению к французам – ничуть не менее, а местами и более, злобные и несправедливые), выставляющие композитора далеко не в лучшем свете. Что же касается самого творчества Вагнера, то видеть в нем проявление какой-либо человеконенавистнической идеи, по меньшей мере, абсурдно.

которая обрушилась на ни в чем неповинного и едва понимавшего, в чем дело, Бренделя. Его стали преследовать и даже угрожали уничтожить его окончательно. Другим непосредственным результатом статьи оказалось то, что отныне даже те немногие лица, которые благодаря Листу сочувственно ко мне относились, приняли новую тактику, стали меня замалчивать, а затем перешли даже на враждебную по отношению ко мне позицию. Интересы собственной шкуры заставляли их выказывать отвращение по моему адресу.

Тем вернее и решительнее держал мою сторону Улиг: он не давал падать духом Бренделю и постоянно помогал его газете своими писаниями, то серьезными, то остроумными и меткими. Он тотчас же избрал себе главного противника, завербованного Фердинандом Хиллером в Кёльне, господина Бишофа¹⁷⁴, который изобрел для меня и моих приверженцев прозвище «музыканты будущего», и пустился с этим господином в длинную, довольно забавную полемику. Так было положено основание проблемы «музыки будущего», проблемы, которая разрослась до степени европейского скандала. Лист первый с присущим ему добродушием принял прозвище «музыканта будущего» и с гордостью стал его носить. Конечно, заглавием своей книги «Произведение искусства будущего» я сам подал повод к насмешкам. Но оно стало форменным боевым кличем лишь с той минуты, как «Еврейство в музыке» открыло все шлюзы ярости, излившейся на меня и моих друзей. Книга моя «Опера и драма» вышла в свет только во второй половине этого года. Поскольку она вообще могла обратить на себя внимание влиятельных музыкантов, то немало, разумеется, способствовала обрушившейся на меня всеобщей ненависти. Но с тех пор эти преследования стали носить скорее характер тайных козней и клеветы. Все движение было возведено в планомерную систему Мейербером, который был истинным мастером в такого рода делах. Он руководил интригами против меня вплоть до самой своей благополучной кончины.

263

Уже в первые дни открытого негодования, которым разразилась пресса, Улиг познакомился с моей работой «Опера и драма». Я подарил ему оригинал рукописи, и так как он был в изящном красном переплете, то мне пришло в голову в виде посвящения перефразировать гётевское «*Grau, mein Freund, ist alle Theorie*»¹⁷⁵ на «*Rot, mein Freund, ist meine Theorie*»¹⁷⁶. По этому поводу между мной и моим молодым другом, умевшим быстро и тонко откликаться на все, завязалась плодотворная для меня и в высшей степени приятная переписка.

В результате мне искренне захотелось повидаться с ним после двухлетней разлуки. Бедному скрипачу, только что назначенному камер-музыкантом, было крайне затруднительно принять мое приглашение. Однако он старался преодолеть все трудности и уведомил меня о своем приезде, назначив его на первые дни июля. Я решил выехать ему навстречу и дожидаться его в Роршахе на Боденском озере, а оттуда вместе с ним совершить прогулку по Швейцарии до Цюриха. Отправился я в путь по старому, привычному способу, пешком, сделав намеренно крюк через Тоггенбург. Оживленный и радостный добрался я до Сен-Галлена, где посетил Карла Риттера, жившего со времени отъезда Бюлова в полном уедине-

¹⁷⁴ Бишоф Людвиг Фридрих Кристиан (Bischoff; 1794–1867), немецкий педагог, музыкальный критик и издатель. Изучал филологию в Берлинском университете. В 1823–1849 гг. был директором гимназии в Везеле (Wesel). Одновременно с занятиями наукой серьезно занимался музыкой. В 1850 г. в Кёльне основал Rheinische Musikzeitung («Рейнскую музыкальную газету»), в 1853 г. получившую название Niederrheinische Musikzeitung («Нижнерейнская музыкальная газета»), редактором которой оставался до конца жизни. Это издание было весьма влиятельным в музыкальной жизни своего времени.

¹⁷⁵ «Сера, мой друг, всякая теория» (нем.). Известный отрывок из I части гётевского «Фауста» (сцена IV): *Grau, teurer Freund, ist alle Theorie Und grim des Lebens goldner Baum.* Наиболее близок к оригиналу перевод Валерия Брюсова: Сера, мой друг, теория везде, Златое древо жизни зеленеет.

¹⁷⁶ «Красна, мой друг, моя теория» (нем.).

нии. Я догадывался о причине его отшельничества, хотя он мне и рассказывал о приятном знакомстве с неким сен-галленским музыкантом Грайтелем [Greitel], который потом вскоре исчез с нашего горизонта. Несмотря на утомительное путешествие пешком, я все же не мог удержаться, чтобы не прочесть в высшей степени просвещенному и отзывчивому молодому другу еще никому не читанную, только что законченную поэму «Юный Зигфрид». Впечатление, какое я произвел на него, очень порадовало меня, и, будучи сам в прекрасном настроении духа, я убедил его нарушить свое странное затворничество и вместе со мной пойти навстречу Улигу, чтобы затем, общей компанией, перевалив через высокие Сэнтис¹⁷⁷, отправиться в Цюрих и основаться там надолго.

При первом же взгляде на моего гостя, как только он высадился в хорошо знакомой мне Роршахской гавани, я был охвачен серьезными опасениями за его здоровье. Заметно было его предрасположение к чахотке. Чтобы пощадить его, я хотел отказаться от предполагавшегося восхождения на горы. Но он с жаром стал настаивать на выполнении этого плана, уверяя, что моцион на свежем воздухе будет только отдыхом для него после изнурительного труда, связанного с ужасной должностью скрипача. Пройдя Аппенцелль, мы втроем пустились дальше, намереваясь совершить довольно тяжелый перевал через высокий Сэнтис. Первый раз в жизни случилось мне идти летом по далеко раскинувшемуся снежному полю. На дикой вершине в хижине пастуха-проводника устроили мы привал и, подкрепившись крайне скудной едой, решили сделать остававшиеся нам несколько сот шагов по скалистому, крутому склону у самой вершины горы. Здесь Карл внезапно отказался следовать за нами. Чтобы заставить его стряхнуть с себя малодушие, я послал назад проводника, который чуть ли не насильно довел его до нас. Взбираясь вверх по отвесному каменному склону, я скоро заметил, что напрасно принуждал Карла участвовать в этом опасном восхождении на гору. Очевидно, головокружение совершенно лишало его сознания. Взгляд его был неподвижно устремлен в пространство: казалось, он ничего не видел. Нам пришлось окружить его и поддерживать при помощи наших палок. Каждую минуту можно было опасаться, что он упадет и скатится вниз. Когда мы добрались до вершины, он упал наземь, окончательно потеряв сознание, и я понял, какую ужасную ответственность взял на себя: ведь нам предстояло еще более рискованное путешествие назад. В ужасе забыл я о собственной опасности. В воображении я уже видел моего молодого друга, лежащего в пропасти с разможенной головой. Наконец мы благополучно спустились к хижине.

Так как мы с Улигом остались при своем решении совершить небезопасный, по мнению проводника, спуск с обрывистой, противоположной стороны горы, то под впечатлением только что испытанного неопишуемого страха я стал убеждать молодого Риттера остаться на время в хижине, пока мы не придем ему нашего проводника. А потом он мог бы вместе с ним пуститься в совершенно безопасный обратный путь по той стороне, которой мы пришли. Мы расстались, так как он должен был вернуться в Сен-Галлен. Спустившись в красивую Тоггенбургскую долину, мы на другой день повернули к Рапперсвиллю и к Цюрихскому озеру. Лишь по истечении нескольких дней могли мы успокоиться насчет Карла. Он благополучно прибыл в Цюрих, где и оставался с нами некоторое время. Затем он уехал, быть может, для того чтобы не поддаваться соблазну новой прогулки в горы, которую мы опять затевали. Потом я узнал, что он надолго поселился в Штутгарте. По-видимому, ему там хорошо жилось в обществе одного молодого актера, с которым он быстро подружился.

¹⁷⁷ Сэнтис (Säntis), горная группа в Гларнских Альпах на границе кантонов Сен-Галлен и Аппенцелль. Вершина – Hochsäntis – 2540 м; с нее открывается живописный вид на Аппенцелль, Тоггенбургскую и Рейнскую долины, Боденское озеро и Альпы.

264

Я со своей стороны наслаждался теми сердечными отношениями, которые установились у меня с кротким и в то же время мужественным, чрезвычайно даровитым молодым дрезденским камер-музыкантом. Своей белокурой кудрявой головой и красивыми голубыми глазами он производил необыкновенное впечатление на мою жену. В доме нашем как будто поселился ангел. Мне его наружность и его судьба казались вдвойне интересными и трогательными, так как его поразительное сходство с находившимся тогда еще в живых моим старым покровителем, королем Фридрихом Августом Саксонским, по-видимому, подтверждало дошедшие до меня слухи, что Улиг его незаконный сын. Мне было интересно получить от него сведения о Дрездене, о театре, о тамошних музыкальных делах. Мои оперы, бывшие до тех пор славой этого театра, окончательно сошли с репертуара. Улиг дал мне недурной образец отзывов обо мне моих бывших товарищей. Когда «Искусство и революция» и «Произведение искусства будущего» вышли в свет и подверглись критике, один из моих коллег сказал: «Ну, ему придется еще порядком подождать, пока он снова допишется до капельмейстерства». Для характеристики музыкальных успехов он рассказал мне интересный факт: оказывается, Райсигер, дирижировавший [Седьмой] A-dur'ной симфонией, которой недавно дирижировал и я, нашел следующий выход из затруднительного положения. Как известно, Бетховен мощное заключительное развитие последней части ведет все время *forte*¹⁷⁸, доходя до *sempre piu forte*¹⁷⁹. Райсигеру, дирижировавшему этой симфонией до меня, заблагорассудилось вести ее *piano*¹⁸⁰ и только к концу *crescendo*¹⁸¹. Я, конечно, немедленно изменил его указания и рекомендовал оркестру все время играть как можно сильнее. Теперь, когда дирижированье симфонией снова попало в руки моего предшественника, ему показалось неудобным восстановить это несчастное *piano*. Но нужно было спасти свой скомпрометированный авторитет, и вместо *forte* он велел играть *mezzo forte*¹⁸².

Сильно опечалило меня известие о полном пренебрежении, в каком находились мои злосчастные оперы, издание которых было в руках придворного музыкального поставщика Мезера. Последний корчил из себя жертвенного агнца, попавшего впросак. Он жаловался, что вынужден расходовать деньги без малейшей прибыли. Тем не менее он тщательно оберегал от посторонних взоров свои счетные книги, утверждая, что спасает этим мою ответственность, на которую иначе немедленно был бы наложен арест, как и на все мое остальное имущество. Более отрадны были сведения о «Лознгрине»: мой друг [Улиг] закончил клавираусцуг и уже занят был корректурой его.

265

Вскоре Улиг глубоко заинтересовал меня сообщением о новом методе лечения водой, которым сам он страстно увлекался. Он дал мне книгу о водолечении некоего Рауссе [Rauße], доставившую мне своеобразное удовольствие радикализмом своих идей, имевших в себе что-то фейербаховское. Смелое отрицание медицинской науки со всеми ее шарлатанскими снадобьями, восхваление простейшего и естественного лечебного средства – правильного применения укрепляющей и освежающей воды, скоро приобрели во мне страстного привер-

¹⁷⁸ Музыкальный термин, означающий «громко» (*итал.*).

¹⁷⁹ Постоянно громко (*итал.*).

¹⁸⁰ Тихо (*итал.*).

¹⁸¹ Постепенно усиливая звук (*итал.*).

¹⁸² Не очень громко; средняя громкость (*итал.*).

женца. Книга утверждала, что лекарство может иметь влияние на организм лишь постольку, поскольку оно является ядом и, следовательно, не ассимилируется им. Указывались случаи, когда люди, организм которых был отравлен постоянным употреблением лекарств, вылечивались знаменитым Присницем¹⁸³. Он окончательно удалял содержащийся в их организме яд, выгоняя его через поры наружу. Мне тотчас же пришли на память серные ванны, которые я против воли принимал прошлой весной. Этому лечению я приписывал, вероятно не без основания, мою непрекращающуюся сильную раздражительность. Теперь я только о том и думал, как бы освободить свой организм от последнего из принятых мною ядовитых веществ и от всех введенных в него раньше, надеясь при помощи лечения исключительно водой преобразовать себя в абсолютно здорового первобытного человека. Я с жаром отдался этой новой идее. Сам Улиг уверял, что, строго придерживаясь метода водолечения, он надеется вполне укрепить свое здоровье. И вера моя в этот метод возрастала с каждым днем.

В конце июня мы решили побродить по средней части Швейцарии. От Бруннена на Фирвальдштетском озере мы пошли через Бекенрид в Энгельберг и перевалили там через дикий Суренен-Эк¹⁸⁴, причем нам приходилось передвигаться с трудом, скользя по снегу. При переходе через одну горную речку Улиг нечаянно упал в воду. Я боялся, как бы он не поплатился простудой. Но он уверил меня, что это была только холодная ванна, одна из тех, которые рекомендуются при водолечении. Необходимость высушить платье и белье нимало его не смутила: он преспокойно развесил их на солнце, а сам, раздетый, стал совершать весьма полезную, по его словам, прогулку на свежем воздухе. Тем временем мы беседовали с ним о важной проблеме построения тем у Бетховена. Чтобы хоть на мгновение смутить его, я в шутку заявил, что вижу приближающегося к нам советника Каруса¹⁸⁵ с компанией из Дрездена. Так, в самом веселом настроении, достигли мы долины Ройсс [Reuß-Thal] близ Аттингхаузена [Attinghausen] и до вечера успели еще прийти в Амштег [Amsteg], откуда на другое утро, несмотря на сильное утомление, отправились в Мадеранскую долину [Maderaner-Thal]. Потом мы добрались до Хюфи-глетчера [Hüfi – Gletscher], откуда могли окинуть взором все окрестные горы вплоть до Тёди [Tödy]. Возвратившись в тот же день в Амштег, мы почувствовали себя совсем обессиленными. Мне удалось отговорить моего друга от его намерения на следующий день совершить прогулку в ущелье Клаузен в долине Шэхен [Schächen-Thal], и мы спокойно отправились домой через Флюелен [Flüelen].

Молодой спутник мой, всегда спокойный и в высшей степени сдержанный, казалось, несколько не был утомлен путешествием. В начале августа он решил вернуться в Дрезден, где рассчитывал получить от дирекции приглашение дирижировать в антрактах оркестром драматического театра. Дело это он намеревался организовать со свойственным ему художе-

¹⁸³ Присниц Винценц Франц (Prießnitz; 1799–1851), немецкий целитель-натуропат, адепт водолечения. Не получил никакого систематического образования. Считал, что кожные заболевания могут быть излечены с помощью чистой родниковой воды. В своей практике достигал неплохих результатов, так как холодная вода действительно замедляет размножение бактерий, а также вызывает локальную гиперемию, которые способствуют заживлению. В качестве теста для определения, подходит ли пациенту водолечение, рассматривал такую реакцию кожных покровов на холодную воду, как покраснение. Те пациенты, у кого кожа не краснела после погружения, считались невосприимчивы к методу Присница, в основе которого лежала стимуляция естественного исцеления организма через очищение с помощью ванн и обливаний с различной регулируемой температурой воды. Затем Присниц разработал метод т. н. воздушных ванн; предпочитал ходить босиком, носить крестьянские одежды и питаться обильно, но просто. Методы Присница подверглись резкой критике со стороны официальной медицины; он был обвинен в шарлатанстве, за что в 1829 г. ему пришлось отвечать в суде. Тем не менее в 1831 г. он получил лицензию на открытие санатория холодного водолечения (Kaltwasser-Heilanstalt). В 1847 г. продиктовал своей дочери Хедвиг книгу Vinzenz Prießnitz'sche Familien Wasserbuch, которая так и не была опубликована.

¹⁸⁴ Surenen-Eck (правильнее Surenenpass), высокий горный перевал (2291 м) в Центральной Швейцарии в кантоне Обвальден и в кантоне Ури.

¹⁸⁵ Карус Густав Альберт (Carus; 1817–1891), немецкий врач, доктор медицины. Был королевским придворным советником и личным врачом принца Георга, герцога Саксонского (1832–1904), будущего короля Саксонии (с 1902 г.). Изучал медицину в Лейпцигском университете; имел практику в Дрездене. Зимой 1853–1854 гг. совершил вместе с принцем Георгом путешествие в Сицилию и Неаполь, которое было описано им в дневнике, впоследствии опубликованном.

ственно-артистическим вкусом и избавиться, таким образом, от утомительной и развращающей службы оперного скрипача. Однако когда я провожал его к дилижансу, меня охватила страшная тоска. По-видимому, у него тоже внезапно сжалось сердце, когда мы посмотрели друг другу в глаза в последний раз.

Мы вели с ним оживленную переписку. Так как его письма были мне всегда приятны и интересны и долгое время являлись почти единственной связью между мной и внешним миром, то я постоянно просил его писать мне как можно больше. Письма тогда еще оплачивались дорого, и наши объемистые послания были чувствительны для нашего кармана. Улигу пришла гениальная мысль воспользоваться для корреспонденции почтой, перевозившей посылки. Но так как с ней можно было отправлять только посылки значительные по весу, то Улиг своеобразно утилизировал имевшийся у него старый заслуженный экземпляр немецкого перевода «Фигаро» Бомарше. Он должен был служить балластом для наших писем и путешествовал с ними взад и вперед. Всякий раз, когда наши послания вырастали до необходимого размера, мы оповещали друг друга, что «Фигаро снова принесет сегодня вести».

Улигу очень понравилось «Обращение к моим друзьям» [Eine Mitteilung an meine Freunde], которое я написал сейчас же после нашей разлуки в виде предисловия к изданию моих трех оперных текстов «Летучий Голландец», «Тангейзер» и «Люэнгрин». Гертель, взявшийся напечатать эту книгу за гонорар в размере 10 луидоров, неожиданно восстал против некоторых мест предисловия, которые оскорбляли его правоверный образ мыслей и уважение к государству. Я готов уже был передать книгу другому издателю. Но вскоре мы с Гертелем помирились, так как я согласился сделать некоторые незначительные изменения. Улиг много смеялся, когда я сообщил ему этот забавный эпизод.

266

Этим обширным предисловием, занявшим у меня весь август, должны были, как я надеялся, раз навсегда закончиться мои выступления на литературном поприще. Но когда я стал серьезно подумывать об обещанном для Веймара «Юном Зигфриде», меня сразу охватили тягостные сомнения, перешедшие в настоящее отвращение к этой работе. Я не мог отдать себе отчета в причинах своего душевного состояния и склонен был объяснить его исключительно болезнью. Вот почему я решил в один прекрасный день приступить к практическому осуществлению некогда с энтузиазмом воспринятой идеи водолечения и стал наводить справки о ближайших гидропатических заведениях. Была середина сентября, когда я заявил своей жене, что сегодня же отправляюсь в Альбисбрунн [Albisbrunn], находящийся в трех часах езды, где намерен пробыть до тех пор, пока не почувствую себя совершенно здоровым. Минну это сообщение чрезвычайно испугало. Она готова была усмотреть в этом новый с моей стороны предлог бежать из дому. Чтобы рассеять опасения жены, я попросил ее как можно уютнее обставить к моему возвращению нашу новую, очень маленькую, но хорошо расположенную квартиру. Последняя была нами снята в нижнем этаже так называемых «Передних домов Эшера» [Vorderen Escherhäusern] на Цельтвеге, после того как мы решили оставить прежнее помещение, неудобное для зимнего жилья, и переехать обратно в город. Нужно прибавить, что мой проект смутил не одну только жену: мысль о водолечении в такое позднее время года вызвала большое недоумение у всех окружающих вообще.

Тем не менее вскоре мне удалось найти товарища по несчастью в лице очень близкого когда-то к Шрёдер-Девриент Германа Мюллера, славного малого и общительного собеседника. В нем я обрел то, чего не мог найти в Гервеге. Мюллер служил раньше лейтенантом в саксонской гвардии, но затем вынужден был подать в отставку и, не имея никаких шансов устроиться в Германии, уехал в Швейцарию, чтобы там, на свободе и досуге, обдумать план

своей будущей жизни и занятий. Не будучи, собственно говоря, политическим эмигрантом, он все же в качестве опального патриота пользовался в Цюрихе известным уважением. Во время моего пребывания в Дрездене Мюллер поддерживал со мной оживленные отношения, а затем, очутившись в Швейцарии, стал часто бывать у нас в доме, пользуясь особенным расположением со стороны моей жены, как друг всей нашей семьи. Я без особого труда убедил его последовать за мной через несколько дней в Альбисбрунн, чтобы там основательно полечиться от донимавшей его болезни.

Решив непременно добиться положительных результатов от пребывания в Альбисбрунне, я постарался как можно уютнее устроиться в своей лечебнице, находившейся в заведовании некоего доктора Бруннера [Brunner]. Бруннер, или «водяной еврей», как его прозвала Минна, успевшая во время своих посещений искренне его возненавидеть, придерживался весьма шаблонных и поверхностных методов лечения. Рано утром, часов в 5, производились обертывания, имевшие целью вызвать испарину. Несколько часов спустя меня сажали в прохладную ванну. Под конец температура была доведена до четырех градусов тепла, после чего для согревания полагалась быстрая прогулка на свежем осеннем воздухе. В лечебнице соблюдалась «водяная диета», причем вино, кофе и чай были абсолютно запрещены. За столом приходилось сидеть в ужасном обществе неизлечимо больных субъектов, а по вечерам, чтобы как-нибудь убить томительные часы, оставалось лишь спасаться игрой в вист. Эта обстановка, которая ухудшалась полным устранением всякого умственного труда, постепенно увеличила напряжение и чрезмерное раздражение нервов. Вот какова была жизнь, которую я выдержал в течение девяти недель и которую я готов был продолжать до тех пор, пока не добьюсь ожидаемого радикального излечения. Кроме того, находя теперь вино чрезвычайно вредным, я хотел ослабить действие зальцеровских попок: я надеялся, что вызываемая обертываниями испарина сможет выделить из моего организма оставшиеся там неудобоваримые вещества. Фантазия моя в это время работала главным образом над одним вопросом: как должна быть устроена квартира, чтобы я мог свободно и охотно отдаваться художественному творчеству. Дело в том, что жизнь в убогих комнатах швейцарских пансионеров с их твердой деревянной мебелью и общим мещанским убранством вызывала во мне по контрасту тоску по исключительно комфортабельной, уютной обстановке, тоску, которая отныне приобрела у меня характер настоящей страсти, с годами только все более и более усиливавшейся.

267

В это время обозначилась возможность улучшения в ближайшем будущем моего материального благосостояния. На свое горе, Карл Риттер написал мне из Штутгарта о принятой им на собственный страх попытке водолечения, состоявшей в том, что он не прибегал к ваннам, а лишь принимал внутрь как можно больше воды. Но мне теперь стало известно, что чрезмерное употребление воды само по себе, без остального лечения, может оказаться весьма губительным, и потому я потребовал от Карла, чтобы он подчинился правильному медицинскому режиму и немедленно приехал ко мне в Альбисбрунн, не малодушничая при мысли о неудобствах. Карл тотчас же послушался меня и, к моему радостному изумлению, прикатил через несколько дней в Альбисбрунн. К гидротатии он относился с прежним энтузиазмом, но в своем практическом применении она ему очень быстро опротивела. Карл резко восставал против холодного молока, находя его неудобоваримым и утверждая, что с естественной точки зрения всякое молоко, подобно материнскому, следует пить непременно теплым. Обертывания и холодные ванны он находил чересчур возбуждающими. Вообще он решил создать себе – за спиной доктора – более приятный режим. В ближайшей деревне Карл нашел довольно скверную кондитерскую, в которой и начал покупать разные не допус-

кавшиеся в лечебнице сладости. Если его случайно заставляли за этим занятием, он искренне злился. Скоро он стал себя чувствовать очень стесненным, но из самолюбия не хотел положить конец тягостному для него положению. Здесь, в Альбисбрунне, до Карла дошла вдруг весть о смерти его богатого дяди, который отказал по крупной сумме каждому члену семьи Риттер. Извещая меня и сына об улучшении своих денежных дел, мать Карла прибавляла в письме, что со своей стороны она в состоянии регулярно высылать мне то пособие, которое мне ранее было обещано семьями Лоссо и Риттер. Таким образом я мог располагать, пока захочу, годовой рентой в 800 талеров.

Этот поворот судьбы внушил мне бодрость, радостное чувство. В душе моей созрело решение заняться обработкой первоначального проекта «Нибелунгов», совершенно не считаясь с вопросом, сумеют ли наши театры справиться с некоторыми отдельными частями моего произведения. Но прежде чем приступить к работе, мне необходимо было освободиться от обязательств перед дирекцией веймарского театра, от которой я уже получил в счет гонорара 200 талеров. Карл ликовал, что мог немедленно вручить мне эту сумму для расплаты с Веймаром. Отсылая деньги, я сердечно благодарил дирекцию за доброе ко мне отношение. Кроме того, я написал еще отдельно Листу, подробно изложив ему свой замысел и те внутренние побуждения, которыми я руководствовался. Лист ответил мне выражением живейшей радости по поводу того, что мое теперешнее положение позволяет мне взяться за такую грандиозную работу, и находил, что сообщенный ему план хотя бы уже по своей необычайности вполне меня достоин. Теперь я действительно мог вздохнуть свободно: исчезла наконец мучившая меня мысль, что я обязан тотчас же написать «Юного Зигфрида» и отдать его для немедленной постановки на сцене театра – пусть даже лучшего немецкого театра, но не располагавшего для этого достаточно подготовленными силами. Эта мысль не давала мне раньше покоя, ибо все предприятие с «Юным Зигфридом» казалось мне теперь ложью по отношению к самому себе.

268

Дальнейшее пребывание в водолечебнице становилось все более и более мучительным. Я рвался к работе, но отдаться ей в Альбисбрунне было невозможно, и это обстоятельство приводило меня в сильнейшее нервное возбуждение. Одно лишь упрямство мешало мне сознаться, что лечение не достигло своей цели и, наоборот, оказало на меня резко отрицательное действие: радикальной секретации я так и не дождался, но зато исхудание наступило ужасающее. Я решил, что можно ограничиться этим результатом; и в конце ноября покинул Альбисбрунн. Через несколько дней моему примеру последовал Мюллер, а Карл, желая довести дело до конца, хотел пожить здесь до тех пор, пока лечение не окажет на него такого же прекрасного действия, какое, по моим уверениям, я испытал на себе. В Цюрихе меня обрадовала обстановка нашей новой, правда очень тесной, городской квартиры: большой, широкий диван, кое-где ковры на полу и несколько других вещей, придававших комнатам уютный вид. Свой простой рабочий стол мягкого дерева я покрыл зеленым сукном, а на окнах развесил гардины из легкого шелка, что очень понравилось не только мне самому, но и всем окружающим. Этот стол, за которым я с тех пор постоянно работал, впоследствии перекочевал со мной в Париж, а оттуда перешел к старшей дочери Листа, Бландине Оливье¹⁸⁶, которая перевезла его в имение своего мужа Сан-Тропе, где, как я слышал, он продолжает находиться по сей день.

¹⁸⁶ Оливье (Ollivier) Бландина Рашель, урожденная Лист (1835–1862), старшая дочь Листа и графини Мари д'Агу. 22 октября 1857 г. вышла замуж за Эмиля Оливье (см. ниже), французского адвоката и политического деятеля, министра юстиции при Наполеоне III. 3 июля 1862 г. у них родился сын Даниэль Эмиль; 11 сентября Бландина скоропостижно умерла, что

Я рад был видеть у себя цюрихских друзей, которым теперь, на новой квартире, гораздо удобнее было посещать меня. Долгое время, однако, я сильно изводил их своей страстной пропагандой «водяной диеты» и нападками на вино и другие возбуждающие напитки. Я создал себе из этого новую религию. Правда, Зульцер и Гервег, гордившийся своими сведениями по химии и физиологии, часто ставили меня в тупик указаниями на несостоятельность учения Раусса о ядовитых свойствах вина, но тогда я переходил на морально-эстетическую почву и доказывал, что опьянение вином представляет скверный и варварский суррогат того экстатического настроения, которое может быть достигнуто лишь при помощи любви. Я подчеркивал, что в вине, даже при отсутствии излишеств, мы ищем именно опьянения или, иными словами, экстатического подъема духовных сил. Но – продолжал я свою аргументацию – подобный подъем в его истинно облагораживающей форме способен испытать лишь тот, чьи душевные силы возбуждены настроением любви. Такая постановка вопроса приводила меня к критике современных сексуальных отношений между людьми, причем поводом для этой критики послужили мои наблюдения над разобщенностью между мужчинами и женщинами, которая с особой, грубой резкостью наблюдалась в Швейцарии. В ответ на это Зульцер заявил, что он ничего не имеет против опьянения женщинами, но «где их взять, если не прибегать к воровству?». Гервег, наоборот, готов был во многом согласиться с моими парадоксами, но считал нужным отметить, что ко всему этому вино не имеет никакого отношения и само по себе является укрепляющим питательным средством, которое, как это доказывает Анакреон, отлично уживается с любовными экстазами.

Вскоре, однако, мои исключительные и упрямые экстравагантности начали внушать друзьям серьезные опасения: присмотревшись ко мне, они все больше убеждались в моем болезненном состоянии. И действительно, я был поразительно бледен, сильно исхудал, невероятно мало спал и обнаруживал во всем крайнюю возбужденность. Вскоре я и совсем лишился сна, но тем не менее уверял, что никогда еще не чувствовал себя так бодро и хорошо, как именно теперь. Несмотря на зимнюю стужу, я продолжал рано утром принимать холодные ванны и затем, чтобы согреться, отправлялся на прогулку, доставлявшую мучения моей жене, которая должна была с фонарем в руках освещать мне путь.

269

Находясь в таком состоянии, я получил однажды печатный экземпляр «Оперы и драмы». Книга вызвала во мне какую-то почти болезненную радость, и я проглотил ее единым духом. Мое повышенное настроение было в значительной мере обусловлено сознанием, что я окончательно разделался с мучительной для меня карьерой капельмейстера и оперного композитора. Теперь даже Минна вынуждена была стать на мою точку зрения. Отныне никто не мог требовать от меня того, что еще два года назад делало меня совершенно несчастным. Гарантированная мне семьей Риттеров поддержка, которая должна была обеспечить мое существование и дать мне возможность вполне располагать собой именно для свободного творчества, еще более усиливала во мне презрение ко всему, что мыслимо было достигнуто при настоящем положении вещей. Для меня было ясно, что работы, с планом которых я теперь носился, исключают всякую возможность войти в соприкосновение с современным художественно-артистическим миром. Но вместе с тем я отнюдь не думал, что мои писания не могут иметь практического значения. Я был убежден, что как в сфере искусства, так и во всей нашей социальной жизни вообщем наступит скоро переворот огромной важности, который неминуемо создаст новые условия существования, вызовет новые потребности. Для

стало страшным ударом для Листа. Слухи о якобы имевшей место любовной связи между Вагнером и Бландиной Оливье являются абсолютно необоснованными.

удовлетворения этих потребностей мои работы, задуманные с таким безоглядным размахом, должны были, как я полагал, доставить надлежащий материал, и в самом скором времени установится новое отношение искусства к задачам общественной жизни.

Эти смелые ожидания, о которых я не мог, конечно, подробно распространяться перед своими друзьями, возникли у меня под влиянием анализа тогдашних европейских событий. Общая неудача, постигшая предыдущие политические движения, нисколько не сбила меня с толку. Наоборот, их бессилие объясняется только тем, что их идейная сущность не была понята с полной ясностью, не была выражена в определенном слове. Эту сущность я усматривал в социальном движении, которое, несмотря на политический разгром, нисколько не утратило своей энергии, а напротив, становилось все интенсивнее. Так, по крайней мере, я оценивал факты, которые наблюдал во время своего последнего пребывания в Париже. Мне пришлось присутствовать там на собрании избирателей так называемой социал-демократической партии, которое произвело на меня сильное впечатление. Собрание происходило в большом, временно приспособленном для этой цели «Зале Братства» [Salle de la Fraternité], в предместье Сен-Дени, и присутствовало на нем до шести тысяч человек. Полное достоинства поведение публики, далекой от всяких внешних резкостей и выкриков, вызвало у меня очень лестное представление об этой новой партии: в ней чувствовалась сила, сосредоточенная и уверенная в себе. Речи главных ораторов, принадлежавших к крайнему левому крылу тогдашнего Национального собрания, поразили меня своим необычайным подъемом и сквозившей в каждом слове твердой убежденностью. К этой действительно *крайней* партии стали понемногу примыкать все, кого господствующая реакция толкала в сторону оппозиции. Элементы, которые прежде считались только либеральными, начали открыто высказываться за программу, выставленную социал-демократами. На основании этих фактов можно было думать, что новая партия получит, по крайней мере в Париже, сильный перевес на общих выборах и сыграет решающую роль при избрании нового президента республики. Как известно, мои предположения совпадали с надеждами всей Франции, и, таким образом, 1852 год должен был принести с собой коренной переворот. Так смотрела на дело и реакционная партия, испытывавшая величайший страх перед грядущими событиями. А бессмысленная жестокость, с какой в других европейских государствах подавлялся малейший общественный порыв, в свою очередь заставляла предполагать, что создавшееся положение не может рассчитывать на особую долговечность.

Всюду чувствовалось напряженное ожидание предстоящей в ближайшем году развязки. Со своим другом Улигом я, наряду с обсуждением достоинств гидропатии, заводил разговор также и об этом важном моменте, который переживала тогда Европа. Улиг, приезжавший ко мне из Дрездена, от местных оркестровых репетиций, находил весьма мало обоснованными эти смелые надежды на радикальное изменение человеческих судеб. «Вы представить себе не можете, – уверял он меня, – как жалки люди!» Но все же в конце концов я настолько заразил его своей верой, что вместе со мной он стал смотреть на 1852 год как на момент, чреватый великими возможностями. В своей переписке, которую снова усердно сопровождал «Фигаро», мы несколько раз возвращались к этой теме, и если нам приходилось отмечать с горечью какую-нибудь гнусность, я неизменно напоминал Улигу о сакраментальной дате, с которой у меня связывалось столько упований. При этом я держался того мнения, что мы некоторое время должны спокойно наблюдать ход долгожданного переворота, а затем, когда другие не будут больше знать, что делать, принять самим участие в движении.

Насколько серьезны были мои надежды, не берусь сказать. Во всяком случае мне скоро пришлось убедиться, что во всем этом очень крупную роль играла моя нервозность, которая усиливалась с каждым днем. Известие о государственном перевороте 2 декабря в Париже¹⁸⁷

¹⁸⁷ В ночь на 2 декабря 1851 г. отряды войск президента республики Луи Наполеона Бонапарта (1808–1873) заняли

в первую минуту показалось мне совершенно невероятным. Но когда это известие подтвердилось, когда, по-видимому, надолго упрочилось то, что раньше казалось совершенно невозможным, я, словно от тайны, разгадка которой потеряла в моих глазах всякую ценность, равнодушно отказался от желания понять весь этот загадочный мир. В виде шуточной реминисценции наших прежних надежд я предложил Улигу считать 1852 год не наступившим и отныне датировать наши письма декабрем 1851 года. Декабрь затянулся у нас на очень долгий срок.

270

Вскоре мной овладело состояние крайней подавленности, вызванной, с одной стороны, разочарованием в исходе европейских событий, а с другой – вредным действием чрезмерного увлечения гидрпатией. Для меня стало ясно, что в культурной жизни Европы снова воцаряются те отрезвляющие явления, исключаящие всякие пылкие мечтания, от которых, казалось, раз навсегда избавили нас потрясения последних лет. Я предсказывал, что дела у нас примут такой жалкий оборот, что скоро готовы будут приветствовать, как возбуждающий элемент, какую-нибудь новую книгу Генриха Гейне. И как же я смеялся, когда через некоторое время «Романсеро» по-старому, как прежние сочинения Гейне, взбудоражило все наши журналы. Я принадлежу к числу немногих образованных немцев, ни разу не раскрывших этой книги, которая, впрочем, должна обладать многими достоинствами. Тем временем здоровье мое начинало внушать большие опасения, благодаря чему я вынужден был уделить ему серьезное внимание и радикально изменить свой прежний образ жизни. Впрочем, эта перемена совершалась постепенно, в известной мере вследствие особых настояний моих друзей.

Круг последних к наступлению зимы несколько расширился. Некоторое время здесь жил Карл Риттер, который удрал из Альбисбрунна через неделю после меня. Затем он переехал в Дрезден, не находя, очевидно, в Цюрихе простора для своих юношеских сил. Кроме того, встречи со мной искали недавно поселившиеся в Цюрихе супруги Везендонк. Она состоялась у Маршалля фон Биберштайна, которого я хорошо знал по дрезденской революции и который жил в той самой квартире в «Последних домах Эшера», которую я занимал в первый свой приезд в Цюрих. Помню, в этот вечер я обнаружил свою крайнюю тогдашнюю возбужденность в особенно резкой форме. У меня завязался спор с одним из гостей, профессором Озенбрюком [Osenbrück], и весь ужин я злил его страстными и упорно отстаиваемыми парадоксами. В конце концов я внушил этому человеку настолько сильное к себе отвращение, что после этого вечера он избегал всякой встречи со мной.

Знакомство с Везендонками открыло передо мной двери дома, выгодно отличавшегося от остальных цюрихских домов. Отто Везендонк¹⁸⁸, моложе меня на два-три года,

здания Законодательного собрания и других правительственных учреждений. Его декретом Собрание было распущено, большинство депутатов арестовано. Восстания, поднятые в Париже и в некоторых других местностях сторонниками республики, были подавлены. Республика пала, и во Франции была установлена т. н. Вторая империя. Плебисцит (всенародное голосование), утвердил новую конституцию, которая давала почти неограниченную власть Луи Наполеону Бонапарту. 2 декабря 1852 г. он был провозглашен императором под именем Наполеона III.

¹⁸⁸ Везендонк Отто Фридрих Людвиг (Wesendonck; также Wesendonk; 1815–1896), немецкий предприниматель и меценат; представитель торгового дома Loeschigk, Wesendonk & Co. Брат политического деятеля Хуго Максимилиана Везендонка (1817–1900). 19 мая 1848 г. состоялась свадьба Отто Везендонка с Агнесс Матильдой Люкемайер (см. ниже), его второй женой. В 1851 г. переехал в Цюрих. Весной 1855 г. построил на «Зеленом холме» (Grünen Hügel) в пригороде города Энге виллу, в которой жил с семьей с 1857 г., собрав большую коллекцию произведений искусства. В 1872 г. продал виллу – ныне в ней находится музей Rietberg – и переехал в Дрезден. С осени 1882 г. поселился в Берлине, где оставался до конца жизни. После знакомства с Р. Вагнером оказывал ему финансовую поддержку. В 1857 г. предоставил в распоряжение Вагнера маленький домик недалеко от своей виллы, куда 27 апреля 1857 г. Вагнер и Минна переселились, взяв обязательство выплачивать семейству Везендонк 800 франков в год – ровно столько, сколько стоила им их квартира в Цюрихе. Некоторые

нажил довольно крупное состояние благодаря участию в одном большом нью-йоркском предприятии. Во всех своих практических планах он всецело считался с желаниями своей молодой жены¹⁸⁹, с которой повенчался всего несколько лет назад. Оба супруга были уроженцами Нижне-Рейнской области, которая наложила на них свой милый отпечаток. Вынужденный по своим делам основаться в каком-нибудь европейском городе, Везендонк предпочел Цюрих Лиону главным образом из-за немецкого характера этой местности. В прошлую зиму супруги Везендонк присутствовали на вечере, на котором была исполнена под моим управлением симфония Бетховена. Успех этого концерта, заставивший о себе много говорить, вызвал у молодой четы желание пополнить меня в число своих знакомых.

271

В эту зиму я тоже дал согласие дирижировать после Нового года тремя концертами, если мне предоставлено будет разучить с усиленным оркестром некоторые интересные вещи. Мне доставляла большую радость возможность показать в хорошем исполнении бетховенскую музыку к «Эгмонту». Так как Гервегу очень хотелось послушать что-нибудь из моих произведений, то из любви к нему, как это было мной подчеркнуто, я решил сыграть увертюру к «Тангейзеру» и для этого случая составил особую программу, которая должна была облегчить понимание моей музыки. Очень удачно прошла увертюра «Кориолан», которую я тоже снабдил объяснительной программой. Все это было встречено моими знакомыми с большим сочувствием, и, увлеченный этим, я ради друзей уступил просьбам тогдашнего директора театра Лёве [Löwe], желавшего поставить «Летучего Голландца». Согласившись на эту постановку, я тем самым обрек себя на крайне неприятные, хотя и временные сношения с театральной труппой. Известную роль в моем решении сыграли соображения гуманности: опера должна была пойти в бенефис молодого капельмейстера Шёнека¹⁹⁰, завоевавшего мою симпатию своим несомненным дирижерским талантом.

биографы Вагнера упускают из виду «малозначительный» факт оплаты Вагнером «домика на холме», представляя ситуацию таким образом, словно Отто Везендонк подарил его композитору. Сказанное несколько не умаляет значение благодеяния благородного финансиста, но в то же время делать из него святого бесребреника тоже не следует. В 1858 г. Отто Везендонк купил права на «Кольцо нибелунга», но позднее аннулировал контракт в пользу баварского короля Людвига II. Несмотря на роман между Вагнером и его женой, оставшаяся в числе друзей композитора. (См.: Richard Wagner an Mathilde und an Otto Wesendonk. Tagebuchblätter und Briefe. Berlin, 1900.)

¹⁸⁹ Везендонк Агнес Матильда, урожденная Люкемайер (Wesendonck; Luckemeyer; 1828–1902), немецкая писательница и поэтесса. Муза Р. Вагнера, вдохновившая его написание пронзительных «Пяти песен на стихи Матильды Везендонк» (Wesendonck-Lieder) и музыкальной драмы «Тристан и Изольда». Родилась в Эльберфельде (Elberfeld; ныне Вупперталь [Wuppertal]). В 1831 г. семья переехала в Дюссельдорф. В 20 лет вышла замуж за предпринимателя Отто Везендонка, с которым познакомилась в 1847 г. В браке родила пятерых детей: Пауль (1849–1850); Мирра (в замужестве фон Биссинг [von Bissing]; 1851–1888); Гвидо (1855–1858); Карл Фердинанд (1857–1934), ставший впоследствии известным физиком; Ганс (1862–1882). В 1850 г., после смерти первого сына, переехала с мужем в Нью-Йорк. В апреле 1851 г. поселилась в Цюрихе. В 1852 г. познакомилась с Р. Вагнером. В 1857 г. Матильда, будучи одаренной поэтическим и музыкальным талантом, стала брать у Вагнера уроки музыки. Вскоре взаимоотношения между учителем и ученицей перестали носить исключительно деловой характер и переросли в чувство глубокой восторженной взаимной любви. Однако они не хотели строить свое счастье на горе близких им людей и самоотверженно решили, что их отношения не выйдут за рамки возвышенного преклонения друг перед другом. Обоим в 1857–1858 гг. пришлось пережить тяжелый духовный кризис. В 1872 г. Матильда с семьей переехала в Дрезден, а в 1882 г. – в Берлин, где проживала до конца жизни. Из литературного наследия Матильды Везендонк необходимо упомянуть следующие произведения: Naturmythen (1865); Genoveva (1866); Gudrun (1868); Deutsches Kinderbuch in Wort und Bild (1869); Friedrich der Große. Dramatische Bilder (1871); Edith oder die Schlacht bei Hastings (1872); Gedichte, Volkswesen, Legenden und Sagen (1874); Alte und neue Kinderlieder (1890). В своих мемуарах Вагнер уделяет Матильде Везендонк слишком мало внимания. И это не удивительно. Ведь «Мою жизнь» Вагнер диктовал непосредственно Козиме и, безусловно, шадит ее чувства, что делает ему честь. Истинный характер его отношений к госпоже Везендонк раскрывается лишь в дневнике Вагнера, в котором ему не было нужды притворяться перед самим собой, и в частично сохранившейся переписке с Матильдой; правда, сохранились лишь письма самого Вагнера к Матильде (см.: Richard Wagner an Mathilde und an Otto Wesendonk. Tagebuchblätter und Briefe. Berlin, 1900).

¹⁹⁰ Шёнек Рудольф (Schöneck; 1829–1904), швейцарский дирижер; корреспондент Р. Вагнера, с которым он вел актив-

Эти театральные репетиции, от которых я уже совершенно отвык, стоили мне большого напряжения и значительно ухудшили состояние моего здоровья, и без того подорванного. Совершенно измучившись, я изменил своему резкоотрицательному отношению к врачам: по настойчивой рекомендации Везендонка я доверился доктору Ран-Эшеру¹⁹¹, который своим участием и способностью успокоительно действовать на нервы помог мне войти в нормальную колею.

Мне хотелось поправиться хотя бы настолько, чтобы иметь возможность приняться за окончание текста «Нибелунгов». Но я решил выждать весны, прежде чем собраться с духом для такой работы, а пока заняться некоторыми более мелкими вещами. Из них отмечу предназначавшееся для печати письмо к Листу об Обществе Гёте¹⁹² с изложением моих взглядов относительно необходимости создать немецкий самобытный театр, а также послание к Францу Бренделю, где я останавливался на вопросе о направлении, которого должен бы держаться музыкальный журнал¹⁹³.

Припоминаю еще посещение Анри Вьётана, прибывшего в Цюрих в сопровождении Беллони с целью дать концерт. Как некогда в Париже, он доставил мне и моим друзьям искреннее удовольствие своей прекрасной игрой на скрипке. Ранней весной меня неожиданно посетил Герман Франк, которого я совершенно потерял из виду после бурных европейских событий. По поводу этих последних у нас возник очень интересный разговор, причем Франк с присущей ему спокойной манерой выразил свое удивление по поводу того, что я мог с такой страстностью впутаться в Дрезденское восстание. Видя мое полное недоумение, он объяснил, что допускал с моей стороны возможность увлечения чем угодно, но не безрассудного участия в происшествиях самого нелепого характера. Тут только я узнал, каков господствующий в Германии взгляд на эти события, искаженные молвой, и приложил все усилия, чтобы восстановить правду. Мне особенно удалось опровергнуть клевету на моего бедного друга Рёкеля, которого изображали каким-то трусливым негодяем, так что под конец нашей беседы и сам Франк, к моему искреннему удовлетворению, посмотрел на дело иначе и выразил мне полную признательность за мои сообщения. С самим Рёкелем, осужденным в виде «помилования» на бессрочную каторгу, я время от времени поддерживал переписку, проходившую в силу необходимости через руки тюремной администрации. Рёкель настолько твердо и бодро выносил свое заключение, что я готов был считать его счастливее себя с моей свободой, с моим безнадежным взглядом на все перипетии моей жизни.

272

Наконец наступил май. Я решил пожить в деревне, чтобы немного укрепить расшатанные нервы и приступить наконец к выполнению моих художественно-артистических пла-

ную переписку, касающуюся постановок его музыкальных драм «Лоэнгрин» и «Тангейзера» под управлением Шёнека в 1852–1853 гг. См.: Wagner R. *Sämtliche Briefe: September 1852 – Januar 1854 // Sämtliche Briefe*. Hrsg. Im Auftrage des Richard-Wagner-Familien-Archivs Bayreuth. Leipzig, 1967.

¹⁹¹ Ран-Эшер Ганс Конрад (Rahn-Escher; 1802–1881), швейцарский врач; доктор медицинских наук. В 1830–1833 гг. являлся профессором медицины Цюрихского университета. Имел обширную частную практику. В 1839–1866 гг. являлся членом Законодательного совета; одновременно в 1839–1844 гг. входил в Совет по образованию. Был инициатором постройки в Цюрихе новой больницы для женщин.

¹⁹² Еще в феврале 1851 г. Лист подал наследному принцу Карлу Александру, будущему Великому герцогу Саксен-Веймар-Айзенахскому (с 8 июля 1853 г.), доклад о создании Общества имени Гёте в Веймаре; в сопроводительной записке к докладу он высказывал свои соображения по поводу средств превращения Веймара в центр искусств единой Германии.

¹⁹³ Письмо к Бренделю было напечатано в *Neue Zeitschrift für Musik* (Leipzig) 6 февраля 1852 г.; письмо к Листу – там же 5 марта 1852 г. Оба эти письма были затем напечатаны отдельной брошюрой: *Zwei Briefe von Richard Wagner. i. Brief an den Redacteur d. Neuen Zeitschr. f. Musik [Franz Brendel]. ii. Brief an Franz Liszt (Über die Goethe-Stiftung)*. (Leipzig: Bruno Hinze, 1852).

нов. В имении Риндеркнехт [Rinderknecht], расположенном не очень высоко в горах, мы нашли сносное помещение и 22 мая отпраздновали 39-ю годовщину моего рождения деревенским обедом на свежем воздухе, с открытым видом на озеро и далекие Альпы. К сожалению, вскоре установилась на все почти лето дождливая погода, и мне стоило большого труда бороться с ее дурным действием на мое настроение. Тем не менее я принялся за работу.

Так как я начал осуществлять свой план с конца, то, двигаясь к началу, после «Смерти Зигфрида» и «Юного Зигфрида», я взялся за «Валькирию», чтобы затем дать в виде пролога «Золото Рейна». При таком методе работы я к последним числам июня закончил текст «Валькирии». Попутно я написал посвящение моей партитуры Листу, а также рифмованную отповедь невежественному критику «Летучего Голландца», печатавшему свои статьи в одной из швейцарских газет. Кроме того, здесь, в сельском уединении, мне пришлось столкнуться с чрезвычайно неприятным делом, касавшимся Георга Гервега. В один прекрасный день ко мне заявился некий господин Хауг [Haug], отрекомендовавшийся «римским генералом» времени Мадзини, и, сообщив о глубоком оскорблении, нанесенном одной семье «несчастливым лириком», пытался склонить меня к своего рода заговору против Гервега, но получил решительный отказ. Гораздо приятнее было посещение старшей дочери моей почтенной приятельницы, Юлии Риттер. Она недавно вышла замуж за молодого дрезденского музыканта Куммера [Kummer], который ввиду расстроенного здоровья собирался лечиться у знаменитого гидропата, жившего в нескольких часах от Цюриха. Молодые люди обратились по этому поводу ко мне, и я воспользовался случаем, чтобы резко обрушиться на весь метод водолечения. Моих юных друзей, считавших меня ярым поклонником гидропатии, этот отзыв поверг в большое смущение. Музыканта мы предоставили своей судьбе и очень рады были затянувшемуся у нас пребыванию милой и симпатичной молодой приятельницы.

Вследствие непрекращавшихся холодов и дождей мы переехали в конце июня в город, где я решил выждать настоящей летней погоды, чтобы затем предпринять прогулку пешком в Альпы. Своей работой я был вполне удовлетворен, а прогулка должна была оказать хорошее влияние на мое здоровье. Гервег обещал сопровождать меня, но его задержали какие-то неприятности. Поэтому в середине июля я пустился в дорогу один, условившись встретиться со своим спутником в Валлисе¹⁹⁴.

Я отправился из Альпнаха [Alpnach], находящегося на Фирвальдштетском озере, причем придерживался плана, отмечавшего особенные, мало посещаемые тропы бернского Оберланда. Свою задачу я выполнял очень основательно, так что в бернском Оберланде, например, я посетил тогда еще мало доступный Фаульхорн¹⁹⁵. Через долину Хасли я добрался до Гримзельского приюта¹⁹⁶. Там я у хозяина местной гостиницы, видного мужчины, спросил, как мне попасть на Зидельхорн¹⁹⁷. Он дал мне в качестве проводника одного из своих работников, грубого, с неприятным лицом человека, который повел меня по снежным полям не обычными зигзагами, а по прямой линии, вызвав этим подозрение, что он умышленно стремится поскорее утомить меня. На вершине Зидельхорна я имел возможность насладиться, с одной стороны, внутренним видом великанов Оберланда, обращенных к нам своими внешними очертаниями, а с другой – внезапно открывающейся панорамой итальянских Альп с Монбланом и Монте-Розой. В подражание князю Пюклеру [другу Генриха

¹⁹⁴ Валлис (*нем.* Wallis; *франц.* Le Valais), один из самых гористых кантонов Швейцарии, граничащий на севере с Берном и Ватландом, на востоке – с Ури и Тессинном, на юге и западе – с Италией и Францией.

¹⁹⁵ Фаульхорн (Faulhorn), гора Бернских Альп, расположенных между Бриенцским озером и Гриндельвальдом. Высота 2681 м.

¹⁹⁶ Гримзельский горный приют (в немецком оригинале Grimsel-Hospital), бывшее благотворительное учреждение, расположенное на берегу небольшого озера (на высоте 1874 м). Впоследствии превращен в гостиницу, служащую исходным пунктом для туристов при экскурсиях в Бернские и Урийские Альпы.

¹⁹⁷ Зидельхорн (Siedelhorn), гора, расположена к западу от перевала Гримзель (Grimselpass). Высота 2768 м.

Лаубе], взбиравшемся на Сноудон¹⁹⁸, я не преминул захватить с собой небольшую бутылку шампанского. Но я не знал, за чье здоровье выпить его. Затем пришлось снова спускаться по снежным полям, по которым мой проводник, опираясь на альпийскую палку, скользил с ужасающей быстротой. Я же продвигался вперед с большей осторожностью и меньшей скоростью. К вечеру, совершенно утомленный, я достиг Обергештелена [Obergestelen], где решил остановиться на два дня для отдыха и, согласно уговору, ждать Гервега.

На самом же деле я получил от него лишь письмо, которое грубо оторвало меня от мира альпийских впечатлений и заставило мысленно перенестись в ту неприятную обстановку, в которой находился теперь несчастный Гервег. Он особенно боялся, как бы меня не убедили доводы его противника и не вызвали у меня нелестного о нем мнения. Я вполне успокоил его на этот счет и советовал ему постараться догнать меня в Итальянской Швейцарии. Таким образом, мне снова пришлось отправиться одному в сопровождении неприятного проводника на Гризский глетчер [Gries-Gletscher], чтобы оттуда через ущелье пройти к южному склону Альп. При подъеме я имел случай наблюдать в высшей степени грустную картину: среди коров альпийских гор появилась копытная болезнь, и мимо меня тянулись длинной вереницей огромные стада, направлявшиеся для лечения в долину. Животные походили на скелеты и еле-еле волочили ноги. Порой казалось, что дивная природа, тучные пастбища с каким-то непостижимым злорадством смотрят на это печальное шествие. У подножия круто вздымающегося глетчера я пришел в такое подавленное состояние, почувствовал такую нервную усталость, что захотел вернуться обратно. Это решение вызвало насмешки проводника, презиравшего меня за изнеженность. Проснувшаяся во мне злоба снова вселила в меня решимость, и я немедленно начал взбираться на отвесную ледяную стену с такой быстротой, что спутник едва поспевал за мной. Двухчасовая прогулка по хребту глетчера была сопряжена с такими трудностями, что даже у гримзельского работника появились некоторые опасения за себя. Незадолго до этого выпал снег, который прикрыл ледяные трещины и поэтому не давал возможности разглядеть опасные места. Проводнику приходилось осторожно идти вперед, чтобы тщательно исследовать дорогу. Наконец мы достигли котловины. Внизу лежала долина Форматца [Formazza-Thal], к которой вел крутой спуск, покрытый снегом и льдом. Проводник снова начал свою рискованную игру и вместо того, чтобы спускаться серпантинном, повел меня по прямой линии. Наконец, мы кое-как добрались до крутого обрыва, усеянного галькой. Двигаться дальше было, безусловно, опасно, и, указав на это проводнику, я заставил его вернуться со мной обратно к замеченной мной раньше более удобной тропинке. Проводник угрюмо подчинился, и вскоре мы выбрались из каменной пустыни.

Я очень обрадовался, когда нам стали снова попадаться признаки цивилизации. Первое пригодное для скота пастбище, которое мы встретили, называлось Беттель-Матт [Bettel-Matt], а первый человек, с которым мы столкнулись, оказался охотником за сурками. Вскоре местность и совсем оживилась: низвергающаяся с высоты горная река Точе образует здесь в одном месте величественно красивый водопад, льющийся тремя широкими уступами¹⁹⁹. Постепенно, по мере нашего спуска, мох и лишайник сменялись луговыми травами, низкорослые деревья уступали место стройным соснам и елям, а вся долина принимала все более приветливый вид. Наконец мы очутились у цели нашего путешествия, а именно в деревне Поммат [Pommath], которую итальянское население называло Форматца. Здесь мне довелось съесть первый раз в жизни жаркое из сурка. Недолгий сон не мог, конечно, прогнать моей страшной усталости, но я все же рано утром следующего дня отправился в дальнейший

¹⁹⁸ Сноудон (Snowdon), самая высокая гора Уэльса и всей Великобритании, расположенная южнее Шотландского высокогорья, в национальном парке Сноудония в Гвинеде. Вершина Сноудона Yr Wyddfa находится на высоте 1085 м.

¹⁹⁹ В самой северной части долины Форматца река Точе (итал. Тосе) образует один из самых больших водопадов Европы, низвергающийся с высоты 143 м. Вагнер называет реку Тоза (Tosa).

путь, на этот раз уже один, так как проводника своего я, расплатившись, отправил домой. Что я действительно рисковал жизнью, связавшись с этим человеком, об этом я узнал лишь в ноябре того же года, когда вся Швейцария была взволнована известием о пожаре в гримзельской гостинице, подожженной не кем иным, как самим хозяином последней, желавшим добиться от общины возобновления арендного контракта на усадьбу. Когда преступление обнаружилось, виновник его утопился в ближайшем озере. Но работник, которого он подкупил для совершения поджога, был задержан и посажен в тюрьму. Оказалось, что это был тот самый парень, которого предупредительный хозяин дал мне в проводники на глетчер, где, как я теперь узнал, незадолго перед тем погибли два франкфуртских путешественника. Таким образом, я получил основание считать себя чудом спасенным от грозившей мне смертельной опасности.

273

Незабвенное впечатление произвело на меня странствование по долине, постепенно спускающейся все ниже и ниже. Особенно поразил меня вид южной растительности, открывшийся перед глазами, когда я спустился из тесного скалистого ущелья, в котором теснилась Точе. В горячий солнечный полдень я достиг Домодоссолы²⁰⁰. Здесь я вспомнил милую, написанную с платеновским изяществом комедию неизвестного автора, на которую обратил внимание Эдуард Девриент. Действие этой комедии разыгрывается среди тех самых впечатлений перехода из Северных Альп во внезапно открывающуюся Италию, которые теперь с необычайной силой захватили и меня самого. Памятен мне остался довольно простой, но славный, хорошо поданный обед в итальянском вкусе. Я слишком устал, чтобы в тот же день двинуться дальше. Но, сгорая от нетерпения добраться поскорей до берегов Лаго-Маджоре, я нанял лошадь, которая еще к вечеру должна была доставить меня в Бавено [Baveno]. Мною овладело истинное счастье. Покатив в своей повозке, я позволил себе довольно грубо отказать одному офицеру, просившему через кучера разрешения усестись рядом со мной. Я проезжал по прелестным местам, с удовольствием созерцая изящные фасады домов и симпатичные лица жителей. Помню, мне врезалась в память молодая мать с ребенком на руках, которая сидела за прялкой, напевая вполголоса. После захода солнца я успел еще взглянуть на грациозно подымающиеся из Лаго-Маджоре Борромейские острова. Мысль о предстоящем радовала меня настолько, что я не мог всю ночь заснуть.

Посещение островов на следующий день, действительно привело меня в невероятное восхищение. Я не мог постигнуть развернувшейся перед глазами красоты, я не знал, что мне с нею делать. Казалось, что я должен бежать отсюда, что мне здесь не место. С этим чувством я оставил острова, чтобы вверх по Лаго-Маджоре вернуться через Локарно и Беллинцону [Bellinzona] обратно на швейцарскую территорию. Затем я хотел отправиться в Лугано, где, согласно первому маршруту, думал пробыть несколько дольше. Там стояла нестерпимая, мучительная жара, и даже купание в озере не приносило ни малейшего облегчения. Комнату я снял в здании, похожем на палаццо, которое зимой служило местом заседаний правительства кантона Тессин, а летом превращалось в гостиницу. Устроился я здесь довольно удобно, хотя и пришлось мириться с грязной мебелью, среди которой фигурировал «гамак» из «Облаков» Аристофана²⁰¹.

²⁰⁰ Домодоссоло (*итал.* Domodossola; *нем.* Domo d'Ossola), город на севере Италии, расположенный у слияния рек Бонья (Vogna) и Точе, в долине Оссола у подножия Итальянских Альп.

²⁰¹ Древнегреческий комедиограф Аристофан (444 до н. э. – между 387 и 380 гг. до н. э.) написал свою комедию «Облака» в 423 г. до н. э. Сатира Аристофана направлена против софистов, которые высмеиваются в лице Сократа (хотя на самом деле в комедии пародируется учение Антифонта). В противовес прежним моральным устоям софисты проповедовали учение об относительности нравственных понятий и субъективности привычного человеческого познания. Ирония

Но вскоре мной снова овладело прежнее состояние, от которого я так долго страдал. Как это бывало со мной всякий раз, когда я собирался устроить себе приятный отдых, меня начали сильно беспокоить перемежающиеся приступы нервной возбужденности и подавленности. В дорогу я захватил с собой книги, в частности Байрона, которым рассчитывал заполнить часы отдыха. К сожалению, чтобы находить удовольствие в чтении, я должен был делать над собой усилие, и чем дальше я просматривал «Дон Жуана», тем труднее становилась для меня эта задача. Через несколько дней я уже стал недоумевать, зачем, собственно, я приехал в Лугано. Но вдруг я получил уведомление от Гервега, что он собирается сюда с несколькими друзьями. Какой-то удивительный инстинкт побудил меня телеграфировать жене, чтобы немедленно приехала и она. Минна последовала моему приглашению и поздно ночью того же дня прибыла с готтардскими почтовыми. Ее усталость была так велика, что она сразу заснула в «гамаке» Аристофана и даже не слышала грозы, свирепствовавшей с небывалой силой. К утру явились и цюрихские друзья.

274

Наиболее близким приятелем Гервега был доктор Франсуа Вилле²⁰², с которым я давно у него познакомился. В студенческие годы, как можно было судить по многочисленным рубцам на его лице, он много дрался на дуэлях. Вообще же его характерной чертой была склонность к остроумным, метким замечаниям. Сравнительно недавно он поселился в Майлене [Meilen] на Цюрихском озере и очень просил меня и Гервега бывать у него почаще. Приезжая к Вилле, мы попадали в типичную гамбургскую семейную обстановку, созданную заботами его жены²⁰³, дочери богатого пароходовладельца Слоумена. Еще будучи студентом, он имел случай обратить на себя внимание редактированием в Гамбурге политической газеты, доставившей ему обширные знакомства. У Вилле всегда было много тем для рассказов, и он считался душой общества. Теперь он, по-видимому, поставил себе задачей взяться за Гервега, чтобы вывести его из дурного настроения и нерешительности по отношению к предстоящей экскурсии в Альпийские горы. Сам же он собирался отправиться в обществе профессора Эйхельбергера [Eichelberger] пешком через Готтард. Эта затея сильно возмущала

Вагнера основана на одной из сцен «Облаков», когда Сократ в помещении своей «мыслильни» качается в гамаке. Ученик его объясняет, что мудрец «паря в пространствах, мыслит о судьбе светил, ибо «нельзя проникнуть в тайны воздуха, стоя на земле».

²⁰² Вилле Франсуа (Wille; 1811–1896), швейцарский журналист и политик. Учился в Гёттингенском университете. Продолжил образование в Кильском университете, где получил докторскую степень. Затем переехал в Гамбург; отличался радикальными политическими взглядами; писал статьи на политические темы в *Hamburger Neue Zeitung* («Гамбургской новой газете»). В 1845 г. женился на писательнице Элизе Слоумен (см. ниже). В 1848 г. являлся членом Франкфуртского Предпарламента (Vorparlament), предшествовавшего Франкфуртскому национальному собранию. После поражения революционного движения переехал с женой в Швейцарию. До 1868 г. входил в Конституционный совет Цюриха. Автор книги *Die Gründung der wahren Demokratie durch ein gerechtes Wahlsystem* («Установление истинной демократии через справедливую избирательную систему»; 1868).

²⁰³ Вилле Элиза (Wille; урожденная Слоумен [Sloman]; 1809–1893), немецкая писательница и поэтесса; друг и корреспондент Р. Вагнера. Была дочерью гамбургского судовладельца английского происхождения Роберта Майлза Слоумена (1783–1867). С юности отличалась литературным талантом. Ее первый цикл стихов *Der Sang des fremden Sängers. Eine Phantasie* был опубликован анонимно в 1835 г. и в том же году запрещен цензурой Пруссии, усмотревшей в нем поддержку Польского восстания 1830–1831 гг. В 1836 г. вышел в свет второй том стихов *Dichtungen*; на этот раз за подписью «Элиза Слоумен». В 1845 г. Элиза вышла замуж за швейцарского журналиста Франсуа Вилле, с которым в 1851 г. оставила Гамбург и переехала в Швейцарию. Семья Вилле приобрела имение в Мариафельде (Mariafeld), недалеко от Майлена, на Цюрихском озере, которое стало местом встреч художников, музыкантов, писателей и ученых. В частности, с 1852 г. постоянным гостем семьи Вилле стал Р. Вагнер. В 1850 г. был опубликован двухтомный роман Элизы Вилле *Felicitas*. В 1871 г. она написала новый трехтомный роман *Johannes Olaf*, а в 1878 г. вышел в свет трехтомный сборник новелл *Stilleben in bewegter Zeit*. Все сочинения Элизы Вилле были очень высоко оценены критикой. Об отношениях с Вагнером, в частности, см.: Richard Wagner an Eliza Wille; *fünfzehn Briefe des Meisters nebst Erinnerungen und Erläuterungen von Eliza Wille*. Berlin, 1908.

Гервега, который полагал, что пешком следует ходить лишь по таким местам, по которым нельзя ездить, а отнюдь не по образцовым дорогам.

После прогулки в окрестностях Лугано, доставившей мне возможность самому услышать характерный для итальянских церквей неприятный перезвон колоколов, я убедил общество последовать за мной на Борромейские острова, на которые мне хотелось еще раз посмотреть. Во время поездки на пароходе по Лаго-Маджоре мы встретили худошавого господина с длинными гусарскими усами. В шутку мы прозвали его генералом Гайнау²⁰⁴ и выражали ему ради забавы свое недоверие. Он оказался крайне добродушным ганноверским дворянином, который для своего удовольствия долгое время путешествовал по Италии и мог сообщить нам полезные сведения об итальянцах. Его рекомендации много помогли нам при посещении Борромейских островов. Здесь мои знакомые расстались со мной и с женой, чтобы ближайшим путем отправиться обратно, тогда как мы собирались через Симплон и Валлис в Шамони.

Утомление, которым я до сих пор расплачивался за свою экскурсию, говорило за то, что я не скоро снова пушусь в такое же путешествие. Для меня было важно как следует осмотреть все достопримечательности Швейцарии. Вообще настроение мое с давних пор было таково, что я ждал значительных перемен только от новых внешних впечатлений. Поэтому я не хотел упустить Монблана. Для того чтобы узреть его, пришлось преодолеть большие трудности, к числу которых следует отнести и ночное прибытие в Мартиньи, где по случаю переполнения гостиниц нам всюду отказывали в ночлеге. Только воспользовавшись романом почтальона и горничной, мы неожиданно нашли приют на одну ночь в частной квартире, оставленной господами. В долине Шамони мы, как полагается, посетили так называемое «Ледяное море»²⁰⁵ и Флежер²⁰⁶, откуда вид Монблана произвел на меня значительное впечатление. Однако подъем на эту вершину менее занимал мою фантазию, чем путешествие по перевалу Col des géants, так как восхождение на значительную высоту волновало меня не в такой степени, как продолжительное блуждание по гористой и пустынной местности. Я давно лелеял мечту еще раз испытать такое своеобразное ощущение. Спускаясь с Флежера, Минна упала и вывихнула себе ногу. Болезненные последствия этого падения заставили нас удержаться от всяких дальнейших предприятий такого рода, и мы вынуждены были ускорить наше возвращение через Женеву.

Из этого значительного и грандиозного путешествия, предпринятого почти исключительно для поправления здоровья, я вернулся со странным чувством неудовлетворенности. Во мне продолжала жить тоска по чему-то далекому, сыгравшая решающую роль в моей жизни и придавшая ей новое направление. Дома я мог убедиться в том, что в судьбе моей готовится поворот к лучшему. Это были запросы и заказы различных немецких театров, желавших поставить «Тангейзера». Прежде всего об этом хлопотал придворный театр в Шверине. Младшая сестра Рёкеля, вышедшая замуж за известного мне с ранних лет артиста Морица, вернулась в Германию в качестве молодой певицы, получившей образование в

²⁰⁴ фон Гайнау Юлиус Якоб (von Naupau; 1786–1853), австрийский фельдцейхмейстер (1849), участник подавления Венгерского восстания 1848–1849 гг. Участвовал в кампании 1805 г. против Наполеона; в войне 1809 г.; в походах 1813–1815 гг.; в австро-итальянской войне 1848 г. 29 апреля 1849 г. удостоился от российского императора Николая I ордена Св. Георгия 4-й степени. В июне 1849 г. принял командование над армией, действовавшей против венгерских повстанцев. По окончании кампании получил Большой крест ордена Марии Терезии (26 марта 1850 г.). Удар по карьере Гайнау нанес расстрел по его приказу 13 пленных венгерских генералов и первого венгерского премьер-министра Лайоша Баттьяни, возбудив к нему всеобщую ненависть. В 1850 г. он был вынужден уйти в отставку. Однако его репутации это не помогло. В частности, во время его путешествия по Европе в Лондоне и Брюсселе оскорбления в его адрес приводили к дипломатическим скандалам.

²⁰⁵ «Ледяное море» (*франц.* Mer de Glace; *нем.* Eismeer), ледник в долине Шамони.

²⁰⁶ Флежер (La Flégère), одна из вершин горного массива Монблана; высота 2385 м. Ныне популярный горнолыжный курорт.

Англии. Она так горячо рассказывала одному дельному человеку, служившему при театре, Штоксу [Stocks], о впечатлении, какое произвел на нее в Веймаре «Тангейзер», что тот решил внимательно ознакомиться с оперой и побудить дирекцию подумать о ее постановке. За ним в короткий срок последовали театры Бреслае, Праги и Висбадена. В последнем подвизался в качестве капельмейстера друг моей юности Луис Шиндельмайссер²⁰⁷. К ним вскоре присоединились и другие театры. Но особенно удивился я, получив через нового интенданта, господина фон Хюльзена²⁰⁸, запрос Берлинского королевского театра. Я подумал, что тогдашняя принцесса Прусская, благодаря стараниям моего верного друга, госпожи Фромман, всегда расположенная ко мне, а теперь особенно заинтересованная недавней веймарской постановкой «Тангейзера», очевидно, подействовала неожиданной предупредительности по моему адресу.

В то время как заказы маленьких театров очень обрадовали меня, заказ крупнейшей немецкой сцены сильно меня встревожил. В первых находились преданные мне и ревностные капельмейстеры, сами поднявшие вопрос о постановке оперы; в Берлине, напротив, дело обстояло иначе. Кроме давно известного, совершенно бесталанного и страшно тщеславного капельмейстера Тауберта, там состоял дирижером Генрих Дорн, с которым у меня с ранних лет и со времени Риги были связаны тяжелые воспоминания. Ни с одним из них я не чувствовал желаний и не видел возможности рассуждать о моем произведении. Зная их способности, а также недоброжелательное ко мне отношение, я имел полное основание сомневаться в успешном исполнении моей оперы под их руководством. Так как я сам, будучи эмигрантом, не мог поехать в Берлин, чтобы следить за постановкой, я тотчас же обратился к Листу за разрешением предложить его своим заместителем, своим *alter ego*, на что он охотно согласился. Когда я затем поставил условием приглашение Листа, то встретил со стороны берлинского главного интенданта возражение, что приглашение «веймарского» капельмейстера будет казаться грубым оскорблением прусских придворных капельмейстеров, и потому мне следует от этого требования отказаться. Возникли разнообразные попытки примирить обе стороны, окончившиеся тем, что вопрос о постановке «Тангейзера» в Берлине был надолго снят с очереди.

Несмотря на то что «Тангейзер» с возрастающей быстротой захватывал средние немецкие театры, мной овладело сильное беспокойство относительно духа представлений моей оперы, которого я никак не мог уловить с полной отчетливостью. Так как присутствие мое нигде не допускалось, я решил позаботиться о правильном понимании выдвинутой мной

²⁰⁷ Шиндельмайссер Луис (Schindelmeißer; 1811–1864), немецкий композитор и дирижер. Родился в Кёнигсберге, где его мать преподавала игру на фортепьяно. В 1823 г. переехал в Берлин, где закончил гимназию, одновременно беря уроки игры на кларнете. С 1830 г. начал выступать в концертах как кларнетист. В 1832 г. получил должность капельмейстера в Зальцбурге; позже переехал в Инсбрук, Грац, и, наконец, в 1837 г. стал капельмейстером в Кёнигсштэдтер-театре в Берлине. В 1838 г. был приглашен в Немецкий театр в Пешт, где оставался до 1847 г. В 1847 г. переехал в Гамбург; в 1848 г. – во Франкфурт. В 1851 г. стал музидиректором театра в Висбадене. В 1853 г. получил должность придворного капельмейстера в Дармштадте, где оставался до конца жизни. Его композиторское наследие включает ораторию Bonifacius, Apostel der Deutschen (1844); оперы Mathilde; Die 10 glücklichen Tage; Peter von Szapary (все 1839); Malvina (1841); Die Rächer (1844); балет Diavolina, а также концерт для кларнета и фортепьяно; 4 концерта для кларнета с оркестром; фортепьянные сонаты и песни.

²⁰⁸ Фон Хюльзен Бото (von Hülsen; 1815–1886), немецкий театральный деятель. Начиная карьеру военного; получил образование в Кадетском корпусе в Потсдаме. В 1841–1843 гг. находился на военной службе в Кёнигсберге, где познакомился с актрисой Софией Шрёдер, матерью Вильгельмины Шрёдер-Девриент. Это знакомство решило его судьбу. С 1844 г. начал организовывать театральные представления в казармах своего полка. Во время революционных событий 1848–1849 гг. участвовал в подавлении Мартовского и Дрезденского восстаний. И вместе с тем в 1848 г. получил должность генерал-интенданта придворной музыки. Но фактически его театральная карьера началась в 1851 г., после назначения на пост главы королевских театров в Берлине. В 1852 г. был назначен камергером и генерал-интендантом также театров в Касселе, Ганновере и Висбадене. На этой должности находился до 1866 г. В 1883 г. был назначен президентом Ассоциации немецких театров (Deutschen Bühnenvereins).

задачи, написав подробную статью²⁰⁹, которая должна была служить руководством в постановке. За собственный счет я напечатал изящные оттиски этой довольно обширной работы, и каждому театру, заказавшему партитуру, я послал некоторое количество их с просьбой рекомендовать для руководства и сведения капельмейстеру, режиссеру и главным исполнителям. Мне никогда не приходилось слышать, чтобы кто-либо читал статью или следовал ей. Когда в 1864 году у меня благодаря усердной раздаче брошюры вышли все ее экземпляры, я, к большой своей радости, в архиве мюнхенского театра нашел в целостности и сохранности некогда посланные мной туда оттиски, что дало мне приятную возможность ознакомить с утерянной статьей баварского короля [Людвига II], пожелавшего ее иметь, некоторых друзей, да и самому обновить ее в памяти.

По странной превратности судьбы готовящаяся теперь на немецких театрах постановка оперы совпала с назревшим у меня решением приняться за работу, идея которой была внушена мне необходимостью вполне отрешиться от современных условий театральной жизни. Однако этот столь неожиданный переворот никоим образом не мог повлиять на характер моего труда. Сохраняя свой прежний план, я спокойно предоставил вещам идти своим чередом, нисколько не содействуя постановкам. Я отдал все на волю судьбы, и меня удивляло, когда до меня доходили слухи о большом успехе моих произведений. Однако это не заставило меня изменить мое суждение о нашем театре вообще и об опере в частности. Я оставался непоколебим в своем намерении написать «Нибелунгов» так, как если бы современный оперный театр совершенно не существовал, а необходимо должен был возникнуть тот идеальный театр, о котором я мечтал.

Так, еще в октябре и ноябре этого года я написал текст «Золота Рейна», чем закончил весь цикл задуманной мной саги о Нибелунгах. Но в то же время я переработал «Юного Зигфрида» и «Смерть Зигфрида», и они вошли в логичную связь с целым. Последняя вещь так значительно разрослась, что стала явным образом гармонировать с общим планом замысла. Сообразно с этим я дал ей новое название, соответствующее ее истинному отношению ко всей поэме. Я назвал ее «Сумерками богов». А «Юного Зигфрида», который больше не имел своей темой отдельного эпизода из жизни героя, но в рамках целого получил свое настоящее место рядом с другими главными фигурами, я назвал «Зигфридом».

275

Меня огорчала необходимость на долгое время оставить в неизвестности это обширное поэтическое произведение для тех, кто, несомненно, мог бы обнаружить интерес к нему. Так как театры неожиданным образом стали присылать мне причитающийся гонорар за «Тангейзера», то я ассигновал часть этих получений на то, чтобы известное количество красиво изданных экземпляров поэмы заказать для себя лично. Таких экземпляров я велел приготовить только 50. Но прежде, чем я покончил с этим в высшей степени приятным для меня занятием, мне пришлось перенести большое горе.

Конечно, среди окружающих я находил людей, сочувствующих окончанию крупной поэтической работы, хотя большинство знакомых считали все это химерой или даже заносчивым капризом. Действительно понимал ее и тепло относился к ней только Гервег, с которым я ее часто обсуждал и которому обыкновенно прочитывал готовые части. Зульцер был

²⁰⁹ Статью «О постановке «Тангейзера» (Über die Aufführung des «Tannhäuser») см.: *Wagner R. Gesammelte Schriften und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. V, S. 123–159.* Значительные отрывки из этой статьи были также напечатаны в *Neue Zeitschrift* за 3 и 24 декабря 1852 г. и 1 января, 7 и 14 января 1853 г., снабженные сноской о том, что «эту брошюру нельзя купить у книготорговцев, и она не предназначалась для широкой публикации. Но мы имеем авторское разрешение использовать ее частично в этом журнале». Под «частичным» использованием имеется в виду то обстоятельство, что слишком откровенные вагнеровские сведения личных счетов были опущены в журнальной публикации.

очень недоволен переделкой «Смерти Зигфрида», так как считал эту вещь удачной и оригинальной. Он полагал, что она лишилась этих качеств, если я счел правильным и целесообразным произвести в ней такие значительные изменения. Поэтому он выпросил себе на память рукопись первой редакции, которая иначе, наверное, потерялась бы.

Чтобы составить себе понятие о впечатлении, производимом поэмой при ознакомлении с ней в наивозможно быстрой последовательности, я решил через несколько дней, в середине декабря, по окончании работы посетить семейство Вилле в их поместье и прочесть там свое произведение перед небольшим обществом. Кроме Гервега, который поехал вместе со мной, присутствовали еще фрау Вилле и ее сестра фрау фон Биссинг²¹⁰. Уже раньше при моих частных визитах в Мариафельд, лежавший в двух часах ходьбы, я развлекал обеих дам своеобразной игрой на рояле и приобрел в их лице почти фанатически преданную мне публику, к некоторому неудовольствию господина Вилле, который открыто признавался, что музыка вселяет в него ужас. Впрочем, в конце концов и он научился смотреть на эти вещи с комической точки зрения, со стороны их забавности. Так как я приехал под вечер, то мы сейчас же принялись за «Золото Рейна». Затем я нашел, что еще не поздно, и так как слушатели не боялись никакого напряжения, то до полуночи я успел прочесть «Валькирию». На следующее утро после завтрака наступила очередь «Зигфрида», а вечер я закончил «Сумерками богов». Я имел основание быть довольным произведенным мною впечатлением: дамы были так взволнованы, что отказывались от всякого разговора на эту тему. К сожалению, я почувствовал какой-то необъяснимый страх и волнение. Я не спал ночь и на другой день боязливо отклонял всякий разговор и удивил всех своим внезапным уходом. Только Гервег, сопровождавший меня домой, по-видимому, понял мое настроение и не нарушал молчания.

Особенное удовольствие я хотел доставить себе, познакомив с законченным произведением моего верного друга Улига в Дрездене, с которым я вел непрерывную переписку и который фаза за фазой следил за разработкой всего плана. Я не хотел посылать ему «Валькирию» до окончания «Золота Рейна». А затем он должен был получить все не иначе как в виде хорошо изданного экземпляра. С наступлением осени я, однако, имел основание, по письмам Улига, все более и более беспокоиться о его здоровье. Он жаловался на усиление подозрительных приступов кашля и на наступившую в конце концов полную потерю голоса. Сам он считал все это только слабостью, с которой надеялся справиться, укрепив тело холодной водой и продолжительными прогулками пешком. Театральная служба скрипача была всему виной: после хорошей семичасовой прогулки по окрестностям он чувствует себя гораздо лучше. Правда, приступы кашля и охриплость не проходят, и ему очень трудно разговаривать даже с окружающими. Я не хотел пугать несчастного и постоянно надеялся, что его состояние побудит врача рекомендовать ему разумное лечение. Теперь, непрестанно выслушивая уверения относительно его преданности принципам водолечения, я не мог не возвать к прекращению этой бессмыслицы и не посоветовать обратиться к разумному врачу, так как дело, очевидно, идет не об укреплении, а о сбережении сил. Тогда бедняга в высшей степени перепугался, так как из моих слов он увидел, что я питаю опасения, не болен ли он чахоткой в последней стадии. «Что будет с моей несчастной женой и детьми, если я действительно так плох?» – писал он мне. К сожалению, было уже поздно. Он писал мне из последних сил. Однажды старый друг мой, хормейстер Фишер, передал мне разные поручения от имени Улига: их с трудом можно было расслышать, приблизивши ухо к самому его рту. За этим со страшной быстротой последовало известие об его смерти. Он умер 3 января нового

²¹⁰ Фон Биссинг Генриетта (урожденная Хариетт [Harriet] Слоумен;?—?). Родная сестра Э. Вилле; дочь гамбургского судовладельца Роберта Майлза Слоумена (1783–1867). Вышла замуж за барона Эрвина фон Биссинга (1803–1852). Не путать с Генриеттой (Доротеей) фон Биссинг (урожденная Крон [Krohn]; 1798–1879), немецкой писательницей. Также не путать с Миррой фон Биссинг (урожденной Везендонк; 1851–1888), дочерью Отто и Матильды Везендонков, 22 августа 1872 г. вышедшей замуж за Морица Фердинанда фон Биссинга (1844–1917), племянника Эрвина фон Биссинга.

1853 года. После Лерса это был второй из искренне преданных мне друзей, которых похищала чахотка. Красивый экземпляр «Кольца Нибелунга», предназначенный для него, оказался свободным. Я завещал его младшему его сыну, моему крестнику, которого он назвал Зигфридом. У его вдовы я выпросил теоретические сочинения, оставшиеся после него, и получил много значительных вещей, среди них ранее упомянутую статью о конструкции тем. Хотя издание этих работ требовало больших трудов, так как необходимы были тщательные поправки и переделки, я все-таки запросил Гертеля в Лейпциге, предложит ли он вдове хороший гонорар за сборник статей Улига. Издатель ответил, что не возьмется за напечатание их даже даром, так как такие вещи не дают никакой прибыли. Уже тогда я имел случай убедиться, как ненавистен в известных кругах каждый музыкант, пылко ведущий за меня борьбу.

276

Известие о смерти Улига дало в руки друзьям моего дома большой козырь в вопросе о водолечении. Гервег внушил жене мысль подкреплять меня стаканом доброго вина после утомительных репетиций и концертов этой зимы. Постепенно я привык к употреблению слабо возбуждающего кофе и чая, и мои друзья с радостью увидели, что я снова стал человеком. Доктор Ран-Эшер сделался другом нашего дома. Он был нам всем приятен тем, что приносил с собой успокоение. В течение многих лет он отлично справлялся со всеми затруднениями, которые причиняло мое здоровье или, вернее, перенапряжение моих нервов. Он доказал разумность своего метода, когда в середине февраля я задумал в четыре вечера прочесть довольно обширному кружку слушателей мою тетралогию. После первого вечера я сильно простудился. На следующее утро я проснулся с катаральной охрипкостью. Врачу я тотчас же заявил, что отмена чтения будет мне крайне неприятна. «Что делать, чтобы поскорей избавиться от хрипоты?» Он потребовал, чтобы я вел себя весь день как можно спокойнее. Вечером я могу отправиться на чтение, тепло закутавшись. Там я должен предварительно выпить две чашки слабого чая. Все остальное уладится само по себе. Но я легко могу заболеть более серьезно, если начну горевать о неудаче моей затеи. Действительно, чтение этой вещи, исполненной больших страстей, сошло великолепно. На третий и четвертый вечер я продолжал его и чувствовал себя совершенно здоровым. Для этих собраний я нанял большой и элегантный зал в отеле *Baur au Lac*²¹¹ и с удивлением стал наблюдать, как с каждым вечером он наполнялся все более и более, хотя я пригласил только узкий круг знакомых, предоставив последним право привести тех, у кого они будут иметь основание предположить действительный интерес, а не простое любопытство. Впечатление получилось вполне благоприятное. Я добился признания серьезнейших членов университета и администрации, услышал много одобрительных отзывов об идее поэмы, так же как о связанных с нею художественно-артистических замыслах. Свообразная сдержанная серьезность, с какою высказывались отдельные сочувственные суждения, возбудила во мне мысль использовать благоприятное настроение в целях тех высших тенденций, которые мной руководили.

При общераспространенном поверхностном воззрении на дело все находили нужным уговаривать меня вступить в отношения с театральным миром. Я задумался над тем, как можно было бы, следуя здравым принципам, наставить на добрый путь скромно оборудованный цюрихский театр, и довел до общего сведения свои соображения на этот счет в статье, озаглавленной «Театр в Цюрихе»²¹². Изданная приблизительно в количестве ста экземпля-

²¹¹ Отель ведет свою историю с 1844 г. и существует по сей день. Ныне это пятизвездочный отель, имеющий 120 номеров. Находится по адресу Zürich, Talstrasse 1.

²¹² Статью «Театр в Цюрихе» (Ein Theater in Zürich) Вагнер написал еще в 1851 г. См.: *Wagner R. Gesammelte Schriften*

ров, статья была распродана целиком. Но я никогда не слышал, чтобы она произвела какое-либо действие. Только позднее, на одном из торжественных обедов Музыкального общества, когда раздались голоса относительно того, что мои мысли очень хороши, но, к сожалению, неосуществимы, досточтимый Отт-Имхоф заявил, что он отнюдь не может с этим согласиться. По его мнению, для выполнения моих замыслов недостает лишь одного – моей готовности взять на себя руководство театром, так как он никому больше не может доверить выполнение моих идей. Но я был вынужден заявить, что не хочу иметь ничего общего с этим делом, и вопрос оказался исчерпанным. В глубине души я должен был сознаться, что не вправе претендовать на людей.

277

Тем временем интерес ко мне возрастал. Категорично отклоняя желание моих друзей увидеть мои главнейшие произведения на сцене, я согласился наконец составить подбор характернейших отрывков, которые можно было бы исполнять в концертах, как только мне будет оказана необходимая для этого поддержка. С этой целью была устроена подписка, давшая успешный результат: некоторые известные и состоятельные любители искусства вызвались покрыть все расходы. Я со своей стороны взялся за ангажемент необходимого мне оркестра. Пригласив отовсюду хороших музыкантов, я после бесконечных стараний мог надеяться, что собрал в достаточной степени удовлетворительный состав. Приглашенные музыканты должны были пробить в Цюрихе целую неделю, от воскресенья до воскресенья. Половину этого времени они были заняты исключительно репетициями.

В среду вечером должен был состояться концерт, в пятницу и воскресенье повторение его. Эти дни приходились на 18, 20 и 22 мая, причем день 22 мая был днем моего сорокалетия. К моей радости, все предварительные распоряжения были в точности выполнены. Музыканты из Майнца, Висбадена, Франкфурта и Штутгарта, а также из Женевы, Лозанны, Базеля, Берна и других главных городов Швейцарии аккуратно явились в воскресенье днем. Их тотчас же направляли в театр, где они должны были точно ознакомиться со своими местами по плану размещения оркестровых музыкантов, изобретенному мной еще в Дрездене и здесь великолепно подтвердившему свою пригодность, чтобы на другое утро без задержки и замешательства приступить к репетиции. Так как эти музыканты находились в моем распоряжении с утра до вечера, то в два с половиной дня, без особого напряжения, я разучил с ними целый ряд наиболее значительных отрывков из «Летучего Голландца», «Тангейзера» и «Лоэнгрин». С большим трудом пришлось мне набирать хор, который вышел очень недурным. Сольного пения не требовалось, за исключением баллады Сенты из «Голландца», которую с безупречной тщательностью исполнила жена капельмейстера Гейма²¹³, обладавшая хорошим, хотя и необработанным голосом. Собственно говоря, все предприятие носило не столько публичный, сколько патриархальный характер: мне хотелось удовлетво-

und Dichtungen. Leipzig, 1871–1911. Bd. V. S. 20–52.

²¹³ Гейм (Хайм) Игнац (Heim; 1818–1880), швейцарский композитор, хормейстер и фольклорист. По желанию родителей должен был стать фармацевтом, но после смерти отца переехал во Фрайбург, где организовал Фрайбургское мужское хоровое общество (Freiburger Liedertafel). Во время революционных событий 1848–1849 гг. принимал участие в Баденском восстании, после поражения которого, имея швейцарское гражданство, без проблем переехал в 1850 г. в Швейцарию. В 1852 г. в Цюрихе организовал Хоровое общество (Gesangvereine) и стал хормейстером церковных хоров. Он собрал и подготовил к изданию большое количество народных песен. Составлял из них сборники для мужских и смешанных хоров, многократно переиздававшиеся; кстати, многие хоры из этих сборников написаны им самим. Следует отметить такие издания, как: Sammlung v. Volksgesängen für den Männerchor (1862); Sammlung für gemischten Chor (1863); Für Töchter – u. Frauenchöre (1867); Sammlung von Volksgesängen für den gemischten Chor (1869); Sammlung von Volksgesängen für den Männerchor herausgegeben von der Musik-Kommission der Zürich (1872); Neue Volksgänge für den Männerchor. Liederbuch für Schulen und Vereine (1875) и др.

речь искреннее желание широкого круга, показав по мере возможности основные особенности моей музыки. А так как и для этого требовалось знакомство с главными чертами моего поэтического творчества, то желавших присутствовать на моих концертах я пригласил на три вечера в зал Музыкального общества. Я хотел прочесть им тексты трех опер, отрывки которых им предстояло прослушать впоследствии. Это приглашение было встречено с большим сочувствием, и я должен признать, что моя публика явилась на исполнение характерных частей оперы более подготовленной, чем какая-либо иная. Концерты этих трех вечеров были для меня знаменательны в том отношении, что на них я сам в первый раз слушал исполнение отрывков «Лоэнгрин» и мог составить себе понятие о впечатлении, какое должна произвести комбинация инструментов в интродукции оперы. Между концертами состоялся парадный обед, первый и единственный, устроенный в мою честь, если не считать позднейшего в Пеште. Меня в высшей степени тронула речь председателя Музыкального общества, господина Отт-Устери²¹⁴, человека чрезвычайно преклонного возраста. В ней он обратил внимание собранных из различных мест музыкантов на значение их встречи, на цель и результаты ее и высказал уверенность, что каждый из них, несомненно, унесет с собой убеждение, что он вступил в тесное и плодотворное соприкосновение с новым значительным явлением в области искусства.

278

Волнение, вызванное этими концертами, расходясь все более широкими кругами, сообщилось всей Швейцарии. Издалека стали поступать требования и заявления о дальнейших повторениях. Меня уверяли, что я смело могу возобновить эти три концерта на следующей неделе, не опасаясь уменьшения наплыва слушателей. Во время прений по этому вопросу, когда я заявил о своем утомлении, равно как и о желании не отнимать у концертов их необычайного характера, не дать погаснуть всеобщему к ним интересу, я с радостью отметил осмысленную, вескую и энергичную поддержку, оказанную мне Хагенбухом. Праздник кончился, и гости разошлись в заранее установленное время.

²¹⁴ Отт-Устери Ганс Конрад (Ott-Usteri; 1788–1872), швейцарский предприниматель и общественный деятель. Был членом первого Совета директоров театров Цюриха. В 1834–1867 гг. являлся президентом Всеобщего Музыкального общества. Его речи на заседаниях Общества имеют историческое значение; они были опубликованы и ныне хранятся в Государственной библиотеке Цюриха. Его общественная деятельность была неотъемлемой и одной из главных составляющих культурной жизни Швейцарии в XIX в.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.